

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

1
2022
ЧАСТЬ III

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 1 (396) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахронов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Гипатия* (350/375(?) год н.э. — 415(?) год н.э.), позднеэллинистический философ-неоплатоник, математик, астроном и механик.

Точно неизвестно, когда именно Гипатия появилась на свет. Некоторые историки считают, что где-то между 350 и 375 годами н.э. Родилась она в семье греческого математика Теона — последнего смотрителя Александрийской библиотеки. О матери девушки нет никакой информации, впрочем, и о жизни самой Гипатии специалисты знают очень мало. Как пишет историк Уильям Дикин, «наиболее подробные сведения о жизни Гипатии, которые у нас есть, — это записи о ее смерти. Из первоисточников мы знаем больше о том, как она умерла, чем о том, как жила». Основные труды, которые хоть что-то могут рассказать о женщине-философе, — это энциклопедический словарь на греческом языке «Суда» и тексты христианских историков, в частности работы Сократа Схоластика, Синесия Киренского.

Теон не хотел для своей дочери участи, которая традиционно ожидала девушек того времени (бытовые дела: ухаживать за детьми, стариками, больными, скотом и готовить пищу), и поэтому воспитал ее так, как если бы это был сын: дал домашнее образование — обучил основам математики, астрономии и философии. Уже в юном возрасте Гипатия помогла своему отцу написать комментарии к переведенным им на родной язык работе Евклида «Начало» и произведениям Птолемея. Чуть позже девушку пригласили читать лекции по математике, астрономии, философии Платона и Аристотеля в Александрийскую школу неоплатонизма, то есть удостоили такой привилегии, какая тогда была доступна только мужчинам.

Со своими учениками Гипатия делилась знаниями по алгебре и геометрии (женщине-ученому приписывают несколько трактатов по алгебре, геометрии, астрономии, но ни один из них до нас не дошел), также считается, что она усовершенствовала некоторые научные инструменты: астролябию, планисферу, приборы для измерения плотности воды и получения дистиллированной жидкости. Кроме прочего, Гипатия продолжала дело своего отца: пе-

реписывала и сохраняла великие научные труды своих предков.

«Самое страшное — это преподносить суеверие как истину», «Все религиозные догматы ошибочны, уважающий себя человек никогда не примет их как непреложную истину», «Истина не меняется от того, что в нее верит или не верит большинство людей», — вот слова, которые приписывают Гипатии Александрийской.

В 412 году епископом Александрии стал Кирилл. Священнослужитель испытывал неприязнь к иудеям и часто вступал в конфликты с властями города, которые не хотели отменять язычество и официально признавать «истинную веру». Ситуацию усугубляла Гипатия, как считал епископ. Эта женщина мало того, что плохо влияла на префекта Ореста в вопросе признания христианства, так еще и подливала масла в огонь своими философскими и математическими трудами, а они шли вразрез с учением новой церкви. Епископ пустил слухи, что Гипатия — ведьма, занимается черной магией и при помощи сатанинских хитростей очаровала Ореста так, что он прекратил ходить в церковь, искушает верующих людей отказаться от религии и принимает в доме префекта язычников. Слухи сыграли свою роль: сторонники Кирилла убили Гипатию, избili Ореста, а после изгнали язычников и иудеев из города, разграбили их храмы и дома.

После смерти Гипатии христиане разорили Александрийскую школу, а потом и вовсе спалили. Когда христиане «подчинили» Александрию, из города случился большой отток ученых и художников, которые направились в Афины, где еще процветало язычество. Чуть позже Орест примирился с Кириллом и крестился, а самого епископа причислили к лику святых «за его усилия по подавлению язычества и в борьбе за истинную веру».

Личность Гипатии волновала многих исследователей на протяжении сотен лет. Она была замечательным теоретиком и учителем, воспитавшим целое поколение молодых ученых. Смерть Гипатии нанесла последний и решающий удар не только по математической школе Александрии, но и по всей античной науке в целом.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бозаров Ш. Т.

Особенности банковских кредитных правоотношений по законодательству Республики Узбекистан 151

Бумагина А. О., Ловейкина У. С.

Наследники по закону и порядок призвания их к наследованию по российскому и зарубежному законодательству 155

Быкова Т. А.

Определение понятия создания доказательств обвинения как квалифицирующего признака заведомо ложного доноса 157

Дворяк В. Е.

Российская Федерация как правовое государство 158

Дворяк В. Е.

Российская Федерация как правовое образование 160

Демин О. С.

Организационные договоры в дореволюционной российской цивилистике 162

Зиманов Г. В.

Особенности заключения контракта на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд 164

Иванов А. Н.

Доход как признак общественной опасности от незаконного предпринимательства 167

Ковалева Д. С.

Понятие, особенности и некоторые проблемные вопросы административного иска 169

Кравченко В. В.

Хищения с использованием информационных технологий: вопросы отграничения составов преступления 171

Ласточкина А. А.

Сравнительный анализ конституционно-правового статуса эмбриона в России, США и Японии 173

Лукина К. А.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности 175

Мадатов З. Э.

Уголовная ответственность за террористическую деятельность в Азербайджане 179

Makhmudov A. A.

Basic principles of the organization and activities of the prosecutor's office in Uzbekistan 181

Мурашкин Н. Ю.

Проблемные аспекты уголовно-процессуальных правоотношений в современной России 184

Нургалеев М. С.

Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности как способ охраны объектов интеллектуальной собственности 186

Патахова А. Х.

Эмансипация несовершеннолетних граждан в Российской Федерации 188

Поминова И. С.

Об изменении перечня лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам 191

Решетнюк И. В.

Трудовой договор: понятие, содержание и виды 193

Сорокин И. В. Проблемные аспекты прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия.....	195
Сорокин И. В. Проблемные аспекты прокурорского надзора в современной России	197
Спирина Н. А. Правовая регламентация делопроизводства органов внутренних дел РФ.....	199
Суханова К. А. Обналичивание как острая проблема финансовой системы Российской Федерации	201
Фиошин А. В., Бер А. Э., Голубева А. А., Леонтьева С. М. Сравнительная характеристика законодательства о брачных договорах в странах СНГ (Россия, Украина, Белоруссия, Республика Молдова) ...	203
Хуторная Ю. В. Электронное правительство и электронная демократия: проблемы соотношения	205
Сао Уајун Review and Outlook of the 20th Anniversary of the Implementation of China's Trust Law	207
Шабурова А. Н. Меры правового принуждения и ответственности, применяемые к иностранцам на территории Германии	213

Юмакулова Н. А. Прокурорская деятельность в условиях цифровизации	215
---	-----

ИСТОРИЯ

Бит-Савва Ж. Э. Специфика феодализма в государствах крестоносцев на Ближнем Востоке в XII веке	218
Железова Л. Ю., Сидоркин Ю. В. Реализация вероисповедной политики Министерством внутренних дел по отношению к раскольникам в XIX веке	220
Щепеткова Е. В. Ремесленное и промышленное производство одежды и обуви в Симбирске во второй половине XIX — начале XX века	222

ФИЛОСОФИЯ

Бендюков А. П. Философские основания страха войны в феноменологическом мире человека.....	225
Мухамедова Р. С. Литературоведческие опыты Эдварда Саида и их влияние на формирование концепции ориентализма	227
Шигорева Н. С. Анализ основных положений учения Уильяма Оккама.....	228

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности банковских кредитных правоотношений по законодательству Республики Узбекистан

Бозаров Шавкат Таджибаевич, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, юрист
Лизинговая ассоциация Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

В данной статье на основе положений теории государства и права, а также гражданского законодательства Республики Узбекистан анализируются особенности банковских кредитных правоотношений, основные положения правового регулирования банковской деятельности в современных рыночных условиях в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: банк, кредит, правоотношение, кредитное правоотношение, субъекты, объекты, юридические факты, банковское законодательство.

Банковские кредитные правоотношения занимают особое место в системе финансовых отношений в экономике любого современного государства. Банки являются основным финансовым институтом, составляющим ядро кредитной системы любого современного государства. Как кредитное учреждение, банки аккумулируют временно свободные денежные средства хозяйствующих субъектов и населения и используют их для кредитования выгодных проектов, тем самым не только зарабатывая прибыль для своих акционеров, но и удовлетворяя потребности экономической системы в необходимых финансовых ресурсах.

В результате правового регулирования деятельности банков по кредитованию своих клиентов образуются банковские кредитные правоотношения. Анализ структуры банковских кредитных правоотношений имеет не только важное теоретическое значение, обогащая положения юридической науки, посвященные общей теории правоотношений, но и позволяет увидеть тонкости правового регулирования банковского кредитования на практике.

Среди многочисленных определений понятия «правоотношение», наиболее распространённым является следующее: урегулированные нормами права общественные отношения, участники которого являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством [1]. Правоотношению характерны следующие признаки.

1. Правоотношение — это особый вид общественных отношений, который служит юридической формой взаимодействия между участниками экономических, политических, социальных и иных общественных отношений. Банковские кредитные правоотношения являются юри-

дической формой взаимодействия между банком как кредитором и клиентом банка как заемщиком.

Автор присоединяется к мнению советских цивилистов Иоффе О.С. и Шаргородского М.Д. о том, что правовые отношения выступают как вид или форма самого реального отношения, и отдельно от него, вне этого отношения, такая форма вообще не может существовать [2]. Невозможно представить себе существование банковских кредитных правоотношений вне экономических отношений, связанных с предоставлением банками заемщикам кредитов.

2. Правовые отношения всегда складываются на основе правовых норм, в которых находит свое выражение государственная воля. Общественные отношения могут регламентироваться с помощью правил, содержащихся в обычаях, традициях и т.д., однако характер и форму правовых отношений принимают лишь тогда, когда государство издает нормы, содержащиеся эти правила. Примером банковско-правовой нормы, придающей общественным банковским кредитным отношениям форму банковского кредитного правоотношения, может служить норма части первой статьи 745 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, устанавливающей обязательную письменную форму для кредитного договора [3].

3. Правоотношения всегда связаны с сознательно-волевыми действиями их участников, т.е. содержащиеся в нормах права субъективные права и юридические обязанности осуществляются благодаря сознательно-волевым действиям участников общественных отношений. В банковских кредитных правоотношениях банк в лице уполномоченных органов или представителей и заемщик сознательно принимают на себя определенные права и обязанности, связанные с предоставлением кредита и его воз-

вратом на согласованных условиях, и своими волевыми действиями реализуют их.

• Реализация правоотношения всегда гарантируется возможностью государственного принуждения. Основная масса правоотношений основываются на добровольное и сознательное поведение их участников по реализации прав и обязанностей, однако в случае несоответствия действий субъектов правоотношения установленным нормам и требованиям, государство обязано предпринимать предусмотренные законодательством меры против нарушителей. В банковской сфере примером государственного принуждения может быть случай нарушения заемщиком обязанности по возврату полученных кредитных ресурсов, которое влечет ответственность в форме принудительного возврата полученных денежных средств и уплатой полагающихся по кредитному договору процентов по решению суда и его исполнению через органы исполнения судебных актов.

Классическая правовая наука рассматривает правовые отношения через призму составляющих его элементов, коими являются субъекты, объекты, содержание правоотношения, а также юридические факты как основания возникновения прав и обязанностей участников правоотношения в отношении его объектов.

Субъектами, или участниками правоотношения являются юридические и физические лица, которых государство наделяет способностью быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей. По мнению русского цивилиста Г. Ф. Шершеневича, о субъекте правоотношения говорят или с активной стороны, как о носителе права, или с пассивной стороны, как о носителе обязанности [4].

Вопрос о субъекте правоотношения тесным образом связан с вопросом правосубъектности и составляющими ее звенья правоспособностью и дееспособностью.

Под правоспособностью понимается установленную законом способность субъекта быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей. Правоспособность подразделяется на общую (способность лица быть субъектом права вообще, например любое физическое лицо получает общую правоспособность с момента рождения), отраслевую (действует только в отдельных отраслях права) и специальную правоспособность (требует выполнение отдельных условий, например, получение лицензии). Дееспособность — это способность субъекта правоотношения своими действиями приобретать субъективные права и юридические обязанности. Особенностью право- и дееспособности юридических лиц является то, что они всегда носят специальный характер, предопределяемый целями и предметом деятельности в соответствии со своим уставом.

В банковских кредитных правоотношениях всегда участвуют два субъекта: банк и заемщик. В соответствии со статьей 3 Закона Республики Узбекистан «О банках и банковской деятельности», банк — это юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, осуществ-

ляющее в совокупности операции по открытию и ведению банковских счетов, проведению платежей, привлечению денежных средств во вклады (депозиты), предоставлению кредитов от своего имени, определяемые в качестве банковской деятельности [5]. Банк как субъект банковского кредитного правоотношения, обладает следующими признаками.

1. Банк — это юридическое лицо. Как верно отмечает А. П. Сергеев, возникновение юридического лица как идеальной конструкции, как фикции было вызвано потребностью создать инструмент, позволяющий множеству людей выступать в гражданских правоотношениях как единому целому, обособлять имущество и выводить его в оборот от собственного имени [6]. В качестве юридического лица банк как идеальная конструкция позволяет аккумулировать значительные средства акционеров в первоначальный уставный капитал, являющийся собственностью банка, на основе которого он получает возможность привлекать значительные средства уже чужих денег — вкладов физических и юридических лиц.

В соответствии со статьей 39 Гражданского кодекса Республики Узбекистан юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [7]. И при этом, как отмечает Х. Рахмонкулов, наличие каждого из этих признаков является необходимым, лишь в совокупности они могут обосновать признание юридическим лицом какой-либо организации или учреждения [8]. Анализ юридического статуса банка показывает, что он полностью соответствует данному определению юридического лица.

2. Банк является коммерческой организацией. В соответствии со статьей 40 Гражданского кодекса Республики Узбекистан коммерческой является организация, преследующая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности. Коммерческая организация может быть создано в форме хозяйственного товарищества и общества, производственного кооператива, унитарного предприятия, и в иной форме, предусмотренной законодательными актами.

Для учредителей банк — это деловое предприятие, направленное прежде всего на увеличение их финансовых ресурсов и богатства. И создаются банки в Республике Узбекистан традиционно в форме акционерного общества.

3. Банк — это организация, которая осуществляет банковскую деятельность. В соответствии с нормой вышеуказанной статьи 3 Закона «О банках и банковской деятельности», совокупность операций по открытию и ведению банковских счетов, проведению платежей, привлечению денежных средств во вклады (депозиты), предоставлению кредитов от своего имени определяется в качестве банковской деятельности.

В различных странах законодатели по-разному относятся к определению банка и банковской деятельности. В частности, в странах ЕС существует определение кредитной организации (очень часто используемое в значении банка), под которой понимается предприятие, ведущее деятельность по привлечению депозитов или других возвратных средств от любых третьих лиц и по предоставлению кредитов от собственного имени» [9]. А в соответствии со статьей 1 Федерального Закона Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» банк — кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [10]. Как показывают вышеприведенные два примера, при определении понятия «банк» наш законодатель пошел по общепринятому пути и взял за основу понятие «банковской деятельности», которое по содержанию, в принципе, совпадает с общепринятой мировой практикой правового регулирования банковской деятельности.

Для правового регулирования банковской деятельности важным является вопрос правоспособности. Банки как юридические лица с момента государственной регистрации обладают специальной правоспособностью, определяемой целями и предметом деятельности. Банки создаются в целях получения прибыли для акционеров путем осуществления банковской деятельности. При этом банковское законодательство не только предусматривает необходимость получения лицензии для осуществления банковской деятельности, но и устанавливает ряд видов деятельности, которые запрещены для банков, например, непосредственное занятие торговой и страховой деятельностью.

Заемщиками в банковских кредитных правоотношениях могут выступать любые физические и юридические лица, обратившиеся в банк за финансовыми ресурсами и подписавшие кредитный договор с банком. При заключении и исполнении кредитного договора физическое лицо должно обладать полной дееспособностью, а юридическое лицо действовать строго в соответствии со своей уставной правосубъектностью. На практике, по количеству кредитных сделок преобладают сделки, в которых в качестве заемщиком участвуют физические лица, однако по объему получаемых кредитных ресурсов значительно преобладают сделки с участием юридических лиц, главным образом привлекающие банковские кредитные ресурсы для производственных целей.

По общепризнанному мнению ученых-правоведов, одним из основных видов объект правоотношения являются вещи. К вещам относятся предметы, существующие вовне или возникающие в будущем (например, будущий урожай), в отношении которых устанавливаются субъективные прав и юридические обязанности участников

правоотношения. Статья 81 Гражданского кодекса Республики Узбекистан к вещам, наряду с другими предметами, относит и денег, которые и являются объектом банковских кредитных правоотношений, о чем прямо указано в статье 744 данного Кодекса: банк предоставляет заемщику денежные средства на предусмотренных договором условиях, и все права и обязанности банка и заемщика возвращаются именно вокруг предоставления денежных средств банком заемщику и их возврат заемщиком банку.

Размер предоставляемых в кредит денежных средств определяется исходя из потребностей заемщика и кредитных возможностей банка. Заемщик должен обосновать размер необходимых ему денежных средств путем предоставления бизнес-плана, в котором излагаются параметры подлежащего финансированию проекта и демонстрируются будущие возможности заемщика своевременно и в полном объеме вернуть полученный кредит с процентами. А возврат полученного кредита с процентами осуществляется в соответствии с графиком, прилагаемым к кредитному договору.

Для возникновения, изменения и прекращения правоотношения кроме наличия субъектов и объектов правоотношения также необходимы жизненные обстоятельства, с наступлением которых правовые нормы связывают возникновение субъективных прав и обязанностей участников правоотношения. Эти обстоятельства в правовой теории и правоприменительной практике называются юридическими фактами. Юридические факты — это такие сформулированные в гипотезах правовых норм жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, существование, изменение или прекращение правоотношения.

В гражданских правоотношениях среди конкретных оснований возникновения гражданских прав и обязанностей на первом месте стоит договор. В банковских кредитных правоотношениях основным юридическим фактом является кредитный договор. Однако, субъективные права и юридические обязанности участников банковских кредитных правоотношений могут также возникать и по другим договором. В частности, часть первая статьи 744 Гражданского кодекса Республики Узбекистан гласит, что по кредитному договору одна сторона — банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуется предоставить денежные средства (кредит) другой стороне (заемщику) в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты на нее. Однако часть третья данной статьи гласит, что к отношениям по кредитному договору применяются правила параграфа 1 Главы 41, если иное не предусмотрено правилами данного параграфа и не вытекает из существа кредитного договора. Таким образом, юридическим фактом в банковских кредитных отношениях также служит и договор займа.

Кроме того, для получения кредита заемщик обязан открыть счет в данном банке, для чего необходимо заключение с банком договора банковского счета. В кре-

дитном договоре стороны указывают, по какому счету клиента будут переводиться кредитные ресурсы для заемщика и на какой счет будут поступать возвращаемые заемщиком суммы кредита и проценты к нему. Таким образом, договор банковского счета также служит основанием для определенных субъективных прав и юридических обязанностей участников банковского кредитного правоотношения.

Наконец, последним элементом правоотношения, является его юридическое содержание, под которым понимается вся совокупность субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношения в отношении объектов правоотношения. Субъективное право предусматривает меру дозволенного поведения, а юридическая обязанность — меру должного поведения.

На практике заключение и исполнение банковского кредитного договора предусматривает установление в договоре и исполнение многочисленных взаимных прав и обязанностей банка и заемщика. Исходя из ограниченных рамок данной научной статьи остановимся лишь на наиболее существенных из них.

Главной обязанностью банка является своевременное и полном объеме предоставление денежных средств в распоряжение заемщика. Ему корреспондируется право клиента требовать своевременной передачи ему обусловленной договором суммы.

Главной обязанностью заемщика является своевременный и в полном объеме возврат основной суммы кредита и начисленных по нему процентов. В свою очередь банк наделяется правом требовать своевременной уплаты основного долга по кредиту и процентов. Кроме того, банку законодательством предоставлено право безакцептно, т.е. без согласия заемщика, списывать с его счета все суммы по кредитному договору, сроки платежа по которым уже наступили.

Часто на практике на заемщика возлагается обязанность по предоставлению залога в качестве обеспечения своих будущих обязательств по кредитному договору, по предоставлению периодических отчетов о финансовом состоянии, по обеспечению допуска сотрудников банка для проверки целевого использования объекта и т.д. В этом случае банку предоставляется корреспондирующие этим обязательствам права, обеспечивающие их реализацию интересов банка в каждом конкретном случае.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что банковские кредитные правоотношения являются разновидностью гражданских правоотношений, в которых банки и заемщики на основании кредитного договора устанавливают для себя субъективные права и юридические обязанности, связанные с предоставлением банком заемщику денежных средств на согласованных в кредитном договоре условиях.

Литература:

1. Марченко, М. Н. Теория государства и права. 2-издание. М.: Прспект, 2018. с. 585.
2. Иоффе, О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. с. 183.
3. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть II. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1996 г.; 2004 г., № 1-2, ст. 18; Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2004 г., № 37, ст. 408; № 16, ст. 265; Национальная база данных законодательства, 27.07.2018 г., № 03/18/488/1579, 12.10.2018 г., № 03/18/497/2044; 21.08.2021 г., № 03/21/709/0808
4. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права. Выпуск 3. С 574.
5. О банках и банковской деятельности. Закон Республики Узбекистан. Национальная база данных законодательства, 06.11.2019 г., № 03/19/580/3994; 07.01.2020 г., № 03/20/600/0023; 12.10.2021 г., № 03/21/721/0952.
6. Гражданское право. Учебник. Второе издание. С. П. Алексеев. М. Проспект. 2020. с. 128.
7. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть I. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1996 г., приложение к № 2; 1997 г., № 2, ст. 56; 1998 г., № 5-6, ст. 102, № 1, ст. 20, № 9, ст. 229; 2001 г., № 1-2, ст. 23; 2003 г., № 5, ст. 67; Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2004 г., № 25, ст. 287, № 37, ст. 408; 2017 г., № 37, ст. 978; Национальная база данных законодательства, 30.12.2017 г., № 03/18/455/0492, 10.01.2018 г., № 03/18/459/0536, 19.04.2018 г., № 03/18/476/1087; 12.10.2021 г., № 03/21/721/0952)
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Узбекистан. Под редакцией Х. Рахмонкулова. Т. 2010. с. 77.
9. Regulation (EU) No 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) No 648/2012//OJ L 176, 27.6.2013, p. 1. Article 4.1 (1). <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:32013R0575>
10. О банках и банковской деятельности. Федеральный Закон Российской Федерации. <https://legalacts.ru/doc/FZ-o-bankah-i-bankovskoj-deyatelnosti/>

Наследники по закону и порядок призвания их к наследованию по российскому и зарубежному законодательству

Бумагина Анастасия Олеговна, студент;
Ловейкина Ульяна Сергеевна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

По законодательству Российской Федерации определяется очередность наследования по закону в соответствии с иерархией. Данное положение происходит из принципа защиты интересов близких родственников умершего.

Наследование по закону имеет место тогда, когда завещание отсутствует, отменено завещателем, признано недействительным, согласно завещанию наследуется определенная часть наследственной массы, в случае, когда существуют лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве, и если наследник по завещанию отказался от наследства. Так, Лиманский Г. С. в своей монографии говорит о том, что наследование по закону также имеет место в случае, если наследник по завещанию был признан недостойным наследником [1].

Дееспособность не является основанием для того, чтобы субъект не имел права быть наследником. Наследником по закону, в отличие от наследования по завещанию, может являться исключительно физическое лицо, то есть различные юридические лица и международные организации не призываются к наследованию по закону. Однако имущество, оставшееся по каким-либо причинам оставшееся без наследников, присуждается по наследованию государству.

Законодательство в интересах наследодателя по закону в первую очередь ставит именно тех наследников, которые являются ближайшими родственниками наследодателя, а также относятся к числу лиц, которым бы умерший оставил свое имущество в случае составления завещания. Тем не менее, стоит отметить, что в разных странах сам состав наследников, а также их очередность не являются идентичными.

Сами же категории наследников по закону различаются как по своему составу, так и даже по названию: очереди, разряды, парантеллы и т. д.).

Призвание к наследованию по закону в Российской Федерации, во многих странах Европы, а также в странах СНГ осуществляется в порядке очередности. Наследники каждой последующей очереди наследуют, если нет наследников предыдущих очередей. Однако в гражданских кодексах Казахстана и Украины закреплена неизвестная российскому законодательству норма о том, что правила об очередности призвания наследников по закону к наследованию и о размере их долей в наследстве могут быть изменены нотариально удостоверенным соглашением (договором) заинтересованных наследников, заключенным после открытия наследства.

Таким образом, закон предоставляет право наследникам по закону по своему желанию и взаимной договоренности изменить определенный законом порядок очередности наследования [2].

По законодательству Российской Федерации наследниками первой очереди признаются дети, супруг, а также родители наследодателя. Если же у умершего нет наследников, относящихся к первой очереди, то согласно российскому праву, ко второй очереди наследников по закону относятся полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, дедушки и бабушки. Тем не менее, сводные братья и сестры не являются наследниками второй очереди. К третьей же очереди наследников привлекаются дяди и тети наследодателя.

Законодатель отмечает, что если у умершего нет наследников первой, второй или третьей очереди, то право наследовать по закону переходит ко всем остальным родственникам, не перечисленным выше.

В такой стране как Франция, наследственное право берет свои корни из римского права, и в основу систематизирования наследников по закону и определения последовательности их призвания к наследованию положена система разрядов, которая классифицирует кровных родственников на группы от такого критерия как степень родства к наследодателю.

Рассмотрим первый разряд к нему относятся нисходящие родственники наследодателя, например, дети или внуки и т. д.

Второй разряд составляют родители наследодателя, его братья и сестры и их нисходящие родственники.

В третий разряд включены прочие восходящие наследодателя (кроме родителей), то есть дедушка, бабушка, прадедушка, прабабушка и т. д.

Четвертый разряд составляют прочие боковые линии (кроме братьев и сестер) до шестой степени родства, то есть двоюродные братья и сестры, дяди, тетки и т. д.

Если есть хотя бы один из родственников предыдущего разряда, то это значит автоматически отстраняются от наследства родственники всех последующих разрядов. Внутри самого разряда родственник более близкий по степени родства к наследодателю устраняет от наследования родственников более дальних степеней родства. Данное правило распространяется с небольшим нюансом, так называемого права представления.

В силу которого права наследника, умершего ранее наследодателя, переходят к его нисходящим. Так, внуки наследодателя получают по праву представления ту долю наследства, которая причиталась бы их отцу, то есть сыну

наследодателя, если бы он не умер ранее самого наследодателя.

В таких европейских государствах как ФРГ и Швейцария порядок призвания к наследованию лиц реализуется через так называемую систему «парантелл». Данная система базируется на принципе генеалогического древа (по линиям вниз и вверх от наследодателя). Согласно данному принципу, вверх идут родители, прародители наследодателя и т. д.

Первую парантеллу составляют наследодатель и его потомки, вторую парантеллу — родители и их нисходящие, третью — деды и бабки наследодателя по отцовской и материнской линии и их нисходящие. Такая система предоставляет преимущества нисходящим потомкам, прежде всего, а затем более молодому поколению [3].

По первой парантелле наследство делится на равные части между всеми детьми наследодателя, по второй — между его родителями. Если же один из родителей к моменту призвания к наследству по закону мертв, то его доля переходит к нисходящим по праву представления либо к оставшемуся в живых родителю. Во всех остальных парантеллах наследство делится точно таким же образом. Стоит отметить, что восходящие наследники имеют преимущество перед нисходящими, а также наследство делится поровну между отцовской и материнской линиями родственников.

Стоит подчеркнуть, что законодательство ФРГ не ограничивает количество парантелл, благодаря чему наследниками могут быть даже самые дальние родственники, в то же время в Швейцарии применяется лишь три парантеллы.

В такой стране как Англия есть свои законодательные особенности. В отличие от многих стран, в том числе и России, в Англии есть два законодательных источника: судебный прецедент и непосредственно закон. Эти два фактора непосредственно влияют также и на наследственное право. Стоит отметить, что основанием для при-

менения данной отрасли права в Англии служит завещание и если нет данного документа, то по закону.

Если говорить об наследовании по завещанию, то здесь есть интересная особенность. В Англии, как и в России, может быть назначен исполнитель завещания, но в Англии после открытия наследства имущество переходит сначала не к наследникам, а именно к исполнителю завещания, который и осуществляет управление наследственным имуществом под надзором суда. После чего исполнитель рассчитывается с кредиторами, если у умершего имелись какие-либо задолженности, а также уплачивает налоги, и только после этого оставшуюся часть наследства он отдает наследникам.

Отличительной особенностью наследования по закону является то, что главное преимущество отдается пережившему супругу. Хотя размер его доли в любом случае зависит от того, есть ли и сколько у умершего братьев, сестер, родителей и детей.

При наличии нисходящих переживший супруг имеет право на получение фиксированной денежной суммы, установление размера которой отнесено к компетенции лорда-канцлера. Например, если стоимость наследства не превышает 125000 ф. ст., то оно целиком переходит к пережившему супругу. Если стоимость наследства больше этой суммы, то при наличии детей переживший супруг получает 125000 ф. ст., а также право на пожизненный доход от половины оставшегося наследства, а вторая половина наследства делится между детьми наследодателя в равных долях [4].

Изложив в краткой форме суть кругов наследников и порядок их призвания к наследству в Российской Федерации, а также в таких странах как Франция, ФРГ, Швейцарии и Англия, стоит заключить, что существуют немалые отличия в законодательствах этих стран, как в отношении очередности их призвания, так и в отношении наследственной доли, причитающейся им по наследству.

Литература:

1. Байзитова, А. М. Очередность наследования по закону в Российской Федерации и зарубежных странах. Автореф. дисс. на. соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — с. 2-3
2. Гушин, В. В., Дмитриев Ю. А. Наследственное право и процесс: Учебник для высших учебных заведений. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — с. 194
3. Наследственное право: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция»/Под ред. Н. А. Волковой, А. Н. Кузбагарова, О. Ю. Ильиной. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009. — с. 9
4. Смолина Л. В. Наследственное право. — СПб.: Питер, 2005. — 224 с.

Определение понятия создания доказательств обвинения как квалифицирующего признака заведомо ложного доноса

Быкова Татьяна Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена определению понятия создания доказательств обвинения; акцент сделан на определении способов создания доказательств обвинения и вызываемых ими проблемах.

Ключевые слова: создание доказательств, заведомо ложный донос, носители доказательственной информации, представление доказательств обвинения.

Состав заведомо ложного доноса, предусмотренного ст. 306 УК РФ, предусматривает два квалифицирующих признака: обвинение лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 306 УК РФ) и создание доказательств обвинения (ч. 3 ст. 306 УК РФ). Заведомо ложный донос, сопровождающийся созданием доказательств обвинения, приобретает высокую степень общественной опасности в связи с тем, что затрагивает процессуальные отношения, связанные с получением доказательств по тому или иному уголовному делу, и может стать причиной принятия необоснованных процессуальных решений. Кроме того, данная проблема не находит широкого исследования в научных работах.

Для начала необходимо определиться с терминологическим аппаратом. Уголовный закон не раскрывает значения понятий «донос» и «заведомо ложный донос». Поэтому считаем допустимым обратиться к научному толкованию терминов. Под заведомо ложным доносом юридической наукой принято понимать *преступление против правосудия, предусмотренное статьей 306 УК РФ и заключающееся в сообщении заведомо неправильных, недостоверных сведений либо о готовящемся или уже совершенном преступлении, либо о лице его совершившем, для последующего возбуждения уголовного дела и привлечения к ответственности* [1].

Характеризуя признаки, присущие искусственному созданию доказательств, С.В. Смолин утверждает следующее [2]:

Искусственное создание доказательств представляет *изменение объектов материального мира*, при котором отсутствует причинно-следственная связь с реальными фактами, т.к. целью данного действия является подтверждение ложной информации, которую донос содержит;

При искусственном создании доказательств происходит изменение не доказательств, а *носителей доказательственной информации*. При этом под доказательством следует понимать единство носителя информации и процессуальной формы, из чего следует, что в ч. 3 ст. 306 УК РФ понятие «доказательство» употреблено не совсем корректно, ввиду того, что доказательства приобретают свою процессуальную форму после осуществления определенных законом процессуальных действий.

Кроме прочего, С.В. Смолин говорит о том, что при квалифицированном заведомо ложном доносе

происходит не изменение документов и вещественных доказательств (ибо для этого необходимо признание предмета вещественным доказательством постановлением суда), а *изменение любых материальных носителей доказательственной информации*. Под этим следует понимать создание, изменение, уничтожение таких объектов или их частей, свойств, изменение взаимоотношений между объектами. К ним относятся:

- изменение обстановки после совершения преступления (полное или частичное);
- инсценировка совершения преступления невиновным лицом;
- фальсификация отдельных обстоятельств события.

Следует добавить, что дополнительным способом создания доказательств обвинения Конституционный суд РФ признал *представление* доказательств обвинения «в целях их использования в процессе доказывания — несоответствующих действительности сведений как о виновности (причастности) конкретного лица, так и о событии преступления» [3].

Считаем показательным приговор Боровичского районного суда № 1-342/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-86/2020 [4]. Старшинов М.Е., зная, что имеет травму плеча, имея умысел на обвинение Потерпевшего в причинении вреда здоровью Старшинову, обратился в бюро судебно-медицинской экспертизы, где у него была установлена травма левого плечевого сустава, квалифицированная как вред здоровью средней тяжести, вызвавший длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше трёх недель. По имеющимся данным судить о давности и механизме образования травмы у Старшинова М.Е. не представилось возможным. После этого Старшинов предоставил акт судебно-медицинского освидетельствования в МО МВД России «Боровичский», заявив, что повреждения были нанесены Потерпевшим. Суд квалифицировал связанные с предоставлением акта судебно-медицинского освидетельствования следственному органу по ч. 3 ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос с созданием доказательств обвинения.

Суд мотивировал свое решение: «диспозиция ч. 3 ст. 306 УК РФ характеризуется тем, что виновный *либо представляет фальшивые доказательства обвинения, либо*

фальсифицирует их». В принятии решения Суд руководствовался также вышеупомянутым Определением КС РФ.

Кроме того, в науке нет единого мнения о том, следует ли квалифицировать подготовку «подставных свидетелей» как создание заведомо ложных доказательств обвинения. На наш взгляд, воздействие на формирование идеальных следов преступления не входит в состав ст. 306 УК РФ, и предусматривается отдельным составом ст. 307 УК РФ, как заведомо ложное показание свидетеля. При этом «подготовка» свидетелей может расцениваться как организаторская деятельность или подстрекательство к совершению преступления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что искусственное создание доказательств обвинения подразумевает под собой активные действия, направленные на изменение окружающей обстановки, материальных носителей доказательственной информации, которые свя-

заны не с реальным фактом совершения преступления, а с событием несуществующего в объективной реальности преступления или отдельными его признаками.

Кроме того, следует дополнить ст. 306 УК РФ специальным примечанием, которое содержало бы определение понятия искусственного создания доказательств обвинения: «под искусственным созданием доказательств обвинения в части 3 статьи понимается: а) совершение виновным активных физических действий, заключающихся в изменении объектов материального мира, носителей доказательственной информации, при котором отсутствует причинно-следственная связь с реальными фактами с целью подтверждения содержащейся в доносе заведомо ложной информации; б) представление в целях их использования в процессе доказывания — не соответствующих действительности сведений как о виновности (причастности) конкретного лица, так и о событии преступления».

Литература:

1. Пикин, И. В. Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: актуальные проблемы и пути их решения // И. В. Пикин, М. И. Ключников, Е. С. Барехова. — Текст: непосредственный // Право и практика. — 2020. — № 4. — с. 145-149.
2. Смолин, С. В. Квалифицирующие признаки заведомо ложного доноса // С. В. Смолин. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2011. — № 4. — с. 110-115.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 N 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29052019-n-1254-o/> (дата обращения: 24.12.2021).
4. Приговор № 1-342/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-86/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ddegSPObUtHN/> (дата обращения: 24.12.2021).

Российская Федерация как правовое государство

Дворяк Владислав Евгеньевич, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В данной статье автор делает попытку охарактеризовать современное состояние публичной власти в Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, публичная власть, законодательная власть.

Современная Россия претендует на звание правового государства несмотря на то, что в рейтинге она находится лишь на 85 месте. Конституционно Россия представляет демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. [1] Оно характеризуется «открытостью, неограниченностью и доступностью на уровне отношений к людям, управлению ими, отражения государственных интересов». [5, с. 23]

Категория «правовое» определяет «свойства общественных отношений, межличностных, межгрупповых

и социальных связей, представлений о справедливости, свободе, равенстве, порядке, ответственности как правовых критериев общественного устройства». [5, с. 31]

Организация власти развивается в рамках «правового закона и в ее явном стремлении обеспечить все права и свободы личности». [6] Но государство ограничено в своих действиях законом, подчинено воле народа, и поэтому его деятельность подчинена нормам права.

Школа естественного права трактовала государственное управление как объединение людей в результате общественного договора через «олицетворение нации

или юридическое отношение людей от монарха до последнего подданного». [2, с. 45]

Правовое регулирование организации власти сталкивается со многими проблемами вследствие отсутствия необходимых конституционных процедур, пробелов в конституционном законе, дисбалансе отношений между федеральной законодательной, президентской и исполнительной властями, рецидивах регионального сепаратизма, непрофессиональной законодательной деятельности субъектов.

Современные *проблемы* организации власти обусловлены сложностями преобразования государственного устройства, переходом от формальной федерации к фактической, распространением федеративных отношений на всю территорию государства.

Кроме того, вследствие реформ, создавших двухуровневую модель организации власти, реализуемой путём референдума, выборов, функционирования системы федеральных государственных институтов, а в субъектах — форм прямого народовластия и деятельности их органов власти.

Сегодня государственные органы выступают каналом, через который народ, согласно Конституции, осуществляет свою власть и образуют единую систему. Согласно статье 11 в неё входят органы государственной власти и органы государственной власти субъектов. [1]

Современное состояние публичной власти показывает, что ее реформа осуществляется под воздействием традиций, а на складывающуюся систему органов влияет инерция прежних властных отношений тоталитарного

государства. В ход идут прежние формы и методы, присущие командно-административной государственности. Этому способствует неразвитость федерального законодательства, правовые положения, способствующие подлинной реализации «принципа разделения властей, продекларированного в российской Конституции». [1]

В российских субъектах происходит реальное становление системы органов власти на основе принципа разделения властей. Этот процесс идёт без законодательного сопровождения на федеральном уровне неравномерен в республиках в составе России и «по-своему складывается в краях и областях, и имеет особую специфику в автономных областях и в автономных округах, входящих в состав края или области». (Полянов С. К.) [4, с. 34]

Единство системы государственных органов обусловлено тем, что эта система основывается на государственной целостности России и единстве системы власти. Единство системы проявляется в «разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти». (Мальцев Г. В.) [2, с. 9]

Конституционными статьями 10 и 11 предусмотрено наличие органов президентской, законодательной, исполнительной и судебной власти. Каждый из видов органов власти представляет «фактически подсистему единой системы государственных органов. Президент является главой государства и выступает в качестве гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина» (Никонова Ю. И.). [3, с. 19]

Структуру органов исполнительной власти России представим на рисунке 1.

Рис. 1. Структура органов исполнительной власти РФ [Автор]

Структура органов исполнительной власти построена на «подчинении и реализации функций власти министерствами, государственными комитетами и ведомствами при правительстве. Органы исполнительной власти субъектов реализуют функции глав администраций субъектов и их министерств и комитетов» (Полянов С. К.). [4, с. 39]

Значит, органы исполнительной власти субъектов составляют единую систему органов исполнительной власти, возглавляемую российским правительством.

Органы публичной власти управляют государством на разных уровнях и делятся на центральные, регио-

нальные и местные. На региональном и местных уровнях количество органов власти и самоуправления варьирует в «зависимости от конституции и регионов, указов и постановлений высших и региональных органов власти. На уровне субъектов существуют органы исполнительной и законодательной власти субъектов» (Тихомиров Ю. А.). [5, с. 48]

Для органов исполнительной власти характерно то, что они назначаются руководителями исполнительной власти, т.е. президентами и главами администраций, избираются населением. Органы судебной власти образуют

конституционный, верховный, высший арбитражный суды, федеральные суды и суды субъектов России.

Органы правосудия составляют судебную систему. Особенностью этих органов является осуществление судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Следовательно, администрация президента, совет безопасности, полномочные представительства в федеральных округах в своей деятельности стремятся к полной реализации своих основных, вспомогательных и совещательных функций.

Воздействие органов власти на общество происходит через действие закона и следование ему, защиту граждан государством, взаимную ответственность друг перед другом, соблюдение верховенства закона и неоспоримой

реализацией решений судов для обеспечения защиты прав и свобод граждан.

Поэтому Россия должна стать таким пространством, в котором действуют и соблюдаются принципы правового государства. Россия должна выражать своё высоко принципиальное волеизъявление для того, чтобы обеспечивать верховенство права и то экономическое, социальное и культурное, в котором граждане выражают полную готовность отстаивать свои права. Россия должна в своих устремлениях выражать добрую волю для разрешения социальных противоречий с целью достижения верховенства права.

Это именно то, что определяет понимание «жить в современной России», «жить в правовом государстве», что значит «соблюдать ее правила и законы» согласно деятельности государства, подчинённой нормам права и воле всего народа.

Литература:

1. Конституция РФ от 12.12.1993. с изменениями от 01.07.2020.
2. Мальцев, Г. В. Правовая система субъекта Российской Федерации. Государственность и право республики в составе Российской Федерации. Ростов: Свема, 2016. — 125 с.
3. Никонова, Ю. И. Система органов государственной власти субъектов РФ. // ПиЖ. — N 12. — 2018. — с. 4-12.
4. Полянов, С. К. Субъект РФ: правовое положение и полномочия. — 3-е изд. — М.: НОРМА, 2017. — 235 с.
5. Тихомиров, Ю. А. Публичное право. — 2-е изд. — М.: АСТ, 2016. — 125 с.
6. ФЗ РФ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 N 184-ФЗ (11.06.2021 N 170-ФЗ).

Российская Федерация как правовое образование

Дворяк Владислав Евгеньевич, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы Российской Федерации как публично-правового государства. Ключевые слова: государство, орган исполнительной власти, публично-правовая деятельность.

Сегодня современное российское государство заявляет, что оно является независимым государством-правопреемником СССР, федеративной президентско-парламентской республикой и многонациональное государство с этнокультурным многообразием. В этом правовом образовании граждане стремятся соблюдать правила и законы. А государство выполняет функции управления, следуя конституционному принципу народовластия и суверенитета народа. Общеобязательность решений власти выстраивается на легитимности и авторитете, возможности использования государственного принуждения.

Деятельность государства строится на функционировании системы органов власти и верховенства права и продвижения законов. На федеральном уровне законы обладают «высшей силой по отношению к законодательству субъектов федерации; на региональном, они — часть национального права, регулирующего отношения ком-

плексного характера и разных сфер жизни в границах субъектов; на местном уровне, закон — инициативная деятельность сообществ по решению вопросов местного значения». [3, с. 134]

Кроме того, *первоначальной проблемой* выступает выделение правовых границ деятельности государственных органов, их властных полномочий, принятия решений от имени государства. *Второй проблемой* является выделение поля организационной обособленности органов от органов с хозяйственной самостоятельностью.

На сайте правительства www.government.ru представлена общая структура органов власти, сочетающая три ветви власти, структурно и организационно разделённые уровнями, и связанные институтом главы государства, правовыми нормами и функциями самого государства. Каждый орган власти действует в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти, выступая по пору-

чению государства и осуществляя деятельность от его имени, обладая собственной компетенцией и структурой, используя свои формы и методы, правовые нормы.

Анализ источников административного права показал, что до сих пор не определено понятие «орган исполнительной власти» несмотря на то, что известно, что советский подход определял его как «орган государственного управления, но не каждый орган управления является органом исполнительной власти» или как «организованный коллектив, образующий самостоятельную часть государственного аппарата, наделённую компетенцией и выполняющую функции, структура и деятельность которых регламентированы правом». (Алехин А. П., Козлов Ю. М., др.) [1, с. 105]

Орган исполнительной власти, как часть государственного аппарата, имеет компетенцию, структуру, территориальный масштаб исполнительной и распорядительной деятельности, установленной законом и правом выступления по поручению государства для осуществления управления» (Бахрах Д. Н., др.). [2, с. 76]

Можно сказать, эти элементы определения отнесены к общей характеристике органа государства.

Современный подход соотносит правовую деятельность государства с границами его самостоятельной и структурной в организационно-правовом отношении формы при решении государственных задач.

В настоящий момент государство прямо связано с ответственностью механизмов власти, и поэтому с преодолением отставания государственных институтов в потоке решения проблем необходимо разрешение *противоречия* между новой конституционной организацией государства и сохранившимися подходами, и методами управления.

Основная *проблема* заключается в том, что система органов власти как относительно неустойчивая не использует внутренние резервы, что обуславливает потребность пересмотра общественно-политических и правовых концепций Конституции, чтобы скорректировать их с учётом опыта и перспектив работы государства, в целом. [4]

В концепции федерализма организация системы государственной власти основана на «самостоятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны» (статья 10 Конституции). [3, 5]

Федеративное устройство России основано на «государственной целостности, единстве системы власти, разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными властями». [3, с. 76]

Поэтому в новых условиях интерпретации принципа разделения властей необходимо обеспечить на основе законов единство системы государственной власти. В условиях сложного государственного организма сталкиваются многие интересы и направления развития российского федерализма, характер властеотношений России и ее субъектов, правовые принципы и механизм разграничения предметов ведения и полномочий органов власти и органами власти субъектов.

К настоящему времени Российская Федерация подписала двусторонние договоры о разграничении предметов ведения и полномочий. Но они вызывают полярные дискуссии о приостановлении такой практики принятия федерального закона о единых требованиях к заключению такого вида договоров. Восприятие принципа разделения властей проявляется в том, что публичную власть понимают, как предмет, делимый на три блока и более мелкие части, и поэтому при отсутствии централизации власть получает частичные полномочия.

Поэтому в настоящий момент наблюдается предел, за которым деление единой власти на части по ветвям привёл к *проблеме неуправляемости* на всех уровнях власти.

Опыт показал, что механизм действия правового государства действует на основе того, что законодательная власть обладает верховенством, поскольку она устанавливает правовые начала государственно-общественной жизни, направления внутренней и внешней политики. Все это определяет правовую организацию и формы деятельности исполнительной и судебной властей. Законодательные органы в механизме правового государства обуславливают высшую юридическую силу законов, что придаёт общеобязательный характер нормам права и закона, в целом.

Однако, подчеркнём, что верховенство законодательной власти не носит абсолютного характера. Пределы её действия ограничены принципами права, правами человека, идеями свободы и справедливости. Она находится под контролем народа и конституционных органов для обеспечения соответствия законов конституции.

Исполнительная власть в механизме правового государства реализует правовые нормы принятых законодателем. Её деятельность должна быть основана на законе и осуществляться в рамках закона. Исполнительные органы в механизме правового государства не имеют права издавать акты, устанавливающие новые, не предусмотренные законом права и обязанности граждан. Исполнительная власть носит правовой характер, являясь подзаконной властью и действующая на началах законности.

Поэтому сегодня наблюдается *сдерживание* исполнительной власти посредством её подотчётности и ответственности перед представительными органами власти.

В правовом государстве каждый гражданин обжалует любые незаконные действия исполнительных органов в судебном порядке. Судебная власть охраняет правовые устои государственной и общественной жизни от правонарушений. Правосудие в механизме правового государства осуществляется только судебными органами. Никто не присваивает функции суда. В правоохранительной деятельности суд руководствуется только законом и правом, и не зависит от влияния законодательной и исполнительной власти.

Значит, в современной России независимость и законность правосудия должны выступать гарантией прав и свобод граждан, правовой государственности. Суд

не может присваивать функции законодательной и исполнительной власти, потому что его задачей является организационно — правовой контроль за правовыми актами этих властей.

Следовательно, судебная власть должна всегда выступать сдерживающим фактором, предупреждая нарушение конституционных и правовых установлений со стороны законодательных и исполнительных органов власти, обеспечивая деятельность государства и разделение властей.

Литература:

1. Алехин, А. П., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. М.: Сфинкс, 1994. — 123 с.
2. Бахрах, Д. Н. Административное право. Часть общая. М.: Просвещение, 1993. — 89 с.
3. Конституционное право России./Червонюк В. И., Калинин И. В., Иванец Г. И. — М.: АСТ, 2019. — 256 с.
4. О действенности государственной власти в России./Путин В. В. // Российские вести. — 2017. — № 2. — с. 12-24.
5. Порядок во власти — порядок в стране./Путин В. В. // Российские вести. — 2019. — № 6. — с. 12-20.

Единство правового государства возможно только на самостоятельности и независимости каждой ветвей власти *во избежание* злоупотребления властью и возникновения тоталитарного управления государством, не связанного законом и правом. Организационно-правовые меры должны способствовать *независимому* взаимодействию ветвей власти и взаимоограничению пределов власти по соблюдению конституционной законности.

Организационные договоры в дореволюционной российской цивилистике

Демин Олег Сергеевич, студент магистратуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье автор проводит анализ истории развития организационных договоров в дореволюционной науке гражданского права.

Ключевые слова: договор, организационные договоры, договор zapродажи, предварительный договор, договор товарищества.

В дореволюционной науке гражданского права отсутствовал такой термин как «организационные договоры», но вопросы, касающиеся гражданско-правовых договоров, которые в дальнейшем стали относить к организационным договорам, в литературе присутствовали.

В качестве одного из таких договоров можно назвать договор zapродажи, представляющий собой по существу предварительный договор купли-продажи, который в дальнейшем назвали предшественником современного предварительного договора, относящегося к категории организационных договоров.

Так, в научной работе российского юриста Л. А. Кассо указывалось, что вся цель первого договора, то есть договора zapродажи, сводится к порождению второго, основного договора. В тот момент, когда заключается второй договор, первый договор перестает существовать, так как значение его исчерпано [4, с. 118].

Вопрос о природе договора zapродажи являлся довольно спорным и в науке рассматривался по-разному. Одни ученые считали, что договор zapродажи является разновидностью договора купли-продажи. Более распространенным являлся взгляд на zapродажу, как на самостоятельный договор. Этой точки зрения придержи-

вались такие ученые, как И. Е. Ильяшенко, К. Д. Кавелин, Д. И. Мейер, К. П. Победоносцев, В. И. Синайский, Г. Ф. Шершеневич и др. По мнению данных авторов, zapродажа представляла собой предварительный договор о заключении в будущем договора купли-продажи.

И. Е. Ильяшенко указывал, что существенным отличительным признаком zapродажи может заключаться лишь в том, что это есть договор о будущем договоре. Поэтому, где не может быть установлено того обязательства, что истинное намерение сторон состояло в принятии на себя обязательства заключить договор купли-продажи в будущем только времени, а немедленно, там нет zapродажной сделки, хотя бы предметом ее служило имущество, не принадлежащее продавцу на праве собственности, а равно хотя бы был назначен срок на сдачу имущества и право собственности на оное продавец оставил за собой [2, с. 44].

Д. И. Мейер высказывал мнение, что отличие договора zapродажи от поставки то, что, хотя по поставке от одного контрагента другому также доставляется какое-либо имущество, в известный срок и за известную плату, но во исполнение того же договора, тогда как все исполнение по договору zapродажи состоит в заключении договора купли-продажи. Zapродажа отличается и от купли-про-

даже тем, что не устанавливает для контрагента права на передачу вещи в собственность и для другого — права на получение платы, а устанавливает только право на заключение относительно вещи договора купли-продажи в будущем [5, с. 476].

В.И. Синайский указывал, что запродажа, есть предварительный договор купли-продажи [7, с. 106]. Автор писал, что таким кратким определением легко характеризуются существенные признаки договора запродажи. Сравнивая договоры мены и купли-продажи, а также и предварительную мену с предварительной куплей-продажей (запродажей), он писал, что мене может предшествовать предварительный договор мены. Но гражданские законы не говорили об этом договоре в виду того, что и сам договор мены не имел в обороте практического значения. Совершенно иное отношение проявило законодательство к предварительному договору купли-продажи, названному запродажей. Договоры о купле-продаже недвижимости требовали крепостной формы и нередко представляли большую сложность для сторон. Поэтому, ученый пишет, что вполне естественно, что стороны сплошь и рядом прибегали к договору запродажи. В.И. Синайский указывал, что в целях облегчения сторон наши законы знали даже задаточную расписку, как предварительный договор купли-продажи недвижимости, или даже, как предварительный договор запродажи недвижимости, если ее предположено совершить формально.

Г.Ф. Шершеневич писал, что запродажей называется договор, в силу которого стороны обязываются заключить в известный срок договор купли-продажи относительно определенного предмета и по условной цене [8, с. 460]. Автор указывал, что из определения договора запродажи видно, что запродажа представляет собой предварительный договор о заключении другого договора. Потребность в нем вызывается существованием препятствий к заключению того договора, который предполагается в будущем, вследствие отсутствия каких-либо условий, необходимых для его заключения. С изменением впоследствии обстоятельств откроется возможность заключить главный договор. Исторически договор запродажи вызван невозможностью совершить куплю-продажу недвижимости, находящейся под запретом. Причиной заключения запродажи может быть также отсутствие в данный момент права собственности, которое необходимо для купли-продажи, или ожидаемое появление вещи в будущем [8, с. 461].

П.А. Юренев не считал договор запродажи самостоятельным договором в сравнении с тем же договором купли-продажи. Автор указывал, что договор запродажи отличается от купли-продажи прежде всего тем, что он договор несамостоятельный, przygotowательный о заключении договора купли-продажи. Другое отличие запродажи от продажи он находил в том, что для запродажи не требуется, чтобы запродающий был собственником

предмета сделки, между тем, как продавать вещь (за себя, а не по поручению другого) может лишь ее собственник. Третьим признаком отличия указанных договоров П.А. Юренев указывал на обязательность установления в договоре запродажи срока для заключения договора купли-продажи [10, с. 126].

По мнению К.Н. Анненкова запродажа является предварительным договором о заключении впоследствии договора купли-продажи. Поэтому ученый писал, что и предметом запродажи могут быть все те имущества, которые могут быть предметом окончательного договора купли-продажи, то есть не только самые имущества, но и некоторые права, как на чужое имущество, так и права на доли в своем общем имуществе, а также права исключительного пользования или права литературной, художественной и музыкальной собственности [1, с. 408].

Относя договоры запродажи и предварительной мены к организационным договорам следует сказать, что и договор товарищества также можно отнести к договорам данной категории.

В.И. Синайский указывал, что лицо (физическое или юридическое), осуществляя свои цели в гражданском обороте, вступает в самые различные договоры и чаще всего, конечно в вышеизложенные типичные договоры. Но как указывает ученый, отдельных усилий, в особенности физического, далеко не всегда достаточно для достижения намеченных им целей; не всегда к тому же лицо располагает и большими средствами, необходимыми для дела. Вот почему отдельные лица (не имеет значения, физические или юридические) стремятся действовать сообща, соединяя в той или другой комбинации свои средства и силы. Такое соединение лицами своих средств и сил для достижения общей цели и есть договор товарищества.

Г.Ф. Шершеневич писал, что соединение в торговом товариществе не случайно, а имеет в основании своем договор. Особенность этого договора заключается в том, что он не служит сам себе целью, как купля-продажа, наем, поклада, а имеет целью совместное заключение других договоров [9, с. 105]. Под самим товариществом автор понимал договор, в силу которого несколько лиц взаимно обязываются участвовать своими личными или имущественными средствами в совместном ведении дела, направленного на извлечение прибыли.

Таким образом, в дореволюционный период в науке уже поднимались дискуссии по поводу организационных договоров, но самого термина еще не существовало, однако в силу того, что договор запродажи по существу является сходным с последующим предварительным договором, который в теории организационных договоров относят к числу последних, то договор запродажи и предварительный договор мены, наряду с договором товарищества можно считать одними из первых организационных договоров о которых шла речь в дореволюционной цивилистической науке.

Литература:

1. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права. Том IV. Отдельные обязательства. С.-Петербург, типография М. М. Стасюлевича, 1904 г. с. 408.
2. Ильяшенко, И. Е. Договор запродажи с точки зрения будущего гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. книга 5. май. с. 44.
3. Кассо, Л. А. Запродажа и задаток. М.: Изд-е книж. магазина И. К. Голубева под фирмой «Правоведение». 1904. — 118 с.
4. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. М. 1902. — 831 с.
5. Синайский, В. И. Русское гражданское право. К. 1917. — 638 с.
6. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань. 1902. — 793 с.
7. Шершеневич, Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). Фирма «СПАРК». М. 1994. — 373 с.
8. Юренев, П. А. О различии между договорами запродажи и купли-продажи движимого имущества и договором поставки по русскому законодательству. Журнал гражданского и уголовного права. 1881 г. кн. 5. с. 126-127.

Особенности заключения контракта на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд

Зиманов Герман Владимирович, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Вопрос гражданско-правовых отношений в процессе осуществления поставок товаров для государственных и муниципальных нужд имеет принципиальное значение в контексте необходимости правового регулирования таких сделок, их подотчётности, прозрачности и контроля качества поставляемых товаров и услуг. Подобного рода поставки осуществляются за счет средств, выделяемых из государственного бюджета — а, значит, появляется необходимость в существовании адекватной, с точки зрения нормативно-правовой базы, системы обеспечения эффективности таких отношений.

Ключевые слова: муниципальные и государственные нужды, контракт на поставку товаров и услуг, государственный бюджет, Государственный кодекс РФ.

Несмотря на наличие достаточной в количественном отношении совокупности нормативно-правовых положений, регулирующих порядок осуществления таких сделок, в правовом поле до сих пор не существует консенсуса среди специалистов по поводу структуры механизмов по заключению таких договоров поставки товаров для государственных нужд [1]. В процессе осуществления закупок могут использоваться как простая, так и сложная структура договорных связей.

Первый сценарий предусматривает, что исполнитель договора обязуется обеспечить поставку товаров для государственных и муниципальных нужд по условиям заключенного обеими сторонами договора указанному в договоре получателю либо иным лицам, указанным заказчиком. При втором сценарии, когда речь идет о комплексной структуре договора, заказчик заключает контракт с исполнителем о прикреплении последнего к обязательствам по заключению договора о поставке товаров с лицами, установленными заказчиком [3]. В этом случае такие лица должны быть своевременно оповещены государством об их прикреплении к обязательству заключить договор с исполнителем.

Значение государственных и муниципальных контрактов для экономики нашей страны крайне велико, поскольку с их помощью удовлетворяются потребности государства и муниципальных образований в товарах, работах, услугах, то есть упомянутые ранее контракты являются инструментом, с помощью которого государство выполняет свои социально-экономические функции [2].

Говоря о договоре поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, видится необходимым, в первую очередь, разграничить данные понятия.

Из соответствующих положений законодательства можно сделать вывод о том, что под такой разновидностью договора, в первую очередь, понимают юридический документ, в котором определяются условия поставки товаров государственным органам для удовлетворения государственных нужд и осуществления ими своих прямых полномочий. Регулирующие данный договор нормативно-правовые акты называют его «государственным контрактом» [2]. Предметом же договора для муниципальных нужд является поставка товара, удовлетворяющего нужды муниципального образования, и который за-

ключен от имени данного муниципального образования. Законодатель именует данный договор муниципальным контрактом.

Иными словами, договоры поставки для государственных нужд и для муниципальных нужд отличаются уровнем субъекта (он был определен выше) и уровнем целей [1].

Понимание государственных и муниципальных нужд, их специфика, требуют достаточно глубокого анализа. Так, опираясь на учебник по гражданскому праву, рекомендованный редакционно-издательским советом МГЮА, можно сделать вывод, что для того, чтобы потребности могли быть квалифицированы в качестве государственных либо муниципальных нужд, они должны удовлетворять следующим двум критериям [4]:

- муниципальные и государственные нужды определяются нормами действующего законодательства;
- источником финансирования — бюджет и средства внебюджетных источников финансирования.

По мнению автора данной работы, в упомянутый перечень можно включить ещё один, третий признак — наличие публично-правовой цели, такой как реализация федеральных целевых программ или исполнение международных обязательств (т.е. для государственных нужд, а не собственных нужд государственного либо муниципального заказчика) [4].

Стоит понимать, что между категориями «государственные нужды» и «муниципальные нужды» есть принципиальная разница — поэтому необходимо рассмотреть каждое из этих понятий по отдельности. Для первого понятия характерно финансирование за счет федерального бюджета и региональных бюджетов субъектов РФ, а также иных, внебюджетных источников доходов. За счет этих средств государство приобретает товары и услуги, которые необходимы для осуществления внешней и внутренней политики, функционирования государственных органов власти, реализации условий ратифицированных международных договоров и многого другого. Вторая категория характеризуется финансированием муниципальных нужд за счет местных бюджетов. В основном средства идут на реализацию нужд муниципальных образований и выполнение работ, и приобретение товаров и услуг, необходимых для функционирования органов местного самоуправления. Также финансирование может производиться в целях осуществления муниципальными органами функций, переданных им государством.

Общее понятие государственного и муниципального договора подробно изложено в ГК РФ, а именно в 526 статье [5], в которой, в частности, говорится о том, что подобный договор представляет собой юридически оформленную передачу товаров исполнителем договора государству или указанному государством лицу.

Что касается правовой природы государственного и муниципального контракта, она характеризуется несколькими основными чертами. Как уже было выявлено

раннее, данные договоры являются одной из составных частей договора поставки. По этой логике анализируемые в работе документы можно считать, как консенсуальные, возмездные, взаимные, предпринимательские гражданско-правовые договоры [5].

Основополагающей стороной данных договоров можно считать наличие заказчика, который в данном случае представлен государственными или муниципальными органами власти или, иными словами, субъектами, которые имеют юридическое право распоряжаться федеральным или региональным бюджетом в установленных для этого целях.

Государственным заказчиком может являться [4]:

- государственный орган (в т.ч. орган государственной власти),
- госкорпорация по атомной энергии «Росатом»,
- госкорпорация по космической деятельности «Роскосмос»,
- орган управления государственным внебюджетным фондом или государственное казенное учреждение, действующие от имени РФ или её субъекта, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством от имени РФ или её субъекта и осуществляющие соответствующие закупки.

Муниципальный заказчик представлен органами местного самоуправления, которые имеют законное право распоряжаться бюджетными средствами в строго установленных для этого правилах, в том числе заключать контрактные обязательства на получение товаров, необходимых для удовлетворения муниципальных нужд [4].

К государственным органам, не являющимся органами государственной власти, но имеющим право выступать государственными заказчиками, относятся [6]:

- федеральный уровень:
- Счётная палата РФ,
- ЦИК РФ;
- региональный уровень:
- контрольные органы представительных органов субъектов РФ,
- избирательные комиссии субъектов РФ.

Важно обратиться к положениям действующего законодательства, чтобы определить, кто может являться заказчиком товаров для пополнения материального резерва. Федеральный закон «О государственном материальном резерве» свидетельствует о том, что договор о поставке товаров для государственных и муниципальных нужд со стороны заказчика может быть заключен федеральным государственным органом, который компетентен осуществлять надзорную деятельность над государственным резервом, или его представительствами, осуществляющими свою деятельность на региональном уровне [1]. Эти органы подчиняются соответствующим положениям действующего законодательства.

Предусмотрены случаи, когда непосредственным получателем указанных в договоре товаров являются не ор-

ганы государственной власти, а третье лицо, указанное государством в договоре как получатель. При этом такое лицо не может считаться полноправным участником договорных отношений и не приобретает никаких прав требования в отношении должника.

Второй стороной государственного или муниципального контракта является поставщик. В качестве него может выступать лицо, соответствующее требованиям, установленным законом. К лицам, удовлетворяющим данные требования относятся следующие [7]:

— юрлицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала, за исключением зарегистрированных в офшорных зонах;

— физлицо, в том числе зарегистрированное в качестве ИП.

Поставщик определяется по итогам проведения соответствующей процедуры закупки. Заказчик может использовать такие конкурентные способы определения поставщика как [7]:

— конкурсы (открытый, с ограниченным участием, двухэтапный, закрытый, закрытый с ограниченным участием, закрытый двухэтапный);

— аукционы (электронный, закрытый);

— запросы котировок;

— запросы предложений.

Детальнее каждый из этих пунктов будет рассмотрен в следующих параграфах.

Из положений ГК РФ можно сделать вывод о том, что договор на поставку товаров для государственных и муниципальных нужд должен заключаться в письменной форме. Кроме того, такой договор представляет чаще всего единую форму, скрепленную подписями обеих сторон — заказчика и исполнителя [4]. Также возможен вариант, при котором договор заключается дистанционно посредством использования сети Интернет. В этом случае стороны также подписывают договор, используя при этом безопасные электронные подписи.

Государственный и муниципальный контракт может быть как изменен, так и расторгнут [3]. Случаи изменения и расторжения контракта строго предусмотрены законодательством, регулирующим данные правоотношения.

Поставка для государственных или муниципальных нужд — хорошая возможность как для субъекта МСП, так и крупного, получить надежного заказчика в лице государства для заключения долгосрочных договоров на поставку продукции.

Также от качества поставляемых товаров и услуг в той или иной степени зависит эффективность исполнения своих должностных обязанностей сотрудниками государственных и муниципальных органов власти.

Основополагающей, фундаментальной позицией института поставки является значимость данных договоров для государства в целом, его регионов и отдельных муниципальных образований.

Государственные и муниципальные контракты, являясь по своей сути государственным инструментом реализации задач, которые ставятся перед государственными и муниципальными заказчиками и поставщиками в целях осуществления поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, также представляют собой способ выполнения государством своих социально-экономических функций.

Отличие государственного контракта от муниципального заключается в различии уровней заказчиков и различием в уровнях целей заключения таких контрактов [6].

Исследованный договор поставки товаров для государственных и муниципальных нужд является по своей правовой природе консенсуальным, возмездным, взаимным (двусторонне обязывающим), предпринимательским гражданско-правовым договором.

Законодательное регулирование договора поставки для государственных и муниципальных нужд базируется на общих нормах гражданского права [7]. Основными фундаментальными нормами, являющимися основополагающими для данного договора, являются нормы Гражданского кодекса РФ, регулирующие договор купли-продажи, и как один из видов договора купли-продажи, договор поставки.

Все они в совокупности и каждый по отдельности, имея свою специфику, оказывают непосредственное регулирующее воздействие на правоотношения в области поставки товаров для государственных и муниципальных нужд.

Законодательное регулирование в отношении товаров этой категории имеет существенное отличие в силу нацеленности законодателя на привлечение поставщиков в целях поставок продовольствия, сырья и сельскохозяйственной продукции [7].

Специфика законодательного регулирования договоров поставки продовольствия, сырья и сельскохозяйственной продукции заключается в наличии мотивирующих и стимулирующих мер для поставщиков этих товаров, гарантирующих им не только осуществление самих закупок, но и сохранение цен на товары в течение календарного года, распределение квот, предоставления льгот по налогообложению и выдачу субсидий.

При осуществлении анализа как общих, схожих положений законодательных норм, регулирующих закупки товаров для государственных и муниципальных нужд, так и специальных норм каждой из рассмотренных целей закупок, необходимо отметить, что законодатель, имея своей целью полностью исключить коррупцию в нашей стране, создал многоуровневую систему нормативного регулирования соответствующих закупок [2]. При рассмотрении правоотношений, возникающий из договоров поставки товаров для государственных и муниципальных нужд, очевидна не только реализация поставленной законодателем цели, но и создание комфортных условий для участников таких закупок со стороны как заказчиков, так и поставщиков.

Литература:

1. Архипов, Ю.Г. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: учеб. пособие/Ю.Г. Архипов. М.: Столица, 2016. с. 116.
2. Гражданское право: Учебник: в 2 т./Д. Е. Богданов, Л. Ю. Василевская; под ред. Е. Е. Богдановой. М.: Проспект, 2021. Т. 2. 448 с.
3. Гузоев, О.И. Правовое содержание договора поставки для государственных и муниципальных нужд // Современная юриспруденция. 2018. с. 326-328.
4. Лалиева, М. В. Государственные и муниципальные нужды: трактовка понятия // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3. с. 11-14.
5. Малаева, А. А. Содержание и форма государственного (муниципального) контракта // Актуальные вопросы права, экономики и управления. 2019. с. 331-334.
6. Панина, М. А. Проблемы правового регулирования договора поставки для государственных нужд // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 11. с. 137-140.
7. Ситдикова, Л. Б. Правовое регулирование закупок товаров, работ, услуг путем проведения торгов в форме конкурсов и аукционов // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. с. 110-111.

Доход как признак общественной опасности от незаконного предпринимательства

Иванов Александр Николаевич, студент
Тюменский государственный университет

Цель научной статьи — проанализировать фактическую обусловленность извлеченного дохода от незаконной предпринимательской деятельности и наступившей при этом общественной опасности.

В статье исследуются один из криминообразующих признаков незаконного предпринимательства — извлеченный доход. Имеется попытка доказать, что между извлеченным доходом и наступившей при этом общественной опасностью нет обусловленной связи. В связи с этим, возникает сомнение о целесообразности использования криминообразующего признака как «извлеченный доход» в диспозиции статьи 171 УК РФ.

Ключевые слова: незаконное предпринимательство, криминообразующий признак, извлеченный доход, экономическая деятельность

Российская Федерация относительно недавно вступила на путь рыночной экономики и столкнулась со множеством проблем, одна из которых — правовое регулирование экономической деятельности в рыночной экономике. С одной стороны, законодателю необходимо создать условия для предотвращения появления незаконного предпринимательства в России, и обеспечить при этом защиту для граждан и предпринимателей. С другой стороны, сделать так, чтобы не случилось «перерегулирования» в сфере предпринимательства, так как это прямым образом отразится на экономике всей страны.

На данный момент, чтобы выявить правовую основу предпринимательской деятельности, необходимо обратиться к статье 34 Конституции РФ, которая закрепляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности [1]. Статья 2 Гражданского Кодекса РФ, в свою очередь устанавливает определение предпринимательской деятельности — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи

товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве» [2].

Предпринимательская деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, в зависимости от общественной опасности деяния, может квалифицироваться как преступление по ст. 171 УК РФ, так и правонарушение по ст. 14.1 КоАП. При квалификации деяния огромное внимание обращают на криминообразующие признаки, которые являются разграничительным элементом между правонарушением и преступлением.

Анализ ст. 171 УК РФ указывает на следующие криминообразующие признаки [3]:

1. Причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству;
2. Извлечение дохода в крупном и особо крупном размере.
3. Совершение преступления организованной группой

Из этого следует, что общественная опасность незаконного предпринимательства, предусмотренного ст. 171

УК РФ, заключается в наличии одного из данных обстоятельств.

Проводя анализ криминообразующего признака как «извлечение дохода», важно отметить общественно-опасное последствие данного обстоятельства, так как оно будет являться основанием уголовной ответственности. В свою очередь, общественно опасные последствия выступают определяющим моментом преступности или не преступности конкретного поведения.

Мальцев В.В. отмечал, что, признавая ущерб, от причинения которого государство стремится оградить общественные отношения, главным объективным основанием установления уголовной ответственности, мы неизбежно должны сделать вывод, что этот ущерб в то же время есть основной критерий общественной опасности деяния [4]. Поэтому, последствия являются объективным основанием уголовной ответственности, так как они характеризуют материальный признак преступления. При анализе диспозиции ст. 171 УК РФ, мы можем отметить, что в первую очередь ущерб наносится порядку осуществления предпринимательской деятельности, а имеющаяся зависимость от успешности предпринимательской деятельности в виде извлечения дохода в крупном или особо крупном размере не наносит ущерб общественным отношениям, в связи с отсутствием причинно-следственной связи.

В связи с этим, возникает множество споров об общественной опасности незаконного предпринимательства и поднимаются вопросы декриминализации ст. 171 УК РФ. Стоит отметить мнение Ивановой Я.Е. на этот счет: «Наступление ответственности поставлено в зависимость от эффективности и успешности осуществления

предпринимательской деятельности. Получается, что общественно опасным является предпринимательство как таковое, причем чем более оно успешно, тем более опасно» [5].

Имеются и противоположные точки зрения, например Д.В. Прохоренко считает: «Необходимо четко определить содержание многозначного понятия «доход» в уголовном законе либо использовать иную терминологию, которая сможет более точно охарактеризовать масштабность данной деятельности, необходимую для квалификации деяния в соответствии со ст. 171 УК РФ» [6]. Сложно согласиться с данным мнением, относительно ст. 171 УК РФ, так как использование иной терминологии не будет влиять на причинно-следственную связь между деянием и криминообразующим признаком, а лишь создаст более конкретные черты данной деятельности, по сути, дополняя оболочку, а не изменяя суть.

Таким образом можно отметить, что на данный момент, законодатель установил механизмы регулирования предпринимательской деятельности, в частности, в виде административной и уголовной ответственности. Имеется разграничение преступлений и правонарушений в зависимости от криминообразующих признаков, что делает регулирование предпринимательской деятельности более гибким, но в то же время они вызывают дополнительные вопросы и дискуссии. По мнению автора, наличие криминообразующего признака как «извлеченный доход» в диспозиции ст. 171 УК РФ является необоснованным, из-за отсутствия фактической причинно-следственной связи с деянием. Решением данной проблемы является исключение данного криминообразующего признака из ст. 171 УК РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — Текст: электронный // <http://www.constitution.ru/>: [сайт]. — URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8d8cd335130f04a7036c1eb50fff606c93fc643a/
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/cc12ef68af6f5296cb8a9dad10ca87865d02f12f/#dst101032
4. Мальцев, В.В. Криминализация поведения и общественно опасные последствия И Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний: Сборник научных трудов. Омск, 1980. с. 34.
5. Иванова Яна Евгеньевна. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.08/Иванова Яна Евгеньевна; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. — Москва, 2010. — 248 с.:
6. Прохоренко Дмитрий Владимирович Доход от незаконной предпринимательской деятельности: проблемы интерпретации // Актуальные проблемы российского права. 2017. №9 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dohod-ot-nezakonnoy-predprinimatelskoy-deyatelnosti-problemy-interpretatsii>

Понятие, особенности и некоторые проблемные вопросы административного иска

Ковалева Дарья Сергеевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В данной статье автор рассматривает отличительные особенности административного иска как формы защиты права. При этом рассматриваются вопросы сходства и отличия административного и гражданского исков. Высказывается точка зрения относительно содержания понятия административного иска как одной из разновидностей общего понятия иска и как юридического средства защиты от незаконных решений, действий или бездействия субъектов публичной власти, после чего через призму задач административного судопроизводства анализируются достоинства и недостатки механизма защиты нарушенного права с помощью предъявления так называемого альтернативного административного иска.

Ключевые слова: административный иск, альтернативный административный иск, административный ответчик, публичные субъекты, ненормативные правовые акты.

Concept, features and some problematic issues of an administrative claim

Kovaleva Daria Sergeevna, student

Ural Branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk)

The article reveals the concept and legal nature of the institution of divorce. The analysis of various positions set forth in the special legal literature on this issue is carried out, legal norms are considered, the clarifying Resolution of the Plenum of the Russian Federation is studied. The scientific and normative material was generalized and systematized, on the basis of which own conclusions were made. Also, some problematic points in the legal regulation of the investigated legal institution were identified and proposals were developed to resolve them.

Keywords: administrative claim, alternative administrative claim, administrative defendant, public entities, non-normative legal acts.

Дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичных субъектов представляют собой одну из самых распространенных категорий споров, рассматриваемых по правилам административного судопроизводства. Согласно официальной статистике, опубликованной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 году рассмотрены судами общей юрисдикции всего 209094 дела по главе 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [1] (далее — КАС РФ) [7]. В 2019 году по главе 22 КАС РФ поступило 182755 дел [8]. Таким образом, за последние годы наблюдается тенденция к росту количества дел об оспаривании ненормативных актов публичных субъектов. Дела об осуществлении судебного контроля деятельности публичной администрации всегда имеют повышенную общественную значимость, а с учетом роста количества таких дел дополнительную актуальность приобретает исследование вопроса о процессуальных особенностях их рассмотрения.

Процессуальным средством защиты нарушенного или оспариваемого права и условием возбуждения административного судопроизводства по конкретному делу является административный иск как одна из разновидностей общего понятия иска [6, с. 17].

Особенностью же административного иска является то, что само его существование как формы защиты

права является дискуссионным. Так, М.К. Треушников пишет, что поскольку в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают иски по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений, то исковое производство — это производство по защите нарушенных или оспоренных прав в сфере гражданских (в широком смысле) правоотношений. Именно здесь субъекты правоотношений равны и обладают равными правами. В административных же и иных публичных правоотношениях субъекты находятся в отношении власти и подчинения, поскольку в этих правоотношениях присутствует субъект, обладающий властными полномочиями. В связи с этим исковое производство не применимо для защиты прав в административных и иных публичных правоотношениях [4, с. 462]. Нам эта точка зрения представляется весьма спорной. В.А. Рязновский еще в девяностые годы прошлого века говорил о существовании административного иска как самостоятельной формы защиты публичных прав [9, с. 26].

Думается, можно с уверенностью говорить об административном иске как о самостоятельном процессуальном институте. Несомненно, он имеет свою специфику, отличается от иска гражданского. Так, специфика административного иска состоит в том, что заинтересованное лицо обращается в суд за защитой не любых субъективных (на-

пример, гражданских) прав, свобод и законных интересов, а затрагиваемых (нарушенных или оспариваемых) субъективных прав, свобод и законных интересов именно в публично-правовых отношениях с исполнительными органами и субъектами публичной власти, поскольку иначе в принятии административного искового заявления судом со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ будет отказано [10, с. 104]. Ему присущи более активный суд, который по своей инициативе может истребовать доказательства, выходить за пределы заявленных требований; невозможность применения по некоторым категориям дел примирительных процедур (например, по делам об оспаривании нормативного правового акта); отсутствие третьих лиц; особенности мер предварительной защиты по административному иску и т. д. [11, с. 59].

Тем не менее мы полагаем, что, несмотря на специфику административного иска, он имеет схожие признаки с исковой формой защиты права. В административном судопроизводстве действуют те же принципы, что и в гражданском процессе. Конечно, есть особенности, которые определяются спецификой материальных правоотношений, но в целом действие принципов является общим, присущим как гражданскому процессу, так и административному судопроизводству. В административном судопроизводстве, как и в гражданском процессе, есть спорящие стороны, есть право на предъявление административного иска и право на его удовлетворение и т. д. Это свидетельствует о том, что нарушенные или оспоренные права в сфере публичных правоотношений могут быть защищены путем предъявления административного иска [3, с. 60].

Административные иски как обращенные к суду требования следует подразделять на иски о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов и на иные вытекающие из административных и иных публично-правовых отношений иски [10, с. 105].

Рассмотрим следующую проблему.

Как быть гражданину (или организации, принципиально не важно — проблема общая) в ситуации, когда, по его мнению, препятствия к осуществлению его права или к реализации его законного интереса созданы сразу двумя субъектами исполнительных органов публичной власти, причем перекладывающими корреспондирующую им обязанность в оказании содействия в реализации права или законного интереса гражданина на плечи друг друга?

Попробуем разобраться с проблемой на примере конкретного дела, приведенного в научной литературе.

Фабула дела такова. Решением суда общей юрисдикции по гражданскому делу по иску гражданина к исполнительному органу местного самоуправления (городской администрации) о взыскании причиненных ему незаконными действиями (решением) должностного лица органа местного самоуправления убытков и компенсации морального вреда с исполнительного органа местного самоуправления в пользу гражданина были взысканы убытки, денежная компенсация причиненного морального вреда и судебные расходы.

Однако решением руководителя финансового органа местного самоуправления гражданину было отказано в принятии к исполнению поданного им заявления с рекомендацией обратиться по указанному поводу в органы Федерального казначейства как надлежащего (по мнению руководителя финансового органа местного самоуправления) субъекта исполнения подобного рода судебных решений.

Однако в структурах Федерального казначейства заявителю было отказано с рекомендацией обратиться по этому поводу в соответствующий финансовый орган местного самоуправления [10, с. 106-107].

Единственным возможным средством разрешения возникшего правового конфликта являлся административный иск о признании незаконным решения соответствующего чиновника.

Однако определить однозначного административного ответчика (муниципального либо федерального чиновника) в этом случае было сложно.

Представляется, что наиболее оптимальным процессуальным средством защиты права или законного интереса от неправомερных решений субъектов публичной власти является так называемый «альтернативный» административный иск.

Действующее российское процессуальное законодательство (в отличие, например, от американского (п. «а» ст. 8 Федеральных правил гражданского судопроизводства США)) не предусматривает такой правовой категории, как альтернативные иски [10, с. 107]. Но в юридической практике они нередко встречаются [2, с. 41].

В юридической литературе уже давно выработаны четкие подходы к определению понятия альтернативных исков путем объединения в одном исковом заявлении нескольких взаимоисключающих требований, вытекающих из обстоятельств, с которыми истец связывает нарушение своих прав [5, с. 154]. В рассмотренном случае причинами такого иска является неопределенность истца в субъекте, являющемся должником в соответствующем правовом обязательстве, и существенная процессуальная экономия [10, с. 108].

В случае подачи административного иска сразу к двум альтернативным административным ответчикам (как, например, по указанной выше фабуле дела) налицо не только явная процессуальная экономия, но и, как представляется, одновременно упрощение в итоге задачи для суда, поскольку каждый из административных ответчиков в сложившейся ситуации будет вынужден обосновывать и доказывать законность принятого именно им решения или действия (бездействия), одновременно подтверждая в силу положений ч. 2 ст. 62 КАС РФ суду также и обстоятельства, на которые он ссылается как на основания своих возражений против удовлетворения предъявленного именно к нему административного иска.

Полагаем, что подобно американскому законодательству следует закрепить в КАС РФ такую правовую конструкцию как альтернативный административный иск.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. N 10. Ст. 1391.
2. Абушенко, Б.Д. Альтернативные иски: теоретические основы правовой конструкции // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 6. с. 41-47.
3. Величко, Т.В. Тождество и различие административного и гражданского исков // Вестник Поволжского института управления. 2020. Том 20. № 3. с. 59-65.
4. Гражданский процесс: учебник/под ред. М.К. Треушников. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. 711 с.
5. Кашкарова, И.Н. К вопросу о возможности предъявления альтернативных (факультативных) исков в состязательном процессе // Закон. 2014. № 3. с. 154-159.
6. Нечаев, А.И. Предмет иска и определение вида судопроизводства по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий и бездействия публичной администрации // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N 5. с. 17-21.
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 07.12.2021).
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 08.12.2021).
9. Разановский, В.А. Единство процесса. М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1996. 75 с.
10. Тимошенко, И.В. Альтернативный административный иск как процессуальное средство защиты нарушенного права // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 1. с. 104-107.
11. Яковлева, А.П., Величко Т.В. Особенности структуры административного иска // Правовая культура. 2021. 2 (45). с. 59-63.

Хищения с использованием информационных технологий: вопросы отграничения составов преступления¹

Кравченко Владимир Владимирович, студент
Волгоградский государственный университет

В этой статье автор рассматривает наиболее распространённые преступные схемы хищений с использованием информационных технологий, анализирует вопрос об отграничении различных составов таких преступлений, а также формулирует несколько предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства, регламентирующего основания уголовной ответственности за хищения с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: хищение, кража, мошенничество, информационные технологии, Интернет.

Использование Интернет-ресурсов и прочих информационных технологий постепенно становится основой жизни современного общества и отдельной личности. Зачастую мы даже не замечаем, как всё больше и больше нашей реальной жизни превращается виртуальное общение и коммуникации. В подобных условиях следует обратить внимание на то, что схожие тенденции наблюдаются и в преступном мире: подстраиваясь под современные реалии жизни потенциальных жертв, преступники всё чаще используют виртуальные, цифровые и иные информационные ресурсы в целях совершения преступных посягательств, в том числе на чужое имущество [3]. Криминологи бьют тревогу: большин-

ство преступлений с использованием информационных технологий продолжает оставаться латентным по субъективным (нежелание жертв преступлений сообщать о факте преступного посягательства в отношении их персональных данных или денежных средств; отсутствие достаточной квалификации у представителей органов расследования и т.п.) и объективным причинам (чрезвычайная сложность процессов выявления, раскрытия и расследования подобных преступлений, трансграничный характер преступной деятельности, организованный характер преступной деятельности и т.п.) [1; 2]. За последнее время, особенно в условиях пандемии, все эти проблемы лишь усугубились. В частности, в условиях

1 Исследование осуществлено при финансовой поддержке института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», № гранта 21-06.

особой ситуации с пандемией число IT-преступлений выросло в 1,5 раза за последние два года. По статистике МВД, за 7 месяцев 2021 года произошло почти 320 тыс. преступлений с помощью компьютеров и Интернета, что на 16% больше прошлого года.

В условиях нарастания количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, в частности, в отношении чужого имущества, неудивительно, что современный российский законодатель предпринимает дополнительные меры по защите имущественных интересов граждан от подобных киберугроз посредством конструирования дополнительных составов хищений, так или иначе связанных с использованием информационных технологий. Речь идет о составах кражи и мошенничества, признаки которых содержатся в статьях 158, 159 и 159.6 УК РФ. Проблема заключается в том, что законодатель не предусмотрел высокую вероятность возникновения на практике довольно серьезной проблемы конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм и тем самым нарушил системность уголовного закона в целом и положений о хищениях, в частности.

Чаще всего речь идет о различных вариантах выманивания идентификационных данных пользователя соответствующими Интернет-ресурсами и мобильными приложениями для получения доступа к материальным электронным ресурсам, хранящимся на банковских счетах или на счетах сотовой связи, а в некоторых случаях (если речь идет о криптовалютах) — и в криптокошельках. Преступный механизм включает несколько этапов: 1) получение информации об идентификаторах собственника путём обмана или злоупотребления доверием (характерно для общего состава мошенничества, например, в результате фишинга), путём кодирования или шифрования (характерно для мошенничества в сфере компьютерной информации) или иными способами (характерно для кражи: например, когда был похищен телефон с открытым мобильным приложением или преступник увидел запись в блокноте собственника с кодом карты или паролем от приложения и т.п.); 2) получение доступа к платформе хранения материальных ресурсов (банковский счёт, мобильное приложение онлайн-банкинга, электронный кошелек, криптокошелек и др.); 3) изъятие и обращение в свою пользу или пользу третьих лиц чужих электронных или цифровых активов и ресурсов. Очевидно, что прак-

тически все признаки, отличающие одну форму хищения от другой, в рамках подобной преступной ситуации смешаны, следовательно, на практике не могут возникнуть трудности при отграничении соответствующих форм хищений друг от друга.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30.11.2017 № 48 частично постарался снять некоторые наиболее острые коллизийные вопросы, однако при условии сохранения действующей редакции уголовного закона подобные проблемы сохраняться. Кроме того, не следует забывать, что в условиях отсутствия единообразия судебной практики и достаточно ясных и чётких критериев отграничения соответствующих составов хищений друг от друга могут создаваться условия для нарушения принципа справедливости, изложенного в ст. 6 УК РФ. Дело в том, что некоторые виды хищений с использованием информационных технологий, совершаемые путём обмана (ч. 1 ст. 159 УК РФ) или совершаемые путём ввода, блокирования и т.п. компьютерной информации (ч. 1 ст. 159.6 УК РФ), признаются законодателем преступлениями небольшой тяжести, тогда как практически идентичные преступные деяния, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являются преступлениями тяжкими. Очевидно, что в подобных условиях чрезмерного уголовно-правового регулирования лица, совершающие практически тождественные преступные деяния, могут быть привлечены к разной по объёму уголовной ответственности, что совершенно недопустимо.

Решением подобной ситуации следует считать идею о восстановлении системности уголовно-правового регулирования ответственности за хищения путём устранения некоторых излишне выделенных законодателем составов преступлений. В частности, снабжать одну из норм компактной группы положений уголовного закона о хищениях квалифицирующим признаком, связанным с признаком использования некоторых электронных/информационных технологий не представляется оправданным, в том числе потому, что в современных условиях фактически любая форма хищения может быть совершена с применением тех или иных виртуальных, цифровых и информационных технологий. В этой связи представляется необходимым исключить из текста части 3 статьи 158 УК РФ пункт «г», а также из текста части 3 ст. 159.6 пункт «в» с описанием соответствующего квалифицирующего признака.

Литература:

1. Дерюгин Р.А. Криминалистика в условиях информатизации общества // Академическая мысль. — 2019. — № 3 (8).
2. Евсеева С.А. Некоторые проблемы расследования преступлений в отношении несовершеннолетних киберпреступников // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (85).
3. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018 // URL: http://procuror.spb.ru/izdaniya/2018_01_07.pdf (дата обращения: 23.12.2021).

Сравнительный анализ конституционно-правового статуса эмбриона в России, США и Японии

Ласточкина Анастасия Андреевна, студент

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

XXI век связан существенными достижениями в сфере биомедицинских технологий, активно практикуются трансплантация органов и тканей человека, часто раздаются голоса об использовании стволовых клеток для продления человеческой жизни. Благие намерения все чаще сталкиваются с криминальными целями отдельных лиц и преступных синдикатов, для достижения которых порой используются человеческие эмбрионы. В данной ситуации определение правового статуса этих эмбрионов приобретает еще большую значимость и актуальность. Рассмотрены различные подходы к правовому статусу эмбриона на основе анализа международно-правовых актов и судебной практики. В статье раскрывается понятие человеческого эмбриона, рассматривается возможность надения его конституционным правом на жизнь, а также приводятся существующие в юридической литературе теории. Проводится сравнение законодательной базы Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки и Японии.

Ключевые слова: беременность, внутриутробное развитие, коммерциализация, оборотоспособность эмбриона, объект гражданских правоотношений, плод, право на жизнь, субъект гражданских правоотношений, правовой статус, эмбрион.

Одним из нерешенных правовых вопросов в современном международном и национальном праве является правовой статус эмбриона. По этому вопросу существуют юридические разногласия, поскольку в законодательстве нет единого стандарта относительно правового статуса эмбрионов. Камнем преткновения является вопрос о моменте возникновения гражданской правоспособности человека. Можно ли назвать зародыш человеком? И, как следствие, может ли он претендовать на основные права человека, гражданские права и гарантии свободы с момента своего рождения?

Для начала давайте рассмотрим само слово «эмбрион». Эмбрион (греч. embryo) — это животный организм на ранних стадиях развития [1]. С юридической точки зрения, эмбрион определяется как организм от оплодотворения до рождения. Существует два основных академических подхода к вопросу о статусе эмбриона. Первый — рассматривать эмбрион как субъект права, то есть как полноправного участника правовых отношений наравне с человеком. Второй подход рассматривает эмбрион как объект, как часть организма из материи, эквивалентной органу или ткани, которая может породить правовые отношения.

Этот вопрос становится все более актуальным, поскольку случаи коммерциализации человеческих эмбрионов становятся все более известными общественности. Например, в апреле 2005 года во время досмотра российские таможенники изъяли чемодан с замороженными эмбрионами из украинской клиники. По результатам расследования эмбрионы были отправлены в российский косметический центр, где в перечень услуг были включены «инъекции молодости». Инъекции состояли из смеси лекарств и живых эмбрионов. Поэтому утверждение права на жизнь устранило бы неопределенность правового статуса эмбриона.

Согласно российскому законодательству, человеческий зародыш не является носителем права на жизнь. В действительности, Конституция Российской Федерации в статье 17 (2) гласит, что основные права и свободы человека незыблемы и что каждый человек обладает ими от рождения [2]. Основной закон нашей страны, Гражданский кодекс Российской Федерации (статья 17 (2) ГК РФ), также гласит, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается с его смертью [3]. Анализ этих правовых норм показывает, что эмбрион не является самостоятельным участником гражданских правоотношений и поэтому не может претендовать на особый статус или гарантию общепризнанных прав человека, включая право на жизнь.

Такая же позиция занята и в действующем японском законодательстве. В «Стране восходящего солнца», как и в Российской Федерации, правоспособность физического лица возникает с момента рождения. Рождение по частному праву означает, что плод полностью отделяется от матери, и с этого момента новорожденный ребенок обладает правоспособностью. Даже если ребенок вскоре после этого умирает, факт рождения юридически не меняется. Однако, если ребенок мертворожденный, закон (статья 886 (2) Гражданского кодекса Японии, далее JCL) не признает факт рождения [4].

Однако международные правовые документы, нормы которых преобладают в большинстве стран, предусматривают правовую защиту жизни нерожденного ребенка. Например, в Декларации о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года, говорится, что дети умственно и физически незрелы и поэтому нуждаются в правовой защите как до, так и после рождения [5]. Это выражение косвенно доказывает, что международные законодатели при-

знают эмбрион ребенком с присущей ему правоспособностью, т. е. человеком.

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года в статье 1 гласит: «Ребенком является каждое человеческое существо в возрасте до 18 лет. Он также повторяет формулировку «Декларации о праве ребенка на защиту, заботу и законную опеку с момента рождения» [6].

Статья 4 (1) Американской конвенции по правам человека гласит, что каждый человек имеет право на уважение собственной жизни [7]. Это право защищено законом, как правило, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Аналогичные нормы, защищающие право на жизнь ребенка, закреплены в основных законах многих стран. Однако во многих случаях заявленные принципы остаются только на бумаге.

Рождение ребенка — это юридический факт, влекущий за собой ряд гражданско-правовых последствий. Однако во многих случаях правовые последствия наступают и до рождения ребенка. Вот наиболее актуальная сейчас ситуация: в 2016 году бездетная пара обратилась в клинику в Санкт-Петербурге, где женщина прошла процедуру ЭКО, но желанная беременность не наступила. Во время медицинской процедуры было создано больше эмбрионов, чем необходимо, шесть эмбрионов были заморожены и были помещены в клинику. В настоящее время супруги разведены. В процессе раздела имущества встал вопрос о судьбе еще неродившегося ребенка. Бывший муж настаивает на утилизации эмбрионов, поскольку не хочет платить алименты на нежеланного при рождении ребенка. Жена не согласна и хочет использовать биологический материал для беременности и родов. Это необычное для России гражданское дело рассматривалось в суде Черкесска: на первом заседании 13 февраля суд Черкесска согласился с тем, что подобного прецедента нет, и решил ознакомиться с представленным ответчиком решением ЕСПЧ. Следующее слушание было назначено на 16 марта; в четверг 16 марта Черкесский городской суд прекратил дело, истцы сами отзывали свой иск, а эмбрионы могли быть утилизированы по желанию мужа. Если это решение вступит в законную силу, клиника будет иметь право совершать действия, о которых говорится в иске, то есть утилизировать эмбрионы по просьбе супруга.

Хотя в Российской Федерации еще не было подобного случая, международная судебная практика знает несколько подобных дел. Так, 10 апреля 2007 года Европейский суд по правам человека («ЕСПЧ») вынес решение по делу «Эванс против Соединенного Королевства», которое касалось спора о замороженных эмбрионах. После расставания со своим партнером г-жа Эванс впоследствии решила родить ребенка с использованием замороженных эмбрионов, но ее бывший муж воспротивился этому. Суды Великобритании отклонили иск г-жи Эванс, сочтя отказ биологического отца юридическим препятствием, отметив в решении ЕСПЧ, что вопрос о том, когда право человека на жизнь считается начавшимся, находится в компетенции каж-

дого государства, в котором он возникает. Примечательно, что ЕСПЧ основывал свои выводы на английском праве. В конечном итоге, аргументы Эванса были отклонены.

В Российской Федерации, как упоминалось ранее, человек приобретает правоспособность только по рождению, но некоторые права признаются еще до рождения. Гражданский кодекс является наиболее продвинутым в этом отношении. Как правило, правоспособность наделяется в момент рождения, но наследственное и налоговое законодательство также предоставляет определенные права еще не родившемуся ребенку. Поэтому статья 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает возможность наследования для граждан, забеременевших при жизни наследодателя. А пунктами 12-13 части 1 статьи 218 Налогового кодекса предусмотрены налоговые льготы для физических лиц, находившихся в состоянии внутриутробного развития при эвакуации из зоны, пострадавшей от аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году и при разливе радиоактивных материалов в реку Теча на производственном объединении «Маяк» в 1957 году. Российское законодательство предусматривает налоговые льготы для лиц, которые были внутриутробно

Японское законодательство решает эти вопросы аналогичным образом. Согласно Гражданскому кодексу Японии, нерожденный ребенок не обладает правоспособностью, и беременная женщина не может выступать в качестве агента, то есть подавать иск о признании своих прав от имени нерожденного ребенка (JGC, ст. 787), но она наделяется определенной правоспособностью наследования для защиты интересов своего будущего ребенка (JGC, ст. 886, 721, 765).). В этом случае нерожденный ребенок приобретает правоспособность лишь условно и является таким же ребенком, как и рожденный. Это можно охарактеризовать как частичную дееспособность нерожденного ребенка.

Уголовный кодекс также в определенной степени защищает эмбрион, но не как человеческое существо, а как «приданое» беременной женщины. Это следует из наличия двухотягчающих обстоятельств в статье 105 (2) Уголовного кодекса, а именно: убийство двух или более лиц (пункт «а») и убийство женщины, которая знала, что преступник был беременным (пункт «г»). Убийство беременной женщины следует понимать как убийство двух лиц для целей Уголовного кодекса, по крайней мере, с того момента, когда преступник визуально подтверждает беременность, а во многих случаях плод уже жизнеспособен. Анализ уголовной практики по данному вопросу показывает, что при убийстве женщины в последнем триместре беременности часто применяют статью 105 (2), указывая на то, что женщина беспомощна и не может оказать сопротивление преступнику. Опять же, это относится только к матери и не учитывает тот факт, что выживший плод в утробе находится в состоянии абсолютной беспомощности и не способен сопротивляться. Однако Уголовный кодекс не может противоречить основным национальным документам. Согласно пункту 1 статьи 53 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здо-

ровья граждан в Российской Федерации», началом жизни считается появление плода в матке матери.

С этого момента лишение жизни ребенка будет признано убийством.

Анализ изученного материала показывает, что, несмотря на окончательное закрепление в юридической практике нового объекта — эмбриона человека, правовой статус эмбриона человека и правовой режим его использования не получили детальной конкретизации в международных и национальных правовых актах. Правовой режим этого конкретного объекта должен регулироваться законом. По крайней мере, на наш взгляд, эмбрион является лишь объектом некоторых договоров, доступных специальным субъектам гражданских правоотношений (биологическим родителям и субъектам договоров, охватывающих эмбрион).

Мне кажется, что существует объективная необходимость изменить закон. Я считаю, что Россия должна идти по пути европейских стран, потому что в Конституции РФ записано, что право на жизнь не подлежит ограничению.

На мой взгляд, лучше всего признать эмбрион личностью к 12-й неделе его развития. Этот период в развитии плода был выбран не случайно. Во-первых, на этой стадии эмбрион становится человеком, что означает, что он похож на человека внешне, внутренне и морфологически, и способен к выживанию. Во-вторых, аборт на поздних сроках может представлять угрозу для здоровья женщины. Закрепление права на жизнь человеческих эмбрионов до рождения также станет основой для правового регулирования репродуктивных прав человека и законного использования человеческих эмбрионов в исследовательских целях. Очевидно, что процесс правовой реформы не будет легким, поскольку необходимые поправки придется вносить не только в Федеральный закон и другие законодательные акты, но и в Конституцию Российской Федерации. Однако усилия законодателей позволят утвердить право на жизнь как абсолютную ценность и создать гуманное и морально оправданное отношение к человеческим эмбрионам в современном обществе.

Литература:

1. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. — М.: Прогресс, 1999. с. 388.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ — 2014. — № 31-14 июля.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (от 28.03.2017)/СЗ РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Японии (Закон № 89 от 27.04.1896 г. с изменениями, внесенными Законом № 79 от 21.05.1991 г., Законом № 149 от 01.12.1999 г. и Законом № 138 от 01.08.2003 г.)
5. Declaration of the Rights of the Child, <http://www.unhcr.ch/html/menu3/b/25.htm>, русский текст см. <http://www.un.org/russian/document/declarat/childdec.htm>, провозглашена резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.
6. Convention on the Rights of the Child. <http://www.unhcr.ch/html/menu3/b/k2crc.htm>. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. Вступила в силу 2 сентября 1990 г. Русский текст см. <http://www.un.org/russian/document/convents/childcon.htm>.
7. Американская Конвенция о Правах Человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе. Вступила в силу 18 июля 1978 г.

Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности

Лукина Кристина Андреевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье дано понятие преступлений против собственности. Рассмотрены трудности, возникающие при квалификации преступлений против собственности. Выявлены проблемы квалификации преступлений против собственности.

Ключевые слова: *собственность, хищение, квалификация хищений, преступления против собственности, квалификация преступлений.*

При квалификации преступного деяния возникают трудности, связанные с тем, что совершенное деяние часто подпадает под признаки одновременно нескольких составов преступлений, предусмотренных нормами Особенной части Уголовного кодекса.

В теории уголовного права такие случаи часто называют конкуренцией уголовно-правовых норм. При определении преступных деяний недопустимо использовать несколько конкурирующих норм, поскольку следует использовать нормы, которые наилучшим образом отра-

жают социально-правовую природу совершаемого общественно опасного поведения.

По мнению многих ученых в уголовном законодательстве, существует только один вид уголовного права, регулирующий конкуренцию — это конкуренция между общими нормами и специальными нормами. Это может быть достигнуто за счет того, что одна из норм является более конкретной, чем другая. Однако в некоторых случаях используется конкуренция части и целого, что большей степени отражает сложность данных составов преступлений. Это происходит, когда критерием квалификации является степень общественной опасности при совершении составных преступлений [7, с. 51].

Целью статьи является рассмотрение проблем квалификации преступлений против собственности.

Основным правилом квалификации преступного деяния при конкуренции части и целого является то, что возникает необходимость применения тех норм, которые с наибольшей полнотой отражают признаки присущие совершенному деянию [7, с. 51].

Теория квалификации преступлений представляет собой совокупность научных взглядов, идей, воззрений, концепций относительно правил уголовно-правовой оценки общественно-опасных деяний, установления ответственности общественно-опасного деяния составу или составам преступлений, предусмотренным уголовным законом.

Законодательной основой для квалификации преступления является состав преступления, т.е. система установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно-опасное деяние как преступление, которые являются необходимыми и достаточными для признания лица совершившим определенного рода преступление [3, с. 54].

Понятие собственности включает в себе философское, экономическое и правовое начало, являясь одним из наиболее значимых институтов, связанных с современной организацией общественной и частной жизни. Она означает определённую степень власти над вещью со стороны кого-либо, а также связанное с этим отношение по вопросу осуществления затрат, которые обусловлены властью над определенной вещью [4, с. 49].

Собственность как объект защиты представляет собой достаточно сложное явление, которое рассматривается сегодня как важнейшее социально-экономическое направление и требует не просто эффективной, но и разносторонней защиты.

В связи с этим, противоправное посягательство на отношения собственности в любом качестве — как экономической, так и правовой категории — образует состав уголовно-наказуемого деяния. То есть, нельзя, причиняя ущерб отношениям собственности, как экономической категории, не причинить вреда отношениям собственности, как категории правовой.

Защита собственности уголовным правом остается одним из наиболее актуальных и, возможно, наиболее

глубоко разработанных фундаментальных вопросов в теории уголовного права. Изучению этого феномена посвящено несколько докторских, кандидатских диссертаций, а также множество монографий и учебников. Количество статей по этому вопросу даже трудно сосчитать. В то же время в недрах теории и практики уголовной ответственности за посягательство на собственность (имущественное преступление) существует множество спорных и горячо обсуждаемых вопросов. Некоторые из них затрагивают эмпирический уровень проблемы и предполагают комментирование требований уголовного законодательства, в то время как другие поднимаются на более высокий и, следовательно, более сложный уровень иерархии всех аспектов проблемы [8, с. 133].

По уголовному законодательству РФ преступлениями против собственности, являются общественно опасные деяния, которые нарушают права владения, пользования и распоряжения собственниками имуществом или иным способом причинения собственникам имущественного ущерба [6, с. 30].

Объектом преступления против собственности являются общественные отношения собственности, в том числе владение, пользование, распоряжение имуществом, и права законного владения собственностью [1].

Что касается классификации преступлений против собственности, то она традиционно ставится в зависимость от классифицирующего критерия. Одним из значимых критериев, наиболее часто используемых в научных работах, посвящённых исследованию преступлений против собственности, является такой критерий, как наличие признаков хищения.

Также, в качестве ещё одного классифицирующего критерия можно использовать использование насилия. В таком случае, преступления против собственности можно разделить на насильственные и ненасильственные [4, с. 50].

Хищение определено законодательно в примечание ст. 158 УК РФ. Под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. В приведенном выше понятие отражается родовая состав хищения, который характерен для всех форм хищения. Любое понятие состоит из основополагающих признаков. Понятие хищения не является исключением. Противоправность является признаком хищения, как и во всех остальных общественно-опасных деяниях. Основным элементом данного преступления выступает предмет хищения, что также является его признаком. К объективной стороне хищения относятся действия, направленные на безвозмездное изъятие чужого имущества и (или) обращение имущества в пользу виновного лица или других лиц. Корыстная цель выступает признаком хищения, которая относится к субъективной стороне преступления [9, с. 35].

По общему правилу хищение состоит из двух элементов — изъятия имущества у собственника или иного владельца и обращения его в пользу виновного или других лиц. Однако в некоторых случаях изъятия нет, например, при присвоении и растрате, когда имущество уже находится во владении виновного, причём на законных основаниях. Первый элемент хищения может отсутствовать, именно этим объясняется наличие союза «или» в законодательном определении хищения.

Изъятие, как правило, предполагает противоправное физическое извлечение и перемещение имущества, то есть представляет собой активное действие. Обращение имущества в свою пользу либо в пользу другого лица тоже, как правило, выражается в активных действиях, но может выражаться и в бездействии, например, при присвоении, когда присваиваемое имущество не возвращается собственнику, иногда — при мошенничестве. Поскольку противоправное действие по смыслу гражданского законодательства не влечёт перехода права собственности, поэтому грубой ошибкой будет говорить об обращении виновным имущества в свою собственность или в собственность других лиц.

Обязательным элементом хищения являются общественно опасные последствия, которые выражаются в причинении ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Кроме того, между противоправными действиями виновного (изъятием, обращением имущества) и общественно опасными последствиями (ущербом собственника или иного владельца) должна быть причинная связь (хотя она, как правило, очевидно), поэтому все составы преступлений, связанные с хищением (за исключением разбоя), являются материальными. Если толковать определение буквально, то хищение должно признаваться оконченным после того, как похищенное имущество было изъято у потерпевшего, и ему причинён материальный ущерб. Однако судебная практика признаёт хищение оконченным только после того, как виновный получит реальную возможность распорядиться похищенным имуществом. Если действия пресечены до этого момента, после изъятия имущества при попытке его скрыть (вынести, вывезти), такие действия квалифицируются как покушение [9, с. 36].

Ущерб, причиняемый хищениями, исчисляется миллиардами рублей. Причем этот ущерб — результат как хищений в крупных и особо крупных размерах, так и многочисленных хищений вещей и предметов небольшой стоимости. Это обусловило дифференциацию ответственности в действующем законодательстве за хищения в зависимости от различных обстоятельств совершения преступления.

Квалификация преступлений против собственности на практике вызывает ряд трудностей, которые связаны как с не в полной мере проработанной законодательной базой, так и с высоким темпом развития технологий в мире, оказывающим непосредственное влияние на способы совершения преступлений.

Рассмотрим проблемы квалификации преступлений против собственности.

1. При мошенничестве часто в судебной практике сложность вызывает определение наличия корыстного мотива непосредственно в момент завладения чужим имуществом. Если, к примеру, лицо берет имущество в долг, искренне собираясь его возвратить, но по прошествии некоторого времени приходит к мнению его не возвращать хозяину имущества, признаки хищения будут отсутствовать, т. к. нет корыстного мотива при получении имущества. Такая ситуация часто встречается при получении кредитов в кредитной организации [2, с. 73].

2. Совершение преступлений с использованием компьютерных технических средств.

Киберпреступления совершаются дистанционно, и злоумышленники чувствуют себя в безопасности. У них непосредственно создается иллюзия полной защищенности от уголовного преследования. К тому же мягкие, зачастую условные сроки наказания, которые предусматривались старыми редакциями рассматриваемых статей УК РФ, лишали их страха ответственности.

Например, если хищение чужого имущества путем вмешательства в функционирование компьютерных технических средств или сетей осуществляется с участием лица, воспринимающего искаженную информацию как истинную (фишинг, смс и прочее), то это надо квалифицировать как мошенничество в сфере компьютерной информации. В случае осуществления хищения без непосредственного участия человека содеянное следует квалифицировать как кражу.

Выявление новых мошеннических приемов на основе непосредственно позволяют сформулировать содержательную и объемную дефиниции «обман» и «злоупотребление доверием», которые, будучи законодательно закрепленными, очевидно снимут все актуальные проблемы правоприменительной практики [6, с. 32].

3. В целях правильной уголовно-правовой оценки исследуемых отношений перед сотрудниками полиции при расследовании уголовных дел по кражам, связанным с находкой, зачастую встает закономерный вопрос: какое имущество следует признавать находящимся в обладании?

Незаконные действия находчика, направленные на изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного, следует квалифицировать в качестве кражи в случае, когда собственник похищенного имущества оставил его в известном ему месте или забыл по своей неосмотрительности. Если же имущество потеряно собственником, и он не может определить его местонахождение, то следует говорить об отсутствии объективной стороны преступления в соответствии со ст. 158 УК РФ, так как имущество уже было из обладания его законного владельца.

В то же время на практике сложно определить, была ли вещь забыта собственником либо просто потеряна, так

как владелец имущества зачастую не может с точностью вспомнить всех обстоятельств его пропажи. В связи с этим правоприменителю затруднительно доказать направленность корыстного умысла находчика именно на кражу этого имущества, так как предполагается, что вещь уже выбыла из обладания собственника вследствие его собственных неосмотрительных действий. В данном случае виновное лицо может необоснованно избежать привлечения к уголовной ответственности в соответствии со ст. 158 УК РФ [5, с. 129].

Выводы:

1. Уголовно-правовая защита собственности приобретает особое значение в условиях огромного размаха корыстной преступности. Современное состояние криминальной ситуации в России характеризуется сохранением негативных тенденций и процессов, связанных с преступностью. Можно отметить, что преступления против собственности являются наиболее распространенными, они совершаются чаще всего и ущемляют интересы значительного числа лиц.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ) // Собрании законодательства Российской Федерации. — 1996. — 17 июня.
2. Акулинина, Р.М. Правовой анализ проблем квалификации преступлений против собственности // Наука и общество в условиях глобализации. — 2019. — № 1 (6). — с. 70-74
3. Иванцова, Н. В., Прыгунова Е. В. Вопросы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием // Марийский юридический вестник. — 2017. — № 1 (20). — с. 54-60
4. Рудакова, О.В., Шульгина Е. С. Особенности преступлений против собственности по действующему российскому законодательству // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. — 2021. — № 1 (24). — С. 49-52
5. Рябинин, Н. А., Филипсон К. Ю. Соотношение кражи и находки: вопросы теории и практики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 3 (91). — с. 121-130
6. Сальник, В. А. Проблемы квалификации преступлений против собственности/В. А. Сальник // Теория и история права и государства; История учений о праве и государстве — Вопросы экономики и права. — 2018. — № 11. — с. 29-32.
7. Хайдаков, М. К., Ахмедханова С. Т. Актуальные проблемы квалификации преступлений против собственности при конкуренции уголовно — правовых норм // COLLOQUIUM-JOURNAL. — 2019. — № 27-10 (51). — с. 51-53
8. Хилюта, В. В. Кража и присвоение найденного: проблемы соотношения и выявления разграничительных признаков // Журнал российского права. — 2019. — № 2 (266). — с. 132-143
9. Хорьков, С. А. Понятие и признаки хищения в соответствии с УК РФ/С. А. Хорьков, Д. А. Свиридова, А. В. Ваганов // Новый юридический вестник. — 2019. — № 4 (11). — с. 35-36.
10. <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-protiv-sobstvennosti-realnost-i-perspektivy>
11. <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-hischeniy>

Проблемы имущественной безопасности были и остаются наиболее острыми, поскольку количество посягательств на права собственников не снижается. Собственность является одним из ключевых достижений цивилизации, и государство стремится обеспечить права ее обладателей. Конституция Российской Федерации не только провозглашает легитимность всех видов собственности, но и закрепляет обязанность государства по его охране.

2. Тенденции изменений уголовного законодательства в регулировании вопросов, связанных с защитой прав собственности, стали последовательными с точки зрения изменения социально-правового курса РФ, в которой общественные отношения в области охраны частной собственности, получили новый вектор развития, и вполне логичными и обоснованными с позиции эффективности использования тех средств, которыми сфера уголовного права в настоящее время располагает.

Уголовная ответственность за террористическую деятельность в Азербайджане

Мадатов Заур Эльбрус оглы, студент магистратуры

Научный руководитель: Лосев Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье авторы рассматривают и анализируют основные статьи Уголовного кодекса Республики Азербайджан. Кроме того, пытаются отграничить признаки терроризма от признаков других насильственных преступлений в соответствии с азербайджанским законодательством.

Ключевые слова: Азербайджан, терроризм, общественная безопасность, устрашение населения, УК АР, органы власти.

В последние годы проблема терроризма стала предметом активных исследовательских трудов. Область применения данных исследований весьма разнообразна, и важное место в перечне отведено историко-правовым и общественно-психологическим проблемам. В большинстве научных исследований отмечается важность исследования юридических особенностей совершения террористических актов, необходимость приоритетного рассмотрения особых категорий террористических преступлений.

Некоторые ученые полагают, что в качестве центрального объекта террористической деятельности рассматривается общественная безопасность, в то время как жизнь, здоровье и имущество могут выступать в роли сопутствующих целей, остальные полагают, что объектом в данном случае является исключительно общественная безопасность, так как невозможно посягнуть на нее без нанесения вреда здоровью, жизни людей, имуществу и т. д.

В соответствии со статьей 214 УК АР установлена уголовная ответственность за совершение террористических актов, а именно поджог, установка взрывоопасных устройств и других деяний, несущие в себе угрозу для жизни и здоровья людей, причинение существенного материального вреда или возникновение других социально опасных для окружающих последствий, которое было выполнено для посягательства на общественную безопасность, запугивание населения или воздействие на процесс по принятию решения государственными органами или организациями международного уровня, а также опасность совершения подобных действий для достижения аналогичных целей.

Важно отметить, что признаки, которые квалифицируют терроризм, в большинстве случаев, схожи с признаками прочих тяжких преступлений с применением насилия, а именно по предварительному сговору группой лиц, повторно, с применением огнестрельного оружия.

В соответствии со статьей 214.2.1 УК АР, совершенные по предварительному сговору группой лиц, организованной группой или преступным сообществом.

Во второй части статьи 34 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики представлено описание состава преступления, которое было осуществлено несколькими лицами по заранее оговоренному плану, исходя из этого

можно констатировать, что данный квалификационный признак характеризуется наличием трех непереносимых условий, а именно участие в совершении преступления двух и более лиц, достигших 14 лет, вступившие в сговор на этапе приготовления к совершению террористического акта и выполнившие действия, угрожающие жизни и здоровью людей.

Под понятием «организованная группа» согласно п. 3 ст. 34 УК АР понимается стабильно действующая группа людей, которые предварительно объединились с целью осуществления какого-либо преступления или более двух таких преступлений. Стабильность деятельности организованной преступной группы подразумевает ее функционирование в целях подготовки преступления в течение достаточно длительного периода времени.

В соответствии со статьей 214.1.2 УК АР совершенные повторно преступления.

Под повторным, в соответствии со статьей 16 Уголовного кодекса, подразумевается осуществление более двух террористических актов. Независимо от того, осужден ли ранее террорист за совершение теракта в прошлом или преследуется в первый раз за совершение двух или нескольких актов терроризма. Безусловно, не может быть никакого рецидива, когда судимость за ранее совершенное преступление в виде теракта была погашена.

В случае признания факта совершения одного из повторных террористических актов завершенным преступлением, а второго — попыткой совершения терроризма, подобные действия необходимо квалифицировать в соответствии со статьей 66 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики по совокупности совершенных преступлений.

В соответствии со статьей 214.1.3. УК АР преступления, которые были совершены посредством применения огнестрельного и холодного оружия. Использование при осуществлении акта терроризма холодного и огнестрельного оружия увеличивает степень общественной угрозы.

При использовании огнестрельного оружия понимается применение его смертоносных качеств с целью нанесения телесных повреждений либо поражения людей, причем с наступлением соответствующих последствий, а также при посягательстве на жизнь и здоровье людей, применяя огнестрельное оружие для оказания психологи-

ческого воздействия, в тех случаях, при которых оно лишь демонстрируется, но существует реальная опасность нанесения людям вреда.

В соответствии со статьей 214.2.4. УК АР наступившая по неосторожности смерть человека либо другие формы серьезных последствий. Возникновение гибели людей, ставших жертвами террористического акта, или возникновение других серьезных последствий, наступивших в результате неосторожности, представляет собой квалифицированный по степени тяжести тип террористического акта. В этом случае должно быть подтверждено, что в связи со смертью и другими серьезными последствиями имела место вина по неосторожности, в той или иной ее форме.

Что касается осуществления разграничения между терроризмом и сопутствующими преступлениями является серьезной проблемой. В законодательстве Азербайджанской Республики различают ряд преступлений, имеющих отношение к терроризму:

1. терроризм и убийство при отягчающих обстоятельствах. При осуществлении террористической деятельности предпринимаются действия, направленные на подрыв общественной безопасности, запугивание граждан и влияние на процесс принятия решений государственными органами. В качестве средства реализации подобных замыслов выступают различные виды взрывных устройств, поджогов и сопутствующих убийств, обращенных к социуму. В соответствии со статьей 120.2.3. Уголовного кодекса Азербайджанской Республики под убийством подразумевается намерение отомстить определенному лицу либо его родственникам, а также всеми способами препятствовать легальной деятельности данного лица.

2. терроризм и захват заложника. Для того, чтобы определить то или иное действие как террористическое, важно, чтобы кроме указанных целей в статье 214 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики должны дополняться следующими:

- намерение подрыва общественной безопасности;
- осуществление угроз для устрашения населения;
- влияние на процесс принятия решения государственными органами.

3. терроризм и бандитизм. Основное различие заключается в целях совершения данных преступлений. Цель бандитов — это различные собственные интересы: захват чужого имущества, оружия, наркотических средств, устрашение и взимание платы с деловых людей и т.д. Целью терроризма, в свою очередь, является запугивание населения, влияние на представителей государственной власти, иными словами, является в большей степени идеологической целью

4. терроризм и диверсия. Предназначение диверсии заключается в уничтожении или нанесении ущерба материальным объектам, для того чтобы подобным образом ослабить государственную власть, Террористы не ставят своей целью убивать, уничтожать, причинять ущерб, ос-

новное заключается в устрашении населения, оказании влияния на процесс принятия решений представителями государственной власти, т.е. им необходимо создать опасность своими действиями, которая, в свою очередь, может привести не предсказуемым последствиям. Важной особенностью терроризма считается демонстративный, ультимативный характер совершаемых действий.

5. терроризм и посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля и др. Политическое убийство представляет собой так называемый «избирательный террор» и преследует цель достичь завершения государственной либо общественно-политической деятельности отдельного лица посредством лишения его жизни. Как было указано выше, цель терроризма, прежде всего, влияние на процесс принятия решения представителем государственной в вопросах, затрагивающие интересы террористов, посредством устрашения населения той или иной страны. Терроризм представляет собой специфическую, с большой долей опасности для общества угроза, способная порой перерасти в результате в гибель людей, к тому же тех, которые не вовлечены в процесс принятия решений, которые бы соответствовали интересам террористов. Следовательно, при совершении подобного преступления согласно статье 277 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики убийство непосредственно является целью преступления, а при террористической деятельности убийство является одним из способов реализации прочих целей.

Таким образом, объективная сторона террористической деятельности находит свое отражение в следующих типах действий:

1. осуществление взрывов, поджогов или других действий, в результате которых возникает угроза гибели людей, нанесения вреда здоровью, существенного материального ущерба или возникновения других социально опасных для человека последствий;

2. создание угрозы выполнения перечисленных деяний.

С точки зрения субъективного аспекта, для терроризма свойственна исключительно преднамеренная разновидность чувства вины. Так как законодательство ассоциирует поступки террористов с особыми намерениями, следует, что их действия осуществляются с прямым намерением, иными словами, террорист прекрасно понимает социально-опасный характер осуществляемых деяний, предусматривает как возможность, так и неотвратимость последствий и стремится к тому, чтобы они обязательно произошли.

Согласно статье 214.2.4 УК АР для террориста характерна двойная форма чувства вины, а именно намерение относительно поступков и халатность относительно возникновения тяжких последствий. Кроме того, согласно статье 214 УК АР особыми целями террористической деятельности являются, прежде всего, подрыв общественной безопасности, запугивание населения, а также влияние на процесс принятия решения представителями государственной власти.

Литература:

1. Уголовный кодекс Азербайджанской республики от 30 декабря 1999 г. № 787 — IQ. — [Электронный ресурс] Режим доступа: www.migration.gov.az (Дата обращения: 27.12.2021)
2. Аникина, Т.А. «Предотвращение террористических угроз среди населения»/Т.А. Аникина, А.В. Крылова, А.Р. Гиззатуллин, А.А. Зверев, Т.Л. Зефиоров — Казань, 2016. — 101 с.
3. Гикашвили, Г. Терроризм на Южном Кавказе// Постсоветские исследования, 2019. Т. 2. — № 5. — с. 129

Basic principles of the organization and activities of the prosecutor's office in Uzbekistan

Makhmudov Alisher Abdusalimovich, Doctor of Philosophy (PhD) inlaw, Acting Associate professor
Tashkent State University of Law, Uzbekistan

This article discusses the fundamental principles of the organization and activities of the prosecutor's office in the Republic of Uzbekistan and the issues of their improvement based on the recommendations of authoritative international organizations and the experience of developed countries. On the basis of the comprehensive research carried out, the author has developed a conclusion that the current principles do not cover the entire completeness of the regulation of public relations, and also proposes an addition to the Law of the Republic of Uzbekistan «On the Prosecutor's Office» from 2001 with such principles as impartiality, objectivity, confidentiality of personal information, professionalism, protection of public interests.

Keywords: law, prosecutor, principles, legality, unity, centralization, independence, impartiality, objectivity, confidentiality.

It is known that the prosecutor's office is a state body with the authority to ensure the rule of law in all spheres of public relations.

Consequently, it plays a special and important role in regulating public life and ensuring lawful behavior in society.

In turn, the role of the prosecutor's office in the system of separation of powers has been the subject of controversy and controversy among lawyers conducting research in this area.

The general public, academics, practitioners and international experts have not yet reached a consensus on this issue.

Taking this opportunity, we would like to express our firm position on the basis of international documents and recommendations, analysis of reform trends in the world in recent years.

The role of the prosecutor's office in the system of separation of powers differs in Central Asia, the CIS, North and South America and Europe, as already noted, there is no single standard in this regard.

In our opinion, it is necessary to understand the essence of the principle of maintaining a balance of interests and restraint when including the prosecutor's office in a particular system of government, as well as take into account the structure of the state.

Prosecutorial supervision is becoming one of the most important and decisive tools in the full implementation of this principle.

The activities of the prosecutor's office of foreign countries can be divided into several groups depending on their position in the system of separation of powers.

The first group includes states in which the prosecutor's office is an independent body that does not belong to any system of government.

The second group includes countries in which the prosecutor's office is part of the Ministry of Justice.

The third group is made up of states in which the prosecutor's office is part of the judicial system.

Since the legal systems of the CIS member states are similar, it can be noted that in most of them the prosecutor's office is not defined as a single authority.

In particular, the constitutions of these countries do not include the prosecutor's office in the executive, legislative or judicial branches.

At the same time, scientists note that the prosecutor's office has the right to participate in one way or another in all branches of government.

For example, the legislation of the CIS countries such as Russia, Moldova, Azerbaijan, Armenia and Kazakhstan provides that the prosecutor's office is separate, independent and not subordinate to any authorities.

The independence of the prosecutor's office lies in the independent nature of decision-making and actions by prosecutors, and their subordination only to the law, which is expressed in the completeness, objectivity and comprehensiveness of the inspection materials and investigation [1]. Political independence is a form of the principle of independence, according to which prosecutors cannot be members of public associations pursuing political goals.

Publicity is expressed in the openness of the activities of bodies prosecutors, openness to citizens and the media.

Through this principle, society can control the activities of the prosecution authorities. Law 2001 with regard to the principle of transparency in 2017 was supplemented by a provision according to which the prosecution bodies carry out their activities publicly by regularly informing the public about their activities overseeing the implementation of laws and combating crime, ensuring access of individuals and legal entities to information about their activities in the manner prescribed by law [2].

Back in 1990, the UN adopted the Guidelines on the Role of Prosecutors [3], according to which, in the exercise of their duties, prosecutors must:

- perform their functions impartially and avoid any political, social, religious, racial, cultural, gender or any other discrimination;
- protect the public interest, act objectively, take due account of the situation of the suspect and the victim and pay attention to all relevant to the case the circumstances, regardless of whether they are beneficial or unfavorable for the suspect;
- maintain the confidentiality of things at their disposal, unless otherwise required for the performance of official duties or the needs of justice;
- take into account the views and concerns of victims when affected their personal interests, and to ensure that victims are informed of their rights in accordance with the Declaration basic principles of justice for victims of crime and abuse of power.

This late twentieth century guideline provides a number of new principles of the activities of the prosecutor's office as a state body in the context of democratic development and strive to make the prosecution bodies more humane, by abandoning the standards of the punitive body [4]. Thus, the UN 30 years ago sought to carry out the transformation of the prosecutor's office towards the humanization of the system.

In Uzbekistan, the prosecutor's office is also not part of any branch of government and operates independently of the legislative, judicial and executive branches.

In particular, Article 120 of the Constitution states that the Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan exercises its powers independently of any state bodies, public associations and officials and is subject only to the law.

The article also states that prosecutors can suspend membership in political parties and other public associations with political goals during their term of office, and that the organization, powers and procedures of the prosecutor's office are established by law.

This rule guarantees the independence of the body by separating the prosecutor's office from the legislative, executive and judicial branches, institutional, personnel and functional.

In the second group of countries, the prosecutor's office is part of the Ministry of Justice. These include Canada, Japan, South Korea, Estonia, Poland, and Belgium.

In short, in this category of countries, the prosecutor's office is influenced by the executive branch.

In our opinion, this situation does not allow to fully establish effective prosecutorial control over the activities of law enforcement agencies.

Countries where the prosecutor's office is part of the judicial system include Latvia, Spain and Bulgaria.

In this regard, I would like to draw your attention to the recommendations of the Organization for Economic Cooperation and Development.

The guidelines state that if prosecutors work within the judiciary, the law should clearly define the limits of the role of prosecutors and courts, and, if possible, how these functions are performed.

The question itself arises whether this recommendation itself casts doubt on the system and whether it puts the lawyer in a difficult position.

It should be noted that abuses and violations between the authorities increase the relevance of determining the independence of the prosecutor's office, which is part of the executive branch.

Experts say that one of the main reasons why the problems that arise in the law enforcement practice of some countries today remain unresolved is the lack of a separate control system, independent of the branches of government.

In this regard, in recent years, the issue of ensuring the independence of the prosecutor's office in the world, especially their removal from power as an independent body, has become relevant, and concrete reforms and practical measures are being taken in this direction.

Some states have also reformed the status of the prosecutor's office, which was originally part of the executive branch.

In Ireland, for example, the Criminal Prosecutions Act 1974 established the Director of the Attorney's Office and a separate office as an independent executive body.

The attorney general has the right to consult with the director on matters within his/her authority, but not to give instructions or directives [5].

Following the establishment of the Crown Attorney General's Office in England and Wales in 1986, the Protocol on the Relationship between the Attorney General and Directors General further clarified the independence of the Attorney General's Office [6].

Similar trends are observed in Argentina, Brazil, Canada and Northern Ireland.

It is well known that in 2018 Georgia underwent extensive constitutional reforms and gained widespread public recognition. As part of these reforms, the Prosecutor's Office was removed from the Ministry of Justice and transformed into an independent body that respects only the Constitution and the law.

The European Union has created an independent European Prosecutor's Office, which began its work on June 1, 2021.

The first international prosecutor's office was empowered to investigate, prosecute and prosecute crimes affecting the financial interests of the European Union.

The creation of an independent prosecutor's office is explained by the need for tools to bring the fight against trans-

national crime on the territory of the Union to a qualitatively new, effective level.

The International Association of Prosecutors' standards clearly state that the activities of the prosecutor must be independent and free from political interference.

The independence of decision-making by the prosecutor's office helps the executive branch to feel the principle of the rule of law and the inevitability of punishment.

This task must be carried out absolutely freely and unimpeded.

Failure to do so may be unlawfully influenced by other links.

Thus, the independence of the prosecutor's office is a guarantee of impartiality. This, in turn, requires prosecutors to operate on the basis of strict ethical standards and the rule of law.

International standards state that the independence of the prosecutor's office must always be upheld, regardless of any pressure from the media, individuals or groups in society [7].

The lack of independent prosecutorial oversight and mechanisms of action can lead to an increase in violations by the executive branch.

We believe that the subordination of the prosecutor's office to the executive branch violates the system of control and balance.

The International Association of Prosecutors' standards state that prosecutors should be guaranteed the right to make decisions and initiate proceedings voluntarily, in accordance with the law, without any political or other influence from the executive branch.

It is the independence of the prosecutor's office that is the most important condition for strengthening national statehood and ensuring full protection of the rights and freedoms of citizens.

In turn, effective public and parliamentary oversight of independent prosecutors is needed.

It is also important that the activities of the prosecutor are carried out on the basis of transparency and public accountability, in accordance with international standards and national legislation.

The prosecutor's office may receive instructions from other branches of government, such instructions must be transparent and comply with the requirements of the law.

In connection with the above, we consider it appropriate to emphasize the following:

- it is necessary to ensure the constitutional independence of the prosecutor's office from other branches of government;

- Prosecutors are not allowed to simultaneously work in other branches of government;

- It is important that prosecutors make independent and law-based decisions, act on the basis of existing laws, without the influence of political authorities and various party interests;

- the prosecutor's office must report in its activities only to the public and the public;

- Control over the activities of the prosecutor's office should be carried out only in the form of departmental, parliamentary and public control.

In recent years, large-scale measures have been taken in our country to improve the efficiency of the prosecutor's office. In particular, in 2016-2021, more than 20 regulatory legal acts on the activities of the prosecutor's office were adopted.

These reforms marked a unique and important turning point in the history of the prosecutor's office, ensuring the transparency and openness of the system.

In the Senate of the Oliy Majlis, a special commission has been created to establish effective supervision over the activities of the prosecutor's office.

In addition, a procedure has been introduced for the submission of annual reports by local prosecutors to the Soviets of People's Deputies.

We all know that 20 years have passed since the adoption of the Law of the Republic of Uzbekistan «On the Prosecutor's Office» in the new edition.

Today, more than 100 regulations define the rules, tasks and powers that govern the activities of the prosecutor's office. In addition, a number of recommendations of international organizations have been developed to ensure the independence of the prosecutor's office, the definition of its powers, the transfer of service, and the social protection of employees.

The norms of the Law «On the Prosecutor's Office» by their nature lag far behind the changes in the life of the state and society, legal reforms, international standards and do not correspond to the relevant legislation.

In addition, the disparate definition of the rules for the operation of a unified system in different legislative acts can have negative consequences. Therefore, we believe that it is necessary to adopt a new law «On the Prosecutor's Office». In this regard, it is necessary to clearly define in the law the status of prosecutors, issues of ensuring their independence, impartial criteria for selection and promotion. In addition, in order to fully realize the noble idea of «Human dignity» in accordance with international standards, the law must critically review the activities of the prosecutor's office, in particular, strengthen control over the implementation of laws, effective protection of human dignity, rights and freedoms; it is advisable to establish norms aimed at improving the participation in the courts and the quality of investigations.

In turn, it is important to ensure full openness and transparency of the activities of the prosecutor's office and establish effective public control.

In conclusion, it should be noted that the true independence of the prosecutor's office serves to ensure a clear and uniform implementation of laws in any society, increase the efficiency of the executive branch and, ultimately, the full realization of human rights.

References:

1. A team of authors. Prosecutor supervision/Textbook. — T.: TSUL, 2019. P. 188.

2. Ton L. G. Prosecutor's supervision: a textbook/ — T.: Publishing house TSIL, 2011. — 254 p.
3. Guidelines on the Role of Prosecutors, adopted by the Eighth United Nations Congress on Prevention Crime and Treatment of Offenders, Havana, Cuba, August 27 — September 7, 1990. https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/8th_Congress_1990/028_ACONF.144.28.Rev.1_Report_Eighth_United_Nations_Congress_on_the_Prevention_of_Crime_and_the_Treatment_of_Offenders_R.pdf.
4. Hessick, F. Andrew and Saujani, Reshma, Plea Bargaining and Convicting the Innocent: The Role of the Prosecutor, the Defense Counsel, and the Judge (2002). Brigham Young University Journal of Public Law, Vol. 16, p. 189, 2002, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=1443997>.
5. Ireland, Office of the Attorney General, Prosecution of Offences Act, 1974, sect. 2 (5) and (6).
6. United Kingdom, Attorney General's Office, Crown Prosecution Service, Serious Fraud Office and the Revenue and Customs Prosecutions Office, Protocol between the Attorney General and the Prosecuting Departments (London, July 2009).
7. International Association of Prosecutors, Standards of Professional Responsibility and Statement of the Essential Duties and Rights of Prosecutors, item 3.

Проблемные аспекты уголовно-процессуальных правоотношений в современной России

Мурашкин Нур Юрьевич, студент
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: Уголовный процесс, уголовно-процессуальные правоотношения.

Уголовно-процессуальные отношения имеют огромное значение для обеспечения уголовной ответственности за совершение преступления. Вместе с тем, уголовно-процессуальные отношения имеют ряд проблемных аспектов, влияющие на эффективность раскрытия, расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Как указывают Н. А. Столбова и В. Р. Столбов, «одним из наиболее сложных, на наш взгляд, является следственное мероприятие — следственный эксперимент. Сложность производства следственного эксперимента заключается в необходимости тщательной предварительной подготовки, а также в производстве и фиксации результатов. Неточность законодательных формулировок влечет за собой определенные трудности при производстве следственного эксперимента. Согласно ст. 181 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц. Данная формулировка нормы права является до-

вольно широкой и не имеет четких правил и регламентируемых правил производства данного следственного действия. Это положительно влияет на практическое применение данного следственного мероприятия, поскольку каждое отдельно взятое уголовное дело является индивидуальным и обстоятельства совершения преступления непредсказуемы и порой неординарны. Данным следственным мероприятием производится воспроизведение необходимой ситуации, произошедшей по уголовному делу, после чего дается ей оценка и фиксируется следователем и участниками данного следственного действия. Результат данного следственного действия в последующем подлежит оценке судебной системой, выражающейся в приговоре суда» [1].

Л. А. Пупышева приходит к выводу, что «в последующие годы «исторический выбор» был сделан в пользу дифференциации уголовного процесса, чему во многом способствовали объективно существующие факторы. В литературе в этой связи отмечается, что «многообразие фактических обстоятельств конкретных преступлений, особенности расследования и рассмотрения отдельных категорий уголовных дел неизбежно требует определенной дифференциации уголовно-процессуальной формы, различий в порядке осуществления уголовного судопроизводства. Такая необходимость существует объективно и обусловлена как спецификой преступлений, так и личностью подозреваемых, обвиняемых, а также потерпевших и иных участников уголов-

ного процесса». Научная проблематика, отражающая исследование системно-структурных аспектов уголовного процесса, его дифференциации, значительно актуализировалась в связи с принятием и введением в действие УПК РФ. Последний, по большому счету, был сконструирован как комплекс различных уголовно-процессуальных производств, взаимодействующих с основным, общим порядком производства по уголовному делу. Парадигма «естественной дифференциации уголовного процесса», еще несколько десятилетий назад воспринимавшаяся правоведами весьма настороженно или как вовсе неприемлемая, несущая риски лишения участников судопроизводства ряда гарантий, обеспечивающих их права и законные интересы, прочно закрепилась в уголовно-процессуальном законодательстве» [2].

А. Б. Шаповал отмечает, что «наибольшей проблемой в области защиты подозреваемого, обвиняемого является чрезвычайная сложность противодействия незаконному уголовному преследованию, необоснованным мерам пресечения, давлению на подозреваемого, обвиняемого для получения признательных показаний, а также низкая активность стороны защиты по отстаиванию прав доверителей. По мнению автора, такой подход органов государственной власти, осуществляющих правоохранительную функцию, является неприемлемым и подлежит комплексной переработке путем изменения критериев оценки эффективности работы лиц, производящих дознание, следствие, таким образом, чтобы во главу ставилось качество, а не количество. Вероятно, такие изменения позволят устранить мотивацию сотрудников дознания, следствия заполучить признательные показания любыми доступными способами. Видится необходимой проработка вопроса про соотношение надзорных функций прокурора и полномочий органов предварительного следствия. Затрудненность контроля над следствием в процессе расследования уголовного дела приводит к фактической безнаказанности следователей за их процессуальные нарушения со стороны прокуратуры» [3].

Как указывает С. Б. Россинский приходит к выводу, что «среди всего многообразия проблем теории, правового регулирования практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел особое место традиционно занимали и продолжают занимать вопросы, связанные с сущностью, предназначением уголовно-процессуальной формы и ее соотношением с иными базовыми категориями уголовного судопроизводства. И здесь нет ничего

удивительного, поскольку она имеет универсальный характер, определяет содержание процессуальной деятельности, обуславливает как общие, так и более точные правила поведения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, иных участвующих в уголовном деле лиц, выражаясь в возникновении, течении, изменении или прекращении соответствующих правоотношений либо юридических состояний. Иными словами, процессуальная форма является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. А сама потребность в ее существовании обуславливается в первую очередь необходимостью разумного сдерживания и ограничения изобретенных за долгие годы развития человеческого общества средств и методов выяснения неизвестных обстоятельств, то есть направления познавательной деятельности в «правильное» русло, отвечающее политическому климату и социальным ценностям определенного государства в определенный исторический период. Поэтому выработанные в доктрине и отраженные в законодательстве подходы к уголовно-процессуальной форме, сопутствующие ей проблемы, тенденции и перспективы ее развития самым тесным образом переплетены с назначением и принципами уголовного судопроизводства, общими условиями проведения отдельных стадий процесса, полномочиями субъектов уголовной юрисдикции, правами и обязанностями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, иных заинтересованных лиц и т. д.» [4].

Л. Н. Масленникова и А. А. Собенин, исследуя актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства, приходят к выводу о том, что «проблемы реформирования предварительного расследования в науке уголовно-процессуального права являются актуальными и широко обсуждаемыми. Основные идеи научных исследований сводятся к излишней формализации предварительного расследования, критике современной модели, которая представляет собой искусственно созданный баланс ведомственных интересов правоохранительных органов и путей реформирования этой модели с учетом определения функционального назначения субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями» [5].

Таким образом, обзорный анализ проблемных аспектов уголовно-процессуальных правоотношений в современной России позволяет сделать вывод о необходимости их реформирования с целью актуализации современным реалиям общественных отношений.

Литература:

1. Столбова, Н. А., Столбов В. Р. Проблемы производства следственного эксперимента в российском уголовном процессе // Российский следователь. — 2021. — № 6. — с. 14-16.
2. Пупышева, Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // Мировой судья. — 2021. — № 6. — с. 17-24.
3. Шаповал, А. Б. О некоторых проблемах на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. — 2021. — № 2. — с. 42-48.

4. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 9. — с. 67-79.
5. Масленникова, Л. Н., Собенин А. А. Актуальные проблемы обеспечения доступа к правосудию органами расследования на начальном этапе уголовного судопроизводства // Российский следователь. — 2020. — № 8. — с. 23-27.

Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности как способ охраны объектов интеллектуальной собственности

Нургалеев Марат Сабирович, соискатель

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) выполняет важную функцию по защите и охране исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Развитие данного инструмента предотвращает развитие контрафактной продукции на внутреннем рынке РФ, а также на рынках государств — членов ЕАЭС.

Ключевые слова: правовое регулирование, объекты интеллектуальной собственности, товарный знак, порядок оборота.

Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) создан, чтобы предотвращать появление контрафакта на рынке в рамках внешнеэкономической деятельности. Попадание в реестр полезно активно развивающемуся бизнесу и импортерам продукции для дополнительной защиты от копирования. Если ваш товарный знак будет в реестре, таможня сможет не пропустить контрафактный товар на территорию РФ, арестовать его, провести необходимое расследование и даже обратиться в суд. [1]

Ввод в таможенный реестр (ТР) осуществляется на безвозмездной основе. ТРОИС предусмотрен для ввода объектов авторского права и смежных прав, ТЗ (знаки обслуживания) и наименования мест происхождения товара, если:

- за ними установлен контроль и надзор федеральных органов исполнительной в сфере ТД;
- имеется решение об их внесении в ТР;
- имеется предварительное решение о внесении ОИС в ТР с учетом соблюдения условий, отраженных в ч. 13 и 14 ст. 328 Федерального закона от 03.08.2018 N 289-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Федеральный орган исполнительной власти, реализующий функционал по контролю и надзору в сфере ТД, устанавливает:

- 1) порядок ведения ТРОИС;
 - 2) форму и порядок его заполнения;
 - 3) формат и структуру электронного вида ряда документов, в числе которых:
- заявление о включении ОИС в ТР;

- обращение о смене данных, отраженных в заявлении о включении ОИС в ТР или прилагаемой к нему документации;

- заявление о пролонгировании периода включения ОИС в ТР;

- заявление об исключении ОИС из ТР;

- уведомление о вынесенном решении относительно включения/отказа во включении ОИС в ТР;

- уведомление о вынесенном решении относительно внесения изменений/отказе во внесении изменений в ТР;

- уведомление о вынесенном решении относительно пролонгирования периода включения ОИС в ТР;

- уведомление о вынесенном решении относительно исключения ОИС из ТР.

Федеральный орган исполнительной власти, реализующий контроль и надзор в сфере ТД, осуществляет размещение сведений ТР на официальном сайте в сети «Интернет» в утвержденном порядке. [3]

Существуют определенные риски ведения бизнеса без внесения знака в ТРОИС:

Финансовые потери.

Если на рынок попадает продукция, которую поставил параллельный, «серый» импортер, правообладатель несет убытки — не только из-за того, что появился товар-аналог, но и от недополученных платежей с лицензии, а также от искусственного занижения цен (демпинга) со стороны неавторизованного импортера.

Репутационные потери.

Контрафактная продукция на рынке негативно отражается на бренде: зачастую это дешевые аналоги, у таких товаров низкое качество. Как следствие, правообладатель теряет клиентов, получает негативную обратную связь от потребителей. А нарушители паразитируют

на известности бренда, извлекают выгоду. Часто они действуют по такой схеме: сперва партия оригинальной продукции разбавляется дешевыми аналогами, позднее оригинальная продукция полностью заменяется подделкой. [1]

Защита лиц, обладающих правом интеллектуальной собственности на различные объекты, осуществляется в соответствии с требованиями ФЗ «О таможенном регулировании» [4]. Реестр возник, во многом, благодаря неразберихе, существовавшей с товарами, произведёнными в других странах. ТРОИС призван защитить российский рынок от импорта контрафактной продукции, не подтверждённой товарными знаками.

Если перемещаемый товар признаётся контрафактным, налицо попытка использования чужого товарного знака в корыстных целях. Статьей 14.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрено два вида ответственности за неправомерные деяния в отношении объектов, которые принято называть средствами индивидуализации:

- за незаконное использование.
- за несанкционированное производство для продажи.

Виновными в неправомерных деяниях по отношению к интеллектуальной собственности могут быть признаны как физические, так и юридические лица. [5]

Также рассмотрим национальные реестры объектов интеллектуальной собственности, а именно создание Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС).

ЕТРОИС может объединить в себе национальные реестры, однако не может их полностью заместить.

Основным условием, отличающим ЕТРОИС от национальных ТРОИС является условие правовой охраны объекта интеллектуальной собственности в каждом государстве-члене ЕАЭС.

Так, Евразийская экономическая комиссия, ведущая ЕТРОИС, откажет во включении объекта в ЕТРОИС если хотя бы в одном государстве-члене ЕАЭС центральным таможенным органом будет принято отрицательное решение во включении этого объекта в Единый таможенный реестр.

Единый таможенный реестр — эффективный и самостоятельный инструмент защиты прав на объекты интеллектуальной собственности

В настоящее время в национальные ТРОИС государств-членов ЕАЭС включено более 6854 объектов интеллектуальной собственности. [6]

Ведение Единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности (ЕТРОИС) стран-участниц ЕАЭС осуществляет Комиссия. По заявлению правообладателя или лица, который представляет его интересы или интересы нескольких правообладателей, в него включаются ОИС, которые охраняются каждой страной-участницей ЕАЭС. При наличии нескольких правообладателей

аналогичных ОИС один из них по соглашению может представлять общие интересы.

Среди ОИС могут быть допущены к включению в ЕТРОИС стран-участниц:

- объекты авторского права;
- объекты смежных прав;
- ТЗ обслуживания;
- наименования мест происхождения товаров. Если на территориях стран-участниц права на аналогичные ОИС имеют разные правообладатели, представляются обязательства о возмещении имущественного вреда от каждого из них. Комиссия устанавливает регламент [7] ведения ЕТРОИС государств-членов, куда входят:
 - требования к оформлению и рассмотрению заявления;
 - требования к составу представляемых данных и документации;
 - срок и порядок рассмотрения заявления;
 - порядок включения в ЕТРОИС;
 - порядок исключения из ЕТРОИС ОИС;
 - порядок внесения в ЕТРОИС изменений (дополнений);
 - порядок продления установленного периода защиты прав правообладателей на ОИС;
 - порядок взаимодействия ТО и Комиссии при включении ОИС в ЕТРОИС стран-участниц;
 - порядок ведения ЕТРОИС (далее — регламент).

Чтобы гарантировать исполнение обязательства в соответствии с п. 9 ст. 385 Таможенный кодекс ЕАЭС [8], правообладатель должен в течение 1 месяца со момента направления ему уведомления о возможности включения ОИС в ЕТРОИС стран-участниц предоставить в Комиссию договор (договоры) страхования ответственности за причинение имущественного вреда лицам, связанного с приостановлением выпуска товаров или другой договор (договоры), которые отражают обеспечение исполнения данного обязательства, актуального для всех стран-участниц. Страховая сумма или сумма обеспечения исполнения обязательства должна быть эквивалентна не менее чем 10 тыс. евро в соответствии с актуальным курсом валют на момент заключения договора (договоров) страхования ответственности или прочего договора (договоров), а также осуществления изменений в них. [3]

Многие правообладатели в настоящее время направляют в Комиссию заявления на включении объекта интеллектуальной собственности в ЕТРОИС. Однако необходимо отметить, что в настоящее время ЕТРОИС не функционирует. Причиной этому обстоятельству является отсутствие технической готовности Комиссии и государств-членов Союза к взаимодействию, порядок которого установлен Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии [9].

По условиям реализации технической возможности, Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности будет работать в полном объёме.

Литература:

1. Резникова Ирина, Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) ФТС, [Электронный ресурс]: <https://legal-support.ru/information/blog/trademarks/tamozhennyi-reestr-obektov-intellektualnoi-sobstvennosti-trois-fts/>
2. Федеральный закон от 03.08.2018 N 289-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс 6
3. Нургалеев, М. С. Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности как инструмент охраны интеллектуальной собственности. Сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции Scientific achievements of the third millennium. (г. Сан — Франциско, 15.09.2021 г.) Изд. НИЦ «LJournal», 2021. с. 67-70.
4. Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 N 289-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс 6
5. ТРОИС: что это и для чего он нужен в интеллектуальном праве? [Электронный ресурс]: <https://zakonadvice.ru/intellektualnoe-pravo/chto-takoe-trois/>
6. Тимошина, С. Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности. Для чего создан? Какие преимущества для бизнеса? [Электронный ресурс]: <https://pravorf.ru/blog/edinyu-tamozhennyu-reestr-ob-ektov-intellektualnoy-sobstvennosti-dlya-chego-sozdan-kakie-preimuschestva-dlya-biznesa>
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.03.2018 N 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза» (вместе с «Регламентом ведения единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза») // СПС КонсультантПлюс 5
8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС КонсультантПлюс 4
9. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 марта 2018 г. N 35 «О ведении единого таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза».

Эмансипация несовершеннолетних граждан в Российской Федерации

Патахова Альбина Хайбулаевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Ключевые слова: дееспособность, эмансипация, ответственность несовершеннолетних, законодательство, предпринимательская деятельность.

Актуальность темы исследования. Тема эмансипации граждан актуальна тем, что гражданское законодательство призвано регулировать имущественные отношения, складывающиеся между правоспособными и дееспособными субъектами гражданского оборота. Одним из таких субъектов, появившихся в последнее время, является эмансипированный несовершеннолетний.

Цель исследования. Целью настоящего исследования всесторонний анализ понятия, правовой сущности и важнейших проблем эмансипации несовершеннолетних в гражданском праве.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

— дать понятие эмансипации (дееспособности);

— рассмотреть основания и условия эмансипации несовершеннолетних;

— выявить проблемы в признании несовершеннолетнего эмансипированным;

— сделать заключительные выводы по итогам исследования и внести предложения.

Объект исследования. Объектом исследования являются правовые нормы, регулирующие процедуру эмансипации несовершеннолетнего гражданина.

Предмет исследования. Понятие и процедуры эмансипации несовершеннолетнего.

Социально-экономические и политические изменения в нашей стране за последние годы в корне изменили роль человека в обществе. Человек, его права и свободы признаны высшей ценностью [1, ст. 2].

Именно с человеком, его предприимчивостью и инициативой связано экономическое благополучие как его самого, так и всей страны. Провозглашенные Конституцией Российской Федерации частная собственность и свобода предпринимательства создают реальную основу для творческой активности человека.

В соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2] способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и выполнять их возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Определяя правовой статус гражданина как субъекта гражданских правоотношений, действующий Гражданский кодекс Российской Федерации содержит ряд новых положений, ранее неизвестных не только советскому, но и российскому дореволюционному законодательству. Это, в частности, касается установленной возможности приобретения полной гражданской дееспособности гражданами, не достигшими совершеннолетия. По общему правилу гражданская правоспособность, как и прежде, возникает по достижении гражданином восемнадцатилетнего возраста. Однако при определенных условиях несовершеннолетний может стать полностью дееспособным по достижении шестнадцатилетнего возраста. Подросток приобретает полную дееспособность не автоматически, а только по решению органа опеки и попечительства либо по решению суда, признающего его эмансипированным.

Возможность признания подростка эмансипированным обусловлена, на мой взгляд, рядом причин. Например, учитывается более быстрое физиологическое созревание подростков, их стремление казаться старше, обрести определенную независимость от родителей. Однако стремление подростков к экономической независимости также вызвано изменившимися социальными условиями. Экономический кризис, особенно на сегодняшний день, когда во всем мире распространяется новая коронавирусная инфекция, затронул все стороны жизни страны и общества. Вынужденная безработица миллионов взрослых побуждает их детей искать источник дохода. Платное внешкольное образование, недоступность бесплатного высшего образования для многих, также способствует более раннему социальному созреванию подростков, которые стремятся обрести экономическую свободу своим собственным трудом. Этому способствует возможность получения полной гражданской дееспособности.

С юридической точки зрения эмансипированный подросток приравнивается к взрослому гражданину, что также приводит к росту его значимости как человека, как личности. Такой подросток признается достигшим социальной зрелости взрослого гражданина. Таким образом, учитываются индивидуальные особенности развития подростка, устраняются препятствия к равноправному

участию подростка в гражданских отношениях наравне с взрослыми.

Правовой статус эмансипированных подростков, как и взрослых, также проявляется в равной ответственности за свои действия, что требует очень осторожного подхода к признанию подростков эмансипированными, поскольку не все из них готовы нести соответствующие тяготы вместе на их еще не окрепших плечах. В обременениях, которые возникают у несовершеннолетних, признанных эмансипированными, есть препятствие, преодолеть которое могут только подростки, прошедшие соответствующую подготовку. Это обстоятельство должно побудить лиц, принимающих решения по эмансипации подростка, с осторожностью подходить к выяснению всех обстоятельств. Необходимо учитывать тот факт, что подростковый возраст обладает такими функциональными характеристиками, как повышенная возбудимость, неуравновешенность, раздражительность, быстрая утомляемость. Отсутствие жизненного опыта, умение заниматься бизнесом, увлеченность, высокая степень подражания — все это факторы риска не только для подростка, но и для окружающих.

Необходимость введения института эмансипации в виде исключения из обретения полной гражданской правоспособности на общих основаниях [2, ст. 21] была продиктована экономическими реформами, проведенными в России в последние годы, которые изменили как экономику страны, так и менталитет ее граждан.

Суть института эмансипации состоит в том, чтобы сделать несовершеннолетних независимыми от своих законных представителей, когда они самостоятельно занимаются легальной предпринимательской деятельностью, заключают крупные сделки или иным образом распоряжаются собственным денежным доходом.

Необходимость в этом действительно существует, поскольку согласно ст. 26 ГК РФ несовершеннолетний гражданин в возрасте от 14 до 18 лет может совершать основную часть крупных сделок только с письменного согласия своих родителей, усыновителей или опекуна. В случае если человек получает эмансипацию, он начинает самостоятельно отвечать по всем своим обязательствам [2].

Пункт 1 ст. 27 ГК РФ предусматривает следующие условия, при которых возможна эмансипация:

- достижение несовершеннолетним возраста шестнадцати лет;
- работа несовершеннолетнего по трудовому договору (контракту) или осуществление им с согласия родителей, усыновителей или попечителей предпринимательской деятельности [2].

Таким образом, несовершеннолетние, достигшие шестнадцатилетнего возраста, вправе самостоятельно решать вопрос о трудоустройстве. Как известно, в соответствии с ст. 20 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) трудовая дееспособность в России наступает с 16 лет, т. е. несовершеннолетние, достигшие дан-

ного возраста, вправе заключать трудовые договоры самостоятельно [4]. Это уравнивает значения обоих видов деятельности относительно к условиям, необходимым для решения вопроса эмансипации.

При этом вступление в трудовые отношения несовершеннолетнего, достигшего шестнадцатилетнего возраста, если это нарушает процесс обучения, вряд ли отвечает его интересам, так как это снижает возможность поступления в образовательную организацию и получения специальности.

Поэтому является целесообразным установление общего режима, предусматривающего получение согласия законного представителя на заключение трудового договора для несовершеннолетних старше 16 лет, тем более что в силу ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) законные представители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей [3].

В современных условиях растет предпринимательская, общественная и гражданская активность молодежи. Все больше молодых людей, особенно в крупных городах, с малых лет стремятся к самостоятельной работе и бизнесу.

В отличие от трудовой деятельности несовершеннолетний может заниматься предпринимательской деятельностью только с согласия своих родителей, усыновителей или опекунов. Это связано с тем, что занятие предпринимательской деятельностью неизбежно влечет за собой заключение сделок, которые несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут заключать только с письменного согласия своих законных представителей [5].

Объем дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет шире:

— согласно ст. 26 ГК РФ, помимо сделок, допускаемых детьми в возрасте от 6 до 14 лет, они могут самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и опекуна распоряжаться своим заработком, стипендиями и иным доходом [2];

— осуществлять права автора научного, литературного или художественного произведения, изобретения или иного охраняемого законом результата его интеллектуальной деятельности;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021).
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021).
5. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

— в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими.

Остальные сделки они вправе совершать только с письменного согласия своих законных представителей.

Молодым людям, готовым разумно оценивать последствия своих действий и нести за них ответственность, имеющим достаточный уровень социальной зрелости, материальной и финансовой обеспеченности, действующим законодательством дано право приобретать гражданскую дееспособность в полном объеме до тех пор, пока они не выйдут из возраста, чтобы самостоятельно приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя свои гражданские обязанности и исполнять их.

Эмансипация несовершеннолетнего также влечет за собой ряд негативных последствий в отношении получения им дополнительных обязательств. Так, если ребенок имеет право на получение содержания от родителей [3, ст. 60], а родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей [3, ст. 80], то эмансипированный гражданин теряет право на получение содержания от родителей и приобретает в соответствии со ст. 87 СК РФ [3], обязанность содержать и заботиться о нуждающихся в помощи родителях.

Еще одним проблемным моментом является необходимость получения согласия законных представителей на признание дееспособности несовершеннолетнего. На мой взгляд, несовершеннолетний может быть эмансипирован даже без учета мнения родителей, усыновителей или опекунов, если есть основания, предусмотренные ст. 59 СК РФ [3], то есть при невозможности установления их местонахождения, а также уклонение без уважительных причин от воспитания и содержания ребенка.

Таким образом, институт эмансипации, который сегодня является институтом, освобождающим несовершеннолетнего от необходимости каждый раз получать согласие законных представителей на заключение сделок, требует качественного анализа законодателями и ряда положительных изменений для его эффективного применения в гражданском правоприменении.

Об изменении перечня лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам

Поминова Ирина Сергеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье анализируются коррупционные преступления, совершенные депутатами, членами выборного органа местного самоуправления и выборными главами муниципальных образований органов местного самоуправления, как лицами с особым правовым статусом, проблемы при производстве уголовных дел в особом порядке в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом.

Предлагается упростить процедуру задержания лиц с особым статусом, и вывести из числа таких лиц депутатов местного самоуправления, членов выборного органа местного самоуправления и выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления путем внесения изменений в п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ.

Ключевые слова: преступление коррупционной направленности, особый порядок производства по уголовным делам, депутат, неприкосновенность.

Мы знаем, что преступление коррупционной направленности — это общественно опасное, виновное, запрещенное УК РФ под угрозой наказания деяние, состоящее в использовании должностным лицом своего особого правового статуса вопреки интересам службы для получения прямо или косвенно для себя лично или для других лиц материальной выгоды [6].

А к числу лиц, обладающим особым правовым статусом, в отношении которых (в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ) применяется особый порядок производства по уголовным делам, относятся депутаты выборного местного самоуправления, члены выборного органа местного самоуправления и выборные должностные лица органа местного самоуправления [2].

Противодействие коррупции — является важной деятельностью федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий [1].

Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин рассказал в совместном интервью «Российской газете» и «Интерфаксу» о расследовании коррупционных дел. Он сообщил, что за 9 месяцев 2021 года в следственные органы Следственного комитета поступило 23 тыс. 634 сообщения о коррупционных преступлениях. По результатам их рассмотрения возбуждено 17 тыс. 563 уголовных дела, что на 15% больше, чем за такой же период прошлого года. В суды направлено 7405 дел (+10%) в отношении 8175 лиц. Среди направленных в суд каждое четвертое дело — о даче взятки (1949, или 27%), 16% — о получении взятки (1192). В «лидерах» также дела о мошенничестве (1083, или 15%), а также присвоение или растрата (492, или 7%). Нередко хищения происходят при строительстве, особенно когда на это выделяются бюджетные средства. «Сейчас, например, следствие готовит материалы для обращения в компетентные органы Израиля о выдаче учредителя ООО «Группа компаний «Охрана»

Алексея Кобыщи. Он обвиняется в хищении бюджетных средств на сумму более 178 млн рублей путем завышения стоимости оборудования системы видеонаблюдения компании Dallmeier, поставляемой для установки на стадионе «Зенит арена» в Санкт-Петербурге. Несколько его соучастников уже предстали перед судом. Следует подчеркнуть, что усилия следственного комитета сосредоточены и на выявлении и привлечении к уголовной ответственности чиновников, чья противоправная деятельность наносит не только материальный ущерб, но и серьезный урон авторитету госслужбы. В их числе, например, расследованное уголовное дело в отношении заместителя председателя правления Пенсионного фонда России Алексея Иванова (осужден на 4 года) и иных должностных лиц, которые получили взятки на сумму свыше 210 млн рублей за незаконное предоставление информации о предстоящих госзакупках, общее покровительство и попустительство по службе при заключении и реализации госконтрактов. За 9 месяцев 2021 года направлены в суд уголовные дела в отношении 331 лица с особым правовым статусом, за тот же период прошлого года — 338. В числе привлеченных к уголовной ответственности 83 депутата органов местного самоуправления, 86 выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 42 члена избирательных комиссий В частности, недавно направлено в суд уголовное дело бывшего депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 6-го созыва Романа Коваля и его соучастника, обвиняемых в получении денежных взяток на сумму более 10 млн рублей и автомобиля «Ауди» стоимостью 6,2 млн рублей. Впоследствии для обеспечения исполнения приговора суда на это и другое имущество обвиняемых наложен арест». [3].

Так, согласно п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении депутата выборного органа местного самоуправления принимается руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [5].

В соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ по уголовному делу в отношении депутата выборного органа местного самоуправления предварительное расследование в форме дознания производится следователями Следственного комитета Российской Федерации [5].

Лица особого правового статуса могут быть задержаны в общем порядке на 48 часов, кроме члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, судьи федерального суда, мирового судьи, прокурора, Председателя Счетной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудитора Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и др. Согласно ст. 449 УПК РФ, данные лица, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности.

Избрание в отношении лиц особого правового статуса в качестве меры пресечения заключения под стражу осуществляется в судебном порядке.

Следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые в соответствии с УПК РФ не иначе как на основании судебного решения, в отношении лица с особым правовым статусом, если уголовное дело в отношении его не было возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия суда.

После окончания предварительного расследования уголовное дело в отношении лица с особым правовым статусом направляется в суд, которому оно подсудно в соответствии со ст. ст. 31-36 УПК РФ [7].

Также, в январе 2020 года в интервью Российской газете Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин сообщил, что выработаны предложения

по внедрению правового механизма, направленного на пресечение злоупотреблений своими статусными гарантиями лицами, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Предложено вывести из числа таких лиц депутатов местного самоуправления, упростить процедуру задержания всех лиц с особым статусом, застигнутых на месте преступления. А также исключить избыточные требования к согласованию вопроса о направлении уголовного дела в отношении депутатов Госдумы в суд [4].

По нашему мнению, депутаты, члены выборного органа местного самоуправления и выборные главы муниципальных образований органов местного самоуправления представляют интересы обычных граждан и должны заслуживать их доверия. Ответственность и интенсивность работы им компенсируется заработной платой и наличием у них помощников. Но в случае задержания депутатов при совершении коррупционного преступления, мы считаем, это очень подрывает их авторитет и веру граждан. Поэтому справедливым будет в случае обоснованного обвинения в коррупционном правонарушении — приравнять депутатов, а также членов выборного органа местного самоуправления и выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления к обычным гражданам. То есть предлагается исключить депутатов, членов выборного органа местного самоуправления и выборных глав муниципальных образований органов местного самоуправления из списка лиц с правовым статусом, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, путем внесения изменений в п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, тем самым упростить процедуру задержания таких лиц с особым статусом, застигнутых на месте преступления.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»;
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/d93458c7b74523fef22bc21b8ff91bc2aaefaa99/ (дата обращения 19.12.2021);
3. Александр Бастрыкин рассказал о расследовании громких коррупционных дел [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2021/12/09/aleksandr-bastrykin-rasskazal-o-rassledovanii-gromkih-korrupcionnyh-del.html> (дата обращения 19.12.2021);
4. «Кто вне закона? Никто». Александр Бастрыкин предложил ограничить права лицам особого статуса [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/01/14/bastrykin-predlozil-ogranichit-prava-licam-osobogo-statusa.html> (дата обращения 20.12.2021);
5. Обзор судебной практики Пятого кассационного суда общей юрисдикции по возвращению уголовного дела прокурору за 2020 год [Электронный ресурс]. — URL: [https://zakon.ru/blog/2021/10/29/obzor_sudebnoj_praktiki_pyatogo_kassacionnogo_suda_obschej_yurisdikcii_po_vozvrascheniyu_ugolovnogo_](https://zakon.ru/blog/2021/10/29/obzor_sudebnoj_praktiki_pyatogo_kassacionnogo_suda_obschej_yurisdikcii_po_vozvrascheniyu_ugolovnogo_(дата обращения 19.12.2021);) (дата обращения 19.12.2021);
6. Ответственность за совершение коррупционных правонарушений [Электронный ресурс]. — URL: <https://64.mvd.rf/netkorrupt/metodika/buklet/pamyatka-pravo> (дата обращения 20.12.2021);
7. Возбуждение и расследование уголовных дел в отношении лиц особого правового статуса [Электронный ресурс]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=4978544 (дата обращения 19.12.2021);

Трудовой договор: понятие, содержание и виды

Решетнюк Ирина Викторовна, студент

Научный руководитель: Колосовский Валерий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В этой статье раскрыто само значение трудового договора, какие могут быть его виды и кем являются его стороны. Также уяснены условия заключения договора, при каких обстоятельствах даётся испытательный срок, может ли быть перевод с одной работы на другую? При каких условиях можно разорвать договор, это тоже достаточно широко освещается в данной статье.

Ключевые слова: трудовой договор, виды, стороны трудового договора.

Что же подразумевает собой понятие «трудовой договор»? Трудовой договор — соглашение между работником и работодателем, включающее в себя определённые обязанности и того, и другого. Как стало ясно, из этого понятия делается вывод, что есть две стороны трудового договора — работодатель и работник.

Обязанности работодателя:

- он должен вовремя и в нужном количестве выплачивать зарплату своему работнику;
- предоставлять необходимые условия для обеспечения качественной работы человека.

Обязанности работника:

- качественно и своевременно выполнять свою работу;
- соблюдать трудовую дисциплину.

С какого возраста можно заключать договор? 16 лет — официальный возраст, с которого разрешается заключать трудовой договор. Это можно делать и раньше предусмотренного законодательством возраста, но с определёнными ограничениями. Например, можно заключить договор в 15 лет, если человек получил основное общее образование. Или в 14 лет, если гражданин имеет разрешение одного из родителей, при этом работа должна быть лёгкой для него, в силу возраста работника. Работодателем может являться как юридическое, так и физическое лицо.

Существуют соответствующие условия заключения трудового договора:

1. Присутствие фамилии, имени, отчества работника;
2. Место и время, где был заключён трудовой договор;
3. График работы;
4. Функции работника;
5. Кто является работодателем (указание);
6. Территория, на которой будет осуществляться трудовая деятельность;
7. Время начала трудовой деятельности;
8. Зарплата работника;
9. Страховка.

Также к дополнительным условиям относятся — испытательный срок, неразглашение тайны, дополнительное страхование.

Трудовой договор может быть заключен на неопределённый срок или на срок, не превышающий 5 лет.

Бессрочный трудовой договор симпатизирует людям в большей степени, чем срочный поэтому многие отдают предпочтение именно ему. Потому что, он практичнее и выгоднее в плане времени, ведь нет каких — то временных ограничений. Если, допустим, человек отработал 2,5 года и хочет уволиться, он может подать заявление и уйти. В случае же со срочным договором такое действие будет совершить гораздо сложнее. Так что срочный договор можно подписать только в специальных случаях: когда заменяешь работника, работаешь по отдельному сезону, специализируешься на конкретном виде работы. Срочный договор, если работник продолжает также квалифицированно выполнять свою работу, может быть изменён на бессрочный, при этом работодателя должно это полностью устраивать. Договор срочный и бессрочный заключаются в письменной форме, в двух экземплярах, закреплённые подписью обеих сторон. Первый экземпляр достаётся работодателю, второй передаётся работнику. Если всё же работодатель допустил человека к работе без письменного договора, он обязан подписать с ним договор, не тратя на это больше трех дней.

Заработная плата может начисляться в виде оклада или тарифной ставки. В первом случае выплачивается фиксированная сумма денег за месяц проделанной работы, во втором за количество времени.

Существует некая дисциплина труда работника, она представляет собой определённое поведение людей, которое предусмотрено работодателем и не подрывает устои. За нарушение дисциплины наступает дисциплинарная ответственность, которая в своё время делится на общую и специальную. В дисциплинарную ответственность входит дисциплинарное взыскание. Оно может выражаться в виде выговора, замечания, увольнения. Закон определяет срок действия и порядок наложения дисциплинарного взыскания.

В трудовых отношениях не обходится без трудовых споров. Трудовой спор — столкновение интересов сторон договора по поводу условий труда, качества и так далее. По субъектам он делится на индивидуальный и коллективный.

Индивидуальный — по логике можно понять, что это столкновение интересов работника и работодателя по вопросам применения законов и актов. Коллективный —

спор между работниками и работодателями по установлению и изменения условий труда.

По предмету же трудовой спор делится на исковый и неиссковый.

Исковый — спор, который случается в связи с изменением нормативно-правовых актов о труде и т.д. Неиссковый — этот спор возникает из-за разногласий в связи с установлением новых условий труда. Споры разрешают суды общей юрисдикции.

Существует такой трудовой договор, который заключается с испытательным сроком. Чтобы работник узнал об этом он должен прочитать договор, в котором прописан срок испытания, если же его там нет, значит вас приняли на работу без испытательного срока. Три месяца — вот максимальный срок испытания, шесть месяцев — для тех, кто претендует на высшие должности. Когда трудовой договор предполагает срок заключения от двух до шести месяцев, его испытание не может быть больше двух недель. Не всем людям можно устанавливать испытательный срок: беременные; несовершеннолетние; люди, которые перевелись с другой работы; если трудовой договор заключается не больше, чем на два месяца.

Также, в современной действительности есть немало случаев перевода работника с одной работы на другую. При этом совершать такую процедуру нужно правильно. Есть особые условия, прописанные законом, только при них можно перевести с одной работы на другую. Эти условия: только согласие самого работника; оформление перевода приказом руководителя; внесение изменений в личную карточку сотрудника. Есть так называемые «перемещения» — это процесс, когда работодатель без согласия сотрудника, переводит его в другое отделение, но сохраняет его прежние обязанности и условия. Перемещения могут происходить при — смене сотрудником рабочего места у одного работодателя; переходе сотрудника в филиал или представительство; доверии сотруднику работы на новом механизме. Работодатель в своё время не может перемещать работника, если условия на новой работе вредны для его здоровья. Перевод может быть временный и постоянный.

Временный — это когда работника переводят на другую работу и спустя время (от месяца до года) возвращают обратно. Постоянный же перевод включает в себя новые условия заключения договора так, как сотрудника переводят в другое место.

Обоснования для перевода:

— Медицинские показатели. Допустим, травматолог запретил инструктору работающему в багунном центре заниматься активной деятельностью, поэтому он сменил свою работу на администратора.

— Сокращение штаба. При этом работодатель не может оставить своего сотрудника «ни с чем», он обязан предложить взамен новую вакансию.

— Смена организационной структуры компании. Когда компания меняет своё место нахождения.

— Беременность сотрудницы. Компания переводит её на более упрощённую работу.

— Травма. Строитель выпал со второго этажа и получил тяжёлые травмы, которые мешают ему нормально выполнять свою работу, поэтому начальник перевёл его на вахту.

— Появление другой должности.

— Не пройдена аттестация. Учитель начальных классов не прошёл аттестацию и был понижен в должности.

Бывают также решения, которые принимает само начальство без разрешения работника. Это в том случае, если произошло какое-то стихийное бедствие или авария на предприятии.

Прекращается действие трудового договора по множественным причинам. Он может быть расторгнут как со стороны работодателя, как со стороны работника, так и со стороны третьего лица, либо из-за каких-то непредвиденных событий. Разберём все эти случаи.

Работник может расторгнуть договор по своей инициативе, при этом уведомив начальство за 14 дней. Ещё он может отказаться от работы, в случае — смены собственника имущества организации; изменений условий трудового договора; из-за состояния здоровья по причине медицинских показателей.

Работодатель может расторгнуть договор из-за виновных действий со стороны работника. К виновным действиям относятся: 1) прогул или отсутствие на работе без уважительной причины более 4 часов; 2) присутствие на работе в нетрезвом состоянии; 3) совершение поступка противоречащего моральным устоям общества; 4) совершение кражи на работе. Но он может быть прекращён и не из-за виновных действий. Например, из-за таких, как смена собственника имущества; несоответствие работника своей должности; достижения работником возраста, который уже не подходит для данной работы; наличие у сотрудника иностранного гражданства.

Прекращение трудового договора из-за третьих лиц. Происходит, когда работника призвали на военную службу, вернулся прежний работник, работника не выбрали на эту должность, работника наказали правоохранительные органы власти.

События, из-за которых могут расторгнуть договор, как уже было сказано мною выше, тоже существуют и они не зависят ни от работника, ни от работодателя. К таким событиям можно отнести: заключение договора при неправильно занимаемой должности; заключение договора с человеком, которому запрещено выполнение многих действий по причине медицинских показателей; заключение договора, когда отсутствует документ о высшем образовании, если профессия этого требует.

В данной статье было сказано о главных аспектах трудового права. К тому же мы узнали, при каких условиях работодатель и работник могут расторгнуть трудовой договор. Какие могут быть переводы с одной работы на другую и при каких условиях. В общем, всё то, что нужно знать о трудовом праве.

Литература:

1. http://eos.ibi.spb.ru/umk/1_11/pict/logo.gif
2. <https://journal.tinkoff.ru/work-contract/>
3. [http://xn -- h1adkeabsl5ap.xn -- p1ai/wp-content/uploads/](http://xn--h1adkeabsl5ap.xn--p1ai/wp-content/uploads/)
4. <https://kontur.ru/articles/4177>
5. <https://sc-msk.ru/media/vidy-trudovhttps://sc-msk.ru/media/vidy-trudovykh-dogovorov/ykh-dogovorov/>

Проблемные аспекты прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия

Сорокин Иван Вячеславович, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства в сфере прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования прокурорского надзора за деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорская деятельность, прокурорский надзор, дознание и предварительное следствие.

Права и свободы человека в Российской Федерации являются высшей ценностью. Данная правовая гарантия имеет конституционную природу, что свидетельствует об особом положении, особом месте данной гарантии в системе прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем, несмотря на конституционную природу данной гарантии, в Российской Федерации является актуальной проблема соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении дознания и предварительного следствия.

Дознание и предварительное следствие является важной составляющей системы борьбы с преступностью, их роль в обеспечении законности и безопасности достаточно трудно переоценить. При этом, эффективность данных форм борьбы с преступностью зачастую достигается с помощью незаконного, а иногда, и преступного нарушения прав и свобод человека и гражданина органами дознания и предварительного следствия.

С целью обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в Российской Федерации существует и действует особая форма надзора и контроля за деятельностью органов дознания и предварительного следствия — прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Вместе с тем, несмотря на важнейшую задачу по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, данная прокурорская деятельность сопряжена с рядом сложностей и проблем, требующих законодательного решения.

Так, проблеме прокурорского надзора за органами дознания и предварительного следствия посвятил своё исследование Т.Ю. Сабельфельд, который утверждает, что «процессуальные полномочия прокурора в отно-

шении органов дознания имеют свои особенности и проблемные вопросы, на которые необходимо обратить внимание. Так, в отличие от предварительного расследования, дознание характеризуется наличием специфичного института — уведомления лица о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ). На данном этапе дознания прокурору необходимо уделять внимание законности и обоснованности придания лицу статуса подозреваемого, так как статус лица после признания его подозреваемым меняется. При этом прокурором выясняется, разъяснены ли права подозреваемого и обеспечена ли возможность реализации права на защиту. Поэтому согласно п. 13 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. N 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (далее — Приказ Генеральной прокуратуры РФ N 33) надзирающему прокурору необходимо проверять исполнение дознавателем положения ст. 223.1 УПК РФ и требовать незамедлительного направления копии соответствующего уведомления лица о подозрении в совершении преступления. Следует обратить внимание, что законодатель не устанавливает срок, когда дознаватель обязан направить такое уведомление, а незамедлительность его действия в данном случае обосновывается лишь внесением прокурором требования. Ввиду этого считаем необходимым для предупреждения нарушений на данном этапе дознания, эффективности и оперативности надзора внести дополнения в уголовно-процессуальное законодательство, изложив ч. 5 ст. 223.1 УПК РФ в следующей редакции: «Копия уведомления о подозрении лица в совершении преступления незамедлительно направляется прокурору». Кроме того, изложенное нами дополнение

позволит в последующем более взвешенно и оперативно оценивать необходимость избрания той или иной меры пресечения» [1].

А.Г. Карташова и О.П. Копылова приходят к выводу, что «в настоящее время прокурор не обладает достаточным объемом полномочий, позволяющих ему эффективно осуществлять функцию надзора за законностью производства дознания в сокращенной форме. Следовательно, необходимо расширить его полномочия, что не ущемит процессуальной самостоятельности дознавателя, но усилит гарантии соблюдения прав личности в уголовном судопроизводстве. Так, целесообразно внесение следующих изменений в нормы УПК РФ. Во-первых, наделить прокурора правом истребовать материалы проверки сообщения о преступлении, подследственным органам дознания на основании письменного запроса. Во-вторых, установить, что полномочие прокурора по внесению требования об устранении нарушений федерального законодательства должно распространяться на стадию возбуждения уголовного дела. Кроме того, рассматриваемый вид дознания содержит свои плюсы, к примеру, это сокращенные сроки расследования; меньший срок наказания, определяемый судом. Но все же прошло 5 лет, как появился институт дознания в сокращенной форме, а законодателем до сих пор не урегулированы проблемы, возникающие на практике. Мы согласны с теми процессуалистами, которые считают, что данный институт является неэффективным» [2].

А.П. Войтович утверждает, что «в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства, обеспечения прав граждан на доступ к правосудию, на расследование дела в разумный срок указанные проблемы требуют своего широкого обсуждения и соответствующего разрешения. Проблема представляется настолько комплексной, что одними лишь мерами организационного характера ее не разрешить. Потребуются соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон. В то же время предлагаемые законопроектом № 745077-7 дополнения в ст. 37 УПК РФ о дополнительных полномочиях прокуроров требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия, а также в ст. 145 УПК

РФ о разрешении споров о передаче сообщения о преступлении по подследственности прокурором в течение трех суток с момента поступления соответствующего обращения не разрешают многих проблем, существующих при производстве дознания и следствия» [3].

В.А. Чукреев приходит к выводу о том, что «Компенсаторная деятельность прокуратуры при осуществлении надзора за законностью расследования уголовных дел позволит прокурору самостоятельно отменять незаконные решения дознавателей и следователей путем вынесения постановления об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела. После вынесения прокурором постановления о возбуждении уголовного дела все материалы проверки будут отправляться в орган, расследующий его по правилам подследственности. При этом вынесение данного постановления не будет означать, что прокурор снова «отстранен» от дела; напротив, прокурор должен будет контролировать весь ход расследования во избежание повторного нарушения закона. О необходимости внесения в УПК РФ и Закон о прокуратуре изменений, регулирующих компенсаторные полномочия и правовые средства прокурора. Представляется целесообразным закрепить правовое положение о том, что в случае вынесения следователем (дознавателем) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела должностное лицо органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, по требованию прокурора о предоставлении для ознакомления материалов проверки обязано предоставить эти материалы в течение разумного срока, указанного прокурором в требовании. Если после проверки материалов прокурор придет к выводу о незаконности и необоснованности решения об отказе в возбуждении уголовного дела, то он выносит постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и одновременно о возбуждении уголовного дела. При этом прокурор обязан поставить вопрос о привлечении следователя (дознавателя), вынесшего незаконное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, к предусмотренной законом ответственности» [4].

Таким образом, прокурорский надзор за деятельностью органов дознания и предварительного следствия имеет ряд проблем, пробелов и противоречий, требующих скорейшего законодательного решения.

Литература:

1. Сабельфельд, Т.Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания // Российский следователь. — 2021. — № 2. — с. 33-36.
2. Карташова, А.Г., Копылова О.П., Медведева С.В. Прокурорский надзор за дознанием в сокращенной форме // Российский следователь. — 2020. — № 8. — с. 50-54.
3. Войтович, А.П. Современные проблемы соблюдения органами следствия и дознания уголовно-процессуального законодательства, выявленные в ходе прокурорского надзора // Мировой судья. — 2020. — № 2. — с. 8-13.
4. Чукреев, В.А. О применении компенсаторных средств прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2018. — № 5. — с. 93-99.

Проблемные аспекты прокурорского надзора в современной России

Сорокин Иван Вячеславович, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства в сфере прокурорского надзора. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования прокурорского надзора в современной России.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорская деятельность, прокурорский надзор, права и свободы человека и гражданина.

Прокурорский надзор является важнейшим направлением прокурорской деятельности, так как является действенным инструментом обеспечения законности в Российской Федерации. Вместе с тем, современные реалии общественных отношений, характеризующиеся общемировым кризисом, вызванным падением цен на нефть, распространением коронавирусной инфекции, санкционным характером международных отношений, свидетельствуют, что эффективность прокурорского надзора в современных условиях значительно снизилась, что требует научного их осмысления с целью дальнейшего совершенствования действующего законодательства.

Проблемам прокурорского надзора в целом посвящали свои труды многие научные исследователи. Так, как справедливо утверждает Г.И. Залюкова «актуальным направлением работы прокуроров остается защита прав обманутых дольщиков. Несмотря на то что за последние несколько лет в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон N 214-ФЗ) внесены коррективы, направленные на финансовую защиту прав дольщиков, к сожалению, добиться прозрачности в деятельности застройщиков и полностью обеспечить безопасность лиц, приобретающих квартиры, не удалось. На первый взгляд использование эскроу счетов должно было свести на нет проблемы дольщиков, но этого не произошло. Так, недобросовестные застройщики, желая увеличить собственный доход путем отказа от открытия эскроу счетов, стали реализовывать квартиры в обход предусмотренной обязанности по открытию специальных счетов в банках. В ходе сверки, проведенной прокуратурой Ленинского района г. Ульяновска совместно с управлением архитектуры и градостроительства администрации города, установлено, что значительно активизировалось строительство многоквартирных домов на территории района, в отношении которых за заключением о соответствии застройщика и проектной декларации требованиям действующего законодательства в компетентные органы никто не обращался. Таким образом, реализация недобросовестными застройщиками квартир в обход требованиям Федерального закона N 214-ФЗ стала носить еще более латентный характер» [1].

А.В. Пересыпкин утверждает, что «поставка в рамках национального проекта высокотехнологического оборудования требует еще больших специальных познаний для оценки соответствия функционала, необходимого программного обеспечения, их корректного и эффективного использования. Решением имеющейся проблемы, на наш взгляд, может быть только нормативное закрепление права прокурора требовать безвозмездного проведения исследования (экспертизы) в экспертных учреждениях, закрепление ответственности за отказ от проведения и ее недостоверность. По мнению автора, представленные предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего вопросы неэффективного и нецелевого использования бюджетных средств и имущества, а также порядка привлечения к проверкам специалистов (экспертов) позволят не только повысить ответственность за расходование бюджетных средств, но и непосредственным образом повлияют на своевременность реализации программных мероприятий нацпроекта, выведут на новый уровень защиту здоровья людей» [2].

В.Д. Хома справедливо приходит к выводу, что «в целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства Российской Федерации, соблюдением законных интересов и прав субъектов миграционных правовых отношений необходимо поднимать уровень информационно-аналитического и методического обеспечения касательно мероприятий, проводимых в рамках данной разновидности прокурорского надзора. Одним из путей развития информационного обеспечения в рамках данного комплекса мер, которое будет содействовать повышению законности и правопорядка в сфере миграционных правовых отношений, является расширение и углубление сотрудничества органов прокуратуры с общественными объединениями, осуществляющими противодействие незаконной миграции. Кроме того, действия по систематизации противодействия нелегальной миграции осуществляются со стороны органов судебной власти. Так, 9 июля 2020 г. Верховный Суд РФ издал Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией». В рамках данного проекта Верховный Суд уточнил ряд вопросов, связанных с практикой правоприменения по уго-

ловным делам, сопряженным с организацией нелегальной миграции. Интересно, что в указанном документе содержится рекомендация судам обращать внимание соответствующих органов и должностных лиц на нарушения закона, допущенные при производстве предварительного расследования или при рассмотрении уголовных дел, связанных с незаконным пересечением Государственной границы и (или) незаконной миграцией, с помощью инструмента частных определений (постановлений)» [3].

А.Д. Ильяков утверждает, что «неверное толкование норм действующего законодательства также может приводить к принятию необоснованных мер реагирования. Например, не основана на законе позиция о нарушении поднадзорными лицами установленного законом запрета владеть или пользоваться (в том числе косвенно) иностранными финансовыми инструментами в случае заключения договоров страхования жизни с выплатой дополнительного инвестиционного дохода, который страховая компания планирует извлечь от вложения полученных денежных средств в активы иностранных компаний, в том числе акции, облигации, паевые инвестиционные фонды, доверительное управление, депозиты, производные и другие инструменты. В отдельных случаях возникают трудности при определении компетенции территориальных прокуратур по осуществлению надзора за исполнением законов в рассматриваемой сфере. Так, Приказом Генерального прокурора РФ от 7 мая 2008 г. N 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» природоохранным прокурорам (на правах прокуроров субъектов Федерации) поручено осуществлять надзор за исполнением законодательства о противодей-

ствию коррупции в природоохранных территориальных органах и подразделениях федеральных органов исполнительной власти (за исключением центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти), природоохранных органах исполнительной власти субъектов Федерации, подведомственных им учреждениях и организациях» [4].

А.П. Войтович утверждает, что «в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства, обеспечения прав граждан на доступ к правосудию, на рассмотрение дела в разумный срок указанные проблемы требуют своего широкого обсуждения и соответствующего разрешения. Проблема представляется настолько комплексной, что одними лишь мерами организационного характера ее не разрешить. Потребуется соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон. В то же время предлагаемые законопроектом N 745077-7 дополнения в ст. 37 УПК РФ о дополнительных полномочиях прокуроров требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия, а также в ст. 145 УПК РФ о разрешении споров о передаче сообщения о преступлении по подследственности прокурором в течение трех суток с момента поступления соответствующего обращения не разрешают многих проблем, существующих при производстве дознания и следствия» [5].

Таким образом, прокурорский надзор как вид прокурорской деятельности имеет ряд проблем, пробелов и противоречий, требующих скорейшего законодательного решения.

Литература:

1. Залюкова, Г.И. Защита прав обманутых дольщиков средствами прокурорского надзора // Законность. — 2021. — № 9. — с. 28-29.
2. Пересышкин, А.В. Некоторые проблемы нормативного регулирования, связанные с организацией и осуществлением прокурорского надзора в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // Медицинское право. — 2021. — № 4. — с. 31-38.
3. Хода, В.Д. Прокурорский надзор в сфере незаконной миграции: теория и практика // Миграционное право. — 2021. — № 2. — с. 37-40.
4. Ильяков, А.Д. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции // Законность. — 2021. — № 3. — с. 33-36.
5. Войтович, А.П. Современные проблемы соблюдения органами следствия и дознания уголовно-процессуального законодательства, выявленные в ходе прокурорского надзора // Мировой судья. — 2020. — № 2. — с. 8-13.

Правовая регламентация делопроизводства органов внутренних дел РФ

Спирина Надежда Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор пытается определить правовую базу делопроизводства органов внутренних дел РФ.

Ключевые слова: делопроизводство, документы, министерство внутренних дел.

Деятельность службы документационного обеспечения управления, ее функции, структура, техническое обеспечение и многие другие аспекты, связанные с документооборотом организации регламентируются совокупностью законов, нормативных правовых актов и методических документов, также они определяют процесс создания документов, их обработку, движение в организации, а так же их хранение и использования в текущей деятельности.

Нормативно-правовая база делопроизводства, включает в себя ряд законов, нормативных правовых актов и методических документов. Данная документация содержит общие принципы организации документационного обеспечения управления, регламентирующих процессы и технологии создания, хранения, обработки

и использования документов в текущей деятельности учреждения.

Помимо этого, нормативно-правовая база регулирует работу службы документационного обеспечения, включая ее структуру, функции, штаты и другие аспекты деятельности.

Документационную базу органов внутренних дел составляет система взаимосвязанной управленческой документации, которая обеспечивает деятельность аппарата.

Состав документационной базы определяется исходя из компетенции организации, функций ее управления, способов разрешения вопросов, характера и объема взаимосвязей с другими министерствами, ведомствами и организациями.

Таблица 1. Документы, регламентирующие делопроизводство

Законы РФ	ФЗ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»
	Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»
Указы Президента	Постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 477 «Об утверждении правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти»
	Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»
Акты межведомственного характера	ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов»
Акты ведомственного характера	Приказ МВД России от 4 декабря 2006 г. № 987 «О документационном обеспечении управления в системе органов внутренних дел Российской Федерации»
	Приказ МВД России от 15 августа 2011 года N 935 «Об организации архивной работы в системе МВД России»
Правовые акты организаций	«Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации», утвержденная Приказом МВД России от 20 июня 2012 г. № 615

Инструкция по организации архивной работы в системе МВД России разработана в соответствии с Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», договором Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федерального архивного агентства от 30 ноября 2007 г. «О сроках и условиях депозитарного хранения документов» в целях совершенствования работы с архивными документами в системе МВД России. Данная Инструкция регламентирует отдельные вопросы передачи законченных производством дел на архивное хра-

нение, классификацию, учет, обеспечение сохранности, создание научно справочного аппарата, порядок использования архивных документов, изменения, снятия грифа секретности, продления сроков засекречивания архивных документов и экспертизы ценности архивных документов.

Также, в органах внутренних дел документооборот организуется в соответствии с требованиями приказа МВД России № 615. В каждом подразделении органа внутренних дел разрабатываются документы, которые имеют большое значение в ведении делопроизводства. А именно

Инструкции по делопроизводству, Табель документов и Номенклатура дел.

Табель документов входит перечень форм документов, необходимых и достаточных для реализации функций и задач ОВД. В организации деятельности ОВД запрещается создавать документы, не утвержденные Табелем, кроме того, Табель утверждает отдельные этапы прохождения документов в ОВД.

Порядок систематизации документов закрепляется в номенклатуре дел. Номенклатура систематизированный перечень заголовков дел, заводимых в ОВД, с указанием сроков их хранения. В ОВД номенклатура дел необходима при построении информационно-справочной системы для документов, так как содержит перечень наименований дел, в которых должен найти место любой документ ОВД.

Важнейшим документом, регулирующим делопроизводство в органах внутренних дел, является инструкция по делопроизводству. Инструкция является основным нормативно-методическим документом отдела по делопроизводству, она устанавливает общие требования работы с документами, документирования управленческой деятельности, и функционирования службы ДОУ.

Инструкция так же определяет порядок применения нормативно — правовых актов и организационно-распорядительных документов по вопросам делопроизводства (ДОУ), изданных федеральными, территориальными, отраслевыми (ведомственными) и местными органами

управления, в процессе осуществления деятельности структурными подразделениями и должностными лицами организации.

Инструкция содержит единые нормы по подготовке, обработке, хранению, использованию создаваемых в деятельности органов внутренних дел документов и по порядку организации делопроизводства. Разработку инструкции по делопроизводству следует производить на основе Типовой инструкции по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти с учетом специфики деятельности организации.

Инструкция устанавливает требования, обязательные для выполнения сотрудникам МВД, государственными гражданскими служащими и работниками центрального аппарата МВД России.

Инструкция разработана на основе законодательства Российской Федерации, в соответствии с Правилами делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти, которые, в свою очередь, были утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. № 477. Государственные стандарты Российской Федерации, нормативно-методические документы по делопроизводству и архивному делу так же являются базой для разработки инструкции. Положения Инструкции распространяются на организацию работы с документами, включая их подготовку, обработку, использование и хранение, что относится и к документам в электронной форме.

Таблица 2. Структура инструкции по делопроизводству

	Раздел
Основные виды документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел.	II
Требования к подготовке и оформлению документов.	III
Организация документооборота, учета и исполнения документов	IV
Прием и передача текстов документов по официальным каналам электросвязи и с использования ведомственной магистральной сети передачи данных, организация их учета	V
Контроль исполнения документов и поручений	VI
Автоматизация документационного обеспечения (система управления документами и электронными административными регламентами) органов внутренних дел	VII

Перечисленные нормативно-методические документы помогают организовать документооборот. Повышение роли правоохранительной деятельности и усложнение задач ОВД на современном этапе вызывает естественный рост объема документооборота. Поэтому наиболее важной задачей служб ДОУ является сокращение объемов документооборота и строгой его организации.

Ответственность за организацию делопроизводства, своевременность и качество исполнения документов, соблюдение установленных правил и порядка работы с ними, а также обеспечение необходимых условий работы для сотрудников, выполняющих делопроизводственные функции, возлагается на начальников главных управлений и иных структурных подразделений МВД РФ.

Литература:

1. Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 // СПС КонсультантПлюс.
2. Быкова, Т. А. Российские и международные стандарты о технологии управления документами/Т. А. Быкова // Делопроизводство. — 2017. — № 3. — с. 18-25
3. Кондратьева, Т. Н. Документационное обеспечение управления: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2015. 296 с.

Обналичивание как острая проблема финансовой системы Российской Федерации

Суханова Карина Андреевна, студент

Научный руководитель: Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автором рассматривается распространенное на сегодняшний день среди российского предпринимательства явление — обналичивании денежных средств. Данное понятие является одним из видов незаконного оборота денежных средств, что позволяет считать изучаемое явление одной из острых проблем финансовой системы Российской Федерации. Кроме того, актуальность исследуемой темы подчеркивается особенностями экономического развития нашей страны, которые так же являются предметом изучения настоящего исследования.

Ключевые слова: обналичивание денежных средств, обнал, обналичка, серая зарплата, безналичный расчёт, фирма-однодневка.

Российскому законодательству до сегодняшнего дня напрямую неизвестно понятие «обналичивание денежных средств», однако оно все чаще встречается в обиходе предпринимателей, учредителей юридических лиц, а также нередко упоминается в СМИ или современных научных работах. В широком смысле данный термин подразумевает получение наличных денежных средств с расчетного счета компании незаконным путем (обычно посредством использования обхода действующего законодательства). Что касается узкого понимания, то в под «обналичиванием» принято понимать незаконный перевод безналичных денег в наличные с преследованием нескольких целей. К целям «обналичивания» обычно относят:

- сокрытие доходов компании;
- избегание налогообложения на доход компании;
- классический одномоментный вывод денежных средств для личных целей директора или иных лиц, участвующих в обналичивании средств;
- выдача так называемых «серых» зарплат (они же «зарплаты в конверте», «черные зарплат»);
- быстрая реинвестиция выведенных средств в развитие компании;
- и другие.

В классическом понимании, согласно нормам российского финансового права, коммерческие расчеты между юридическими лицами, а также индивидуальными предпринимателями ведутся в безналичном расчете. Однако, порой организациям в срочном порядке, например, по изначальным выше причинам требуется перевести деньги в наличную форму, что законным способом на практике делается не быстро, кроме этого, облагается дополнительными обязанностями и требованиями законодателя (например, по уплате соответствующего налога в казну государства). В этом случае, некоторые недобросовестные предприниматели и юридические лица обращаются к более быстрому, однако незаконному способу вывода денежных средств из безналичного в наличный расчет — обналичиванию. Данный термин пришел в жизнь российских предпринимателей в 1990-ые годы, с началом проведения экономических реформ. На бытовом языке,

кроме более строго термина «обналичивание», стало привычно именовать данную процедуру «обналом» или «обналичкой» [3].

Обналичивание денежных средств, как правило, происходит посредством совершения фиктивных сделок по оказанию несуществующих услуг или другого рода действий, которые в реальности не производятся, а выполняются по поддельным документам. Совершение таких сделок является одним из популярных, но не единственным способом обналичивания. Следствием обналичивания денежных средств является полное или частичное отсутствие у налоговых органов и банков проверить законность проводимых операций, как результат государство лишается значительной части налоговых поступлений.

Современной практике известно понятие так называемых «фирм-однодневок», которые используются для обналичивания денежных средств. Данные компании создаются с фиктивной целью существования и зачастую обслуживают лишь те крупные фирмы или организации, которые нуждаются в незаконных услугах по выводу наличных средств. Такие фирмы, как было упомянуто ранее, оказывают фиктивные услуги «на бумаге», но на практике таких не осуществляется [3]. Организациями предпринимателями все меры, чтобы у государства отпала всякая возможность проверить их неисполнение, поэтому на первый взгляд они отвечают всем требованиям, предъявляемым к ним. Зачастую это оказание информационных услуг, либо заключение договоров на поставку продуктов потребления, проверить которые крайне сложно, либо не представляется возможным. Результатом такой сделки становится перечисление заранее оговоренной предпринимателями суммы в наличной форме за вычетом определенного процента, который является платой за оказанную услугу.

На сегодняшний день на незаконном рынке обналичивания представлены услуги профессиональных «обнальщиков», которые требуют лишь оплаты определенного процента за оказания такой услуги, все остальные незаконные обязательства они берут на себя. В распоряжении таких площадок, как правило, находится целая группа фирм-однодневок, которые ежедневно проводят

фиктивные операции и выводит деньги своим клиентам в лице юридических лиц или предпринимателей [4].

Казалось бы, что выявить на практике такую сделку достаточно сложно, ведь существует широкий ряд возможностей, по сокрытию результатов такой деятельности, однако российские правоохранительные органы не отстают от недобросовестных предпринимателей и зачастую такая деятельность пресекается крайне быстро. С появлением «обнала» появилась и необходимость правоохранителей следить и быстро пресекать это явление, существующий на сегодняшний день механизм разрабатывался годами. Современный налоговый инспектор имеет право следить за операциями по счетам физического лица, наблюдать за уровнем заработной платы, приглашать индивидуальных предпринимателей для беседы, изучать IP-адреса, через которые отправляется отчетность, анализировать договоры по «подозрительным» услугам и так далее.

В Письме ФНС от 31.10.2013 № СА-4-9/19592 перечислены признаки сделок, на которые инспекторы обращают внимание при проверке, среди них:

- подписавший договор ИП сидит в тюрьме или умер;
- товары (работы, услуги) оплачены наличными деньгами с превышением установленного законом лимита;
- у ИП нет ресурсов для того, чтобы оказывать заявленные услуги (работы);
- у сделки между компанией и ИП нет разумной деловой цели [2].

Кроме того, банки так же установили ряд признаков, согласно которым они выявляют незаконные сделки. К таким, например, относится снятие всех денежных средств, поступающих на счет предпринимателя в наличную форму, либо одномоментный перевод средств на другие счета с момента поступления средств.

Что касается вопроса ответственности — то участников раскрытых фиктивных сделок ждет наказание — от штрафа до лишения свободы, в зависимости от тяжести совершенного деяния.

Литература:

1. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.12.2021)
2. Письмо ФНС от 31.10.2013 № СА-4-9/19592 «О направлении обзора практики рассмотрения жалоб налогоплательщиков и налоговых споров судами по вопросам необоснованной налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.12.2021)
3. «Обнал» по-русски: как он работает и что за это грозит? — [Электронный ресурс] — <https://pravo.ru/story/227188/> (дата обращения 03.01.2022).
4. Что Вам нужно знать об обналичке? — [Электронный ресурс] — <https://journal.tinkoff.ru/cashout/> (дата обращения 01.01.2022).

Налоговая способна раскрыть схемы ухода от налогов, в которых задействованы несколько организаций и предпринимателей, а отследить обналичивание денег напрямую через индивидуальных предпринимателей для нее еще проще. Отличает такие операции систематичность, крупные переводы и снятие всех денег со счета ИП. У организаторов, напротив, есть сложности: чтобы не вызывать подозрения, надо расширять круг предпринимателей, которые участвуют в обналичивании, постоянно менять их и перечислять небольшие суммы, а это накладно.

Кроме налоговой инспекции сделки контролируют банки в рамках исполнения 115-ФЗ [1]: обнальщикам блокируют счета, вносят их в «черный список». Компания рискует своей репутацией — счет ей не откроют ни в одном банке. С проверками приходят и другие госорганы — например Роструд, Роспотребнадзор, Ростехнадзор. Все они могут найти «подозрительные» операции и сообщить о них в налоговую инспекцию или в полицию.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что обналичивание является действительно сложной и актуальной проблемой современной финансовой системы Российской Федерации. Несмотря на то, что ФНС и иные органы стараются максимально быстро отыскивать и наказывать участников фиктивных сделок — расследование данной категории преступлений является весьма трудной процедурой. Сегодня известные факты, когда профессиональные «обнальщики» крайне быстро подстраиваются под действующее законодательство, оперативно реорганизуют свою деятельность, уничтожают документы или локально ликвидируются. Предлагается на федеральном уровне закрепить понятие обналичивания, дабы избежать существования подобных рисков и обозначить необходимость дополнительного изучения данного, пагубного для финансовой системы России, явления.

Сравнительная характеристика законодательства о брачных договорах в странах СНГ (Россия, Украина, Белоруссия, Республика Молдова)

Фиошин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент;

Бер Анастасия Эдуардовна, студент;

Голубева Анастасия Александровна, студент;

Леонтьева Светлана Михайловна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

В статье проводится сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, Украины, Республики Молдова, регламентирующего процесс заключения брачного договора. В части требований к форме договора, момента его заключения, его содержания, изменения и расторжения, лиц, выступающих в качестве сторон соглашения. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что брачный договор имеет огромное значение в современном мире. Благодаря данному добровольному соглашению супруги могут избежать длительных судебных разбирательств, денежных затрат, которые нужны для качественной и квалифицированной помощи юриста, при расторжении брака.

Ключевые слова: брачный договор, Семейный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Украины, Кодекс о браке и семье Республики Беларусь, Семейный кодекс Республики Молдова.

В современном мире всё больший оборот набирает документ, заключаемый лицами, вступающими в брак, или непосредственно супругами, именуемый брачным договором. Данное соглашение играет большую роль, так как имеет юридическую силу при расторжении брака, что позволяет избежать недопонимания при разделе имущества и урегулировать все возможные споры между сторонами. В настоящей статье рассмотрим особенности законодательного регулирования данного вопроса в странах СНГ, а именно в России, Украине, Беларуси, Республике Молдове.

В России возможность заключать брачный договор появилась у супругов после 1995 года с принятием Семейного кодекса Российской Федерации, что позволило значительно сократить количество семейных споров по разделу имущества в судах.

Немало ученых посвятили данной тематике свои труды. В частности, можно выделить таких, как П. В. Крашенинников [1, с. 96], А. М. Нечаева [2, с. 190], М. И. Брагинский [3, с. 21], А. Н. Левушкин [4, с. 21]. В своих работах вышеуказанные выдающиеся учёные уделили значительную часть изучению проблематики теории и правоприменения. Относительно института брачного договора в Российской Федерации ими были вынесены свои предложения касательно изменения, расторжения и недействительности брачного договора.

Рассматривая институт брачного договора в Российской Федерации, следует отметить один из ключевых моментов, закрепленных в законодательстве. Так, в соответствии со статьей 41 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [5, с. 96] брачный договор может быть заключен на любом этапе отношений супругов, как до заключения брака, так и в любой период после его государственной регистрации в органах ЗАГС, но при условии, что он будет составлен в письменной форме и будет нотариально заверен. Таким образом, обязательным условием заключения брачного договора явля-

ется наличие письменной формы и нотариального заверения. То есть, если более детально освещать указанный аспект то, в соответствии с ч. 3 ст. 163 ГК РФ [6], в случае отсутствия указанных условий данная сделка будет являться ничтожной и не будет порождать никакие права и обязанности. Данные положения о брачном договоре абсолютно идентичны в рассматриваемых странах (Украине, Беларуси, Республике Молдова), но есть и особенности.

В Беларуси, в отличие от Российской Федерации, нет Семейного кодекса, а существует лишь Кодекс республики Беларусь о браке и семье, в котором не говорится о содержании брачного договора, а всего лишь обусловлены области его применения. Так, брачный договор в Беларуси в дополнении к ранее изложенным условиям подлежит соответствующей государственной регистрации в организации, которая занимается государственной регистрацией недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, но при обязательном содержании условий, которые могут быть основанием возникновения, прекращения прав на недвижимое имущество [7, с. 4] Прогнозируя дальнейшие события, вполне возможно, что Республика Беларусь дополнит ст. 13 Кодекса «О браке и семье» положениями о содержании брачного договора, закрепленными в ст. 42 СК РФ.

Существует также Семейный кодекс Украины, в котором особое внимание уделяется несовершеннолетнему лицу как стороне брачного договора. Так, согласно статье 92 Семейного кодекса Украины [8, с. 26], на заключение несовершеннолетним брачного договора до регистрации брака требуется письменное согласие его родителей или попечителя, удостоверенное нотариусом. Такое же положение содержится в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь.

Следующим аспектом, подлежащим рассмотрению, является содержание брачного договора. Под содержанием брачного договора в первую очередь следует понимать совокупность условий, на основе которых и было за-

ключено данное соглашение. В ст. 42 Семейного кодекса РФ содержится примерный перечень того, что может содержаться в брачном договоре супругов. Если проводить сравнительную характеристику Семейных кодексов РФ и Украины, то нормативное закрепление содержания в данных кодексах существенно отличаются. Так, в Семейном кодексе Российской Федерации предусматриваются примерные условия брачного договора в то время, как в Семейном кодексе Украины помимо общей статьи, предусматривающей содержание договора, присутствуют ещё и статьи об определении в брачном договоре права на содержание, порядка пользования жильем и правового режима имущества [8, с. 27]. Таким образом, в отличие от законодательства России и Беларуси семейное законодательство Украины содержит более подробные нормы о содержании брачного договора.

В Семейном кодексе Республики Молдова также содержание договора описывается достаточно подробно. Законодательством Республики Молдова предусматривается возможность установления договором условие о том, что имущество, приобретённое каждым супругом за период брака, является его личной собственностью. А также предусматривается включение в договор условия о медиации [9, с. 10]. Медиация — это способ урегулирования споров, представляющий стороннюю помощь в решении конфликта как инструмент для достижения результата, устраивающего обе стороны. Что касается медиатора — это третье нейтральное, независимое лицо, которое помогает сторонам разрешить имеющийся конфликт, спор. Таким образом, в Республике Молдова супруги могут прибегнуть к сторонней помощи в возникшем конфликте при разрешении имущественного спора.

При проведении сравнительного анализа норм об изменении и расторжении брачного договора в указанных

странах, можно прийти к выводу, что российское, украинское и молдавское законодательство предусматривает изменение и расторжение такого соглашения только между супругами, т.е. лицами, состоящими в браке (ст. 43 СК РФ, ст. 30 СК Республики Молдова, ст. 100 СК Украины), в то время как в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь данные действия предусматриваются не только между лицами, вступающими в брак, супругами до расторжения брака, а также между бывшими супругами.

В правоприменительной практике также, как и в теории, важным является отграничение брачного договора и соглашения о разделе имущества супругов. Более подробно рассматривая указанный аспект, стоит разделять вышеназванные понятия, а именно соглашение о разделе имущества, исходя из своего названия может регулировать только вопрос раздела имущества, которое нажито в браке. При заключении такого документа супруги не наделяются правом изменять режим имущества каждого из них (ст. 36 СК РФ), а также не вправе определять режим будущего имущества. То есть таким соглашением возможно прекратить режим совместной собственности и установить долевую либо раздельную собственность. Заключая же брачный договор, супруги исключают применение указанного выше соглашения, и руководствуются лишь брачным договором, составленным в соответствии с установленными требованиями.

Подводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что основные положения, касающиеся брачного договора в указанных выше странах, имеют по большей части общие характеристики, при этом важным является тот факт, что прослеживается ряд отличий, что дает возможность говорить о своеобразности и уникальности такого института как брачный договор в рассмотренных государствах.

Литература:

1. Гонгало, Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю. и др. Семейное право: Учебник/под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 318 с.
2. Нечаева, А. М. Семейное право: учебник для вузов/А. М. Нечаева. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 294 с.
3. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. — 3-е изд., стереотипное. — М.: Статут, 2014. — Кн. 1. — 848 с.
4. Левушкин, А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах — участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: Учебно-практическое пособие. — М.: «Юстицинформ», 2016/207 с.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — с. 3301.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 N 278-3 // «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 28.07.1999, N 55, 2/53, ст. 66.
8. Семейный кодекс Украины: Закон Украины // Ведомости Верховной Рады (ВВР), 2002, N 21-22, ст. 70.
9. Семейный кодекс Республики Молдова: Закон РМ принят Парламентом тринадцатого созыва от 26 октября 2000 г. // Официальный монитор Республики Молдова. — 2001. — 26 апреля. — № 47-48. С последними изменениями и дополнениями на 25.05.2017 г., ст. 40.

Электронное правительство и электронная демократия: проблемы соотношения

Хуторная Юлия Васильевна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье рассмотрены основные проблемы соотношения понятий «электронное правительство» и «электронная демократия». Сделан вывод о том, что вышеуказанные понятия соотносятся между собой как метод и цель. Ключевой задачей электронного правительства является как можно более широкий доступ граждан к полному спектру государственных услуг, что неизбежно приведет к увеличению участия граждан в управлении государством, вследствие чего будет достигнут переход к электронной демократии.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровое правительство, электронная демократия, цифровизация.

E-government and e-democracy: correlation problems

The article deals with the main problems of correlation between the concepts of «electronic government» and «electronic democracy». It is concluded that the above concepts are related to each other as a method and a goal. The key task of e-government is the widest possible access of citizens to the full range of public services, which will inevitably lead to an increase in the participation of citizens in governing the state, as a result of which the transition to e-democracy will be achieved.

Keywords: e-government, digital government, e-democracy, digitalization.

Цифровизация общества, активно начавшаяся в конце 20-ого века и ставшая одной из ключевых парадигм развития первых двух десятилетий двадцать первого века, приводит к тому, что на сегодняшний день в мире практически отсутствуют социальные и экономические институты, не подвергнувшиеся данному процессу. Пандемия COVID-19 и вызванные ею карантинные ограничения, привели к еще большей интенсификации данного процесса, задевая даже самые консервативные отрасли экономики. Не осталась в стороне этого явления и сфера осуществления государственного управления. Проблема разграничения понятий «электронное правительство» и «электронная демократия» в настоящее время является актуальной, отсутствует их единое разграничение, которое могло бы удовлетворить как исследователей, так и законодателей.

А. Н. Павленко определяет электронное правительство как форму деятельности органов государственной власти, при которой граждане и организации получают государственные услуги и информацию о деятельности государственных органов на качественно новом уровне, достигаемом за счет использования электронных средств коммуникации [1]. По нашему мнению, вышеуказанное определение характеризует лишь первую стадию развития электронного правительства. На сегодняшний день, электронные технологии позволяют не только более оперативно получать государственные услуги, но и осуществлять более активное участие в управлении государством.

В этом контексте принципиально важным представляется процесс развития так называемой «электронной демократии». В рамках данного исследования, рассмотрим, что такое электронная демократия: инновационная форма осуществления гражданами своих прав либо принципи-

ально новое общественно-политическое устройство государства.

О. В. Омеличкин рассматривает электронную демократию, как такую форму взаимодействия власти и народа, которая осуществляется с помощью использования современных новейших информационных технологий [2]. Такие технологии могут включать в себя:

- беспрепятственный удаленный доступ ко всем государственным услугам и сервисам.
- осуществление электронного голосования по целому ряду вопросов.
- электронные выборы органов государственной власти и органов местного самоуправления.
- создание платформ развития гражданского общества, которые принимают участие в обсуждениях целого ряда вопросов общественно-политического и социально-экономического характера.

По мнению ряда исследователей, электронные технологии могут привести к сужению роли представительной демократии и возвращении к древним практикам прямой демократии [3]. И, действительно, отказ от прямой демократии в форме народных собраний (например, буле в Афинах) в пользу представительской демократии был связан с расширением государства, которое более не могло проводить собрания всех своих граждан на центральной площади. Вместе с тем, цифровизация позволяет убрать данное ограничение и вернуться к практикам прямой демократии.

Таким образом, если понятие электронного правительства связано, прежде всего с формами и методами улучшения функционирования действующего государственного аппарата, то понятие электронной демократии включает в себя достаточно радикальное изменение обще-

ственно-политического устройства, включающее в себя увеличение значения каждого гражданина при решении ключевых вопросов на государственном, региональном и муниципальном уровнях.

Моментом формирования в Российской Федерации «электронной демократии» считается дата создания федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002-2010 годы)», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65. [4]. В указанной программе были поставлены такие цели, как:

- повышение эффективности государственного управления, обеспечение оперативности и полноты контроля за деятельностью органов государственной власти;
- повышение качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти;
- повышение эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности органов государственной власти на основе организации межведомственного информационного обмена и обеспечения эффективного использования органами государственной власти информационных и телекоммуникационных технологий [4].

Основной целью указанной программы являлось создание системы «электронного правительства», с которой Российская Федерация успешно справилась.

В то же время, как справедливо отмечает И. А. Быков, концепция электронной демократии остается небесспорной в современном общественно-политическом дискурсе. Так, ряд специалистов считают, что электронная демократия, вместо активного участия граждан в государственном управлении, напротив, приведет к тому, что «Вместо активного участия в политических движениях и коллективного обсуждения политических проблем граждане «электронной демократии» замыкаются в частном мире политических представлений, формируемых электронными средствами массовой информации» [5]. Именно из-за вышеуказанного, государственные органы предпочитают использовать понятие «электронное правительство».

Кроме того, по мнению А. М. Боброва, так называемая «электронная демократия» может привести к выхолащиванию института демократии обществом без «реальной демократии», т. е. без осознания народом своего непосредственного участия в политической жизни, ведь реальная демократия заменена своей игровой, а следовательно — «иллюзорной» формой [6].

С данным утверждением мы не можем согласиться в силу того, что, признавая влияния технологий на формирование мнения людей, следует отметить, что такие технологии используются в любом обществе. Следовательно, с той же убедительностью можно считать «игровой» и нынешнюю представительную демократию, равно как и иные формы осуществления гражданами своей власти.

Безусловно, невозможно требовать от граждан полной компетенции во всех рассматриваемых вопросах, учитывая, что инструменты управления государством и обществом стали намного сложнее со времен Древней Греции, где применялась прямая демократия, однако даже в современном обществе никто не отрицает возможность использования механизмов прямой демократии. Так, в 2020 г. именно с помощью механизма прямой демократии, а именно всероссийского голосования, была окончательно утверждена новая редакция Основного Закона РФ. Таким образом, мнение народа по наиболее важным для государственного устройства вопросам было и остается решающим в любом демократическом обществе. Именно поэтому, не отрицая возможных манипуляций с системой электронной демократии, невозможно, тем не менее, полностью отрицать потенциал данной системы в вопросе развития народовластия в Российской Федерации.

Следует отметить, что развитие электронной демократии является не единственной, пусть и, возможно, наиболее важной задачей внедрения и расширения функционала электронного правительства. Помимо осуществления народовластия, механизмы электронного правительства также способствуют:

- ускорению доступа к государственным услугам. Именно этот компонент электронного правительства на сегодняшний день в Российской Федерации является основным. Быстрые и качественные административные услуги, предоставляемые государством напрямую не связаны с механизмом осуществления народовластия, находясь в рамках регулирования не конституционного, а административного права. Вместе с тем, улучшение доступности предоставления подобных услуг является важной задачей электронного правительства.

- антикоррупционное значение. Прозрачность и контролируемость процессов предоставления услуг в электронной форме приводит к резкому снижению коррупционной составляющей. Как отмечает И. А. Громов, примерно 50% факторов, порождающих высокий уровень восприятия коррупции, могут быть нейтрализованы за счет перевода государственных и муниципальных услуг в электронный формат [7]. Уменьшение коррупционной составляющей также способствует повышению доверия к государственным органам и положительным образом влияет на экономику Российской Федерации.

- экономическая эффективность. Перевод услуг в электронную форму позволяет существенно повысить их эффективность, следствием чего является уменьшение количества административных расходов [8].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что, понятие «электронная демократия» и понятие «электронное правительство» соотносятся как цель и средство. Безусловно, помимо внедрения институтов электронной демократии, электронное правительство преследует и другие вышеуказанные цели, однако именно развитие электронной демократии должно рассматриваться в качестве

основной цели развития электронного правительства. Необходимость увеличения функционала электронного правительства на сегодняшний день не оспаривается, в то время как качественный переход к электронной демократией остается дискуссионным вопросом. Вместе с тем, по нашему мнению, именно внедрение процедур электронного правительства накопит то необходимое количество изменений для осуществления данного качественного перехода к электронной демократии, как новой общественно-политической формации. Системы «электронного правительства» и «электронной демократии»

затрагивают интересы всех слоев населения, имеют комплексный характер, и они не могут быть решены только на уровне отдельных органов государственной власти. Исходя из этого развитие «электронного правительства» и «электронной демократии» необходимо проводить с привлечением в данный процесс представителей гражданских объединений и различных общественных организаций, представителей научного сообщества, органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также представителей средств массовой информации.

Литература:

1. Павленко, А. Н., Багаева А. П. Концепция электронного правительства // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-elektronnogo-pravitelstva> (дата обращения: 10.12.2021).
2. Омеличкин Олег Викторович Электронная демократия: понятие, проблемы // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57).
3. Скворцова, Т. В., Скворцов М. Г. Связь времен: от прямой демократии до кибердемократии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-7.
4. Мельникова, Т. С. Современное состояние развития электронного правительства и электронной демократии на федеральном и региональном уровне: контекст общественной потребности/Т. С. Мельникова // Информационная безопасность регионов. — 2015. — № 3 (20). — с. 30-37.
5. Быков, И. А. «Электронная демократия» vs «Электронное правительство»: концептуальное противостояние? // ПОЛИТЭКС. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-demokratiya-vs-elektronnnoe-pravitelstvo-kontseptualnoe-protivostoyanie> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Бобров, А. М. Еще раз к вопросу об определении понятий «Электронная демократия» и «Электронное правительство» // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2009. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-k-voprosu-ob-opredelenii-ponyatij-elektronnaya-demokratiya-i-elektronnnoe-pravitelstvo> (дата обращения: 10.12.2021).
7. Громов Иван Александрович Влияние цифровых решений в области государственных и муниципальных услуг на восприятие коррупции // Известия СПбГЭУ. 2019. № 6 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-resheniy-v-oblasti-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-na-voSPIriyatie-korruptsii> (дата обращения: 19.12.2021).
8. Джордано Даниэль Оливер, Понявина Мария Борисовна Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Бухгалтерский учет, анализ и аудит. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnnoe-pravitelstvo-i-tsifrovoye-gosudarstvo> (дата обращения: 19.12.2021).

Review and Outlook of the 20th Anniversary of the Implementation of China's Trust Law

Cao Yajun, doctoral student of Philosophy in Law (PhD)
Sun Yat-Sen University (People's Republic of China)

China's Trust Law is a high-level and unified trust system, which builds the legislative model and framework of China's trust system, and ends the history of no basic law put in place in China's trust practice. The promulgation of China's Trust Law, with many highlights, is of great significance to China's trust theory and practice. China's Trust Law, which has been implemented for 20 years, has played an important role in regulating the development of trust practice. However, in future revisions of China's Trust Law, it is necessary to broaden the scope of adjustment of the Trust Law, improve the rules on the trustee's obligations and responsibilities, improve the trust registration system, clarify the ownership of the trust property, and perfect the trust regulatory system.

Keywords: China's Trust Law, Trustee, Trustor, Trust Property.

Trust is one of the four major financial pillars in modern times. As an important financial service product, trust has the advantages of individualization and flexibility, and has an

important role in promoting economic development. The trust industry has a broad market prospect. China's Trust Law is a high-level and unified trust system, which builds the legisla-

tive model and framework of China's trust system, and ends the history of no basic law put in place in China's trust practice. China's Trust Law has been implemented for 20 years. Reviewing the background of the promulgation of China's Trust Law, summarizing the significance of its promulgation, examining its judicial application, and looking forward to its future development are of great significance to maintaining the vigor and vitality of China's Trust Law and regulating the development of trust practice.

I. Background and Significance of the Promulgation of China's Trust Law

(I) Background of the promulgation of China's Trust Law

Trusts entered China as early as more than a hundred years ago. From trusts controlled by foreigners, to trusts established by private capitalists, to government-run trusts, to reforms, new establishments, shrinking and suspension after the founding of the People's Republic of China, and to the resumption, chaos and rectification after the reform and opening-up, the trust industry has experienced a long and tortuous development process, which is closely related to the politics, economy, and culture of various periods. However, the vacancy of the legal system in the trust industry is undoubtedly an important reason for the failure of the trust industry to achieve steady development. Specifically, after the reform and opening up, various forms of trusts began to be established to open up financing channels. The trust industry, which had been suspended for 20 years in China, began to recover. Market demand drove the development of China's trust industry. The economy took precedence, but the system failed to keep up. Due to the regulatory gap, there were problems such as unclear trust business, chaotic trust management, and mixed trust and bank operations. From 1982 to 2001, China's trust industry underwent six rectifications. Later, after eight years of efforts of China's Trust Law legislators, China's Trust Law was promulgated and implemented in 2001.

Jiang Ping, professor of China University of Political Science and Law, pointed out that the Trust Law was promulgated under the following two important backgrounds: First, China's Civil Law system was being constructed and improved, especially that the property law was being enacted; second, the social structure was undergoing profound changes, and the economic development was in the process of globalization. [1, p. 3] The construction process of China's Civil Law system and economic globalization are important backgrounds for the promulgation of the Trust Law, while the actual needs of Chinese economic development are also the background for the promulgation of China's Trust Law. «After the reform and opening up, the economy continued to develop. Some regions became rich first, and the people accumulated surplus funds. China already had the material basis but still lacked the institutional basis for developing trusts.» [2, p. 80] In addition, the British trust system had been a history of more than 600 years and the United States had a developed trust industry and the increasingly improving trust legal system. Since the 20th century, Civil Law

Countries had also introduced trust systems and enacted Trust Law, as Japan and South Korea successively promulgated the Trust Law in 1922 and 1961 respectively, and China had already had trust practice, but it promulgated the Trust Law later than other Civil Law Countries, which was another background for the promulgation of China's Trust Law. [3, p. 53] Furthermore, from 1982 to 2001, the trust industry underwent six rectifications. The content of each rectification had its emphasis. A series of provisions were issued during the rectifications. Therefore, the problems found and experience accumulated in the six rectifications laid the foundation for the formulation and promulgation of China's Trust Law, which was a unique background for the promulgation of China's Trust Law.

(II) Significance of the promulgation of China's Trust Law

First, it is of positive significance to regulating the development of the trust industry and invigorating economic development. The trust system is a high-quality wealth manager. Before the promulgation of the Trust Law, there were some significant problems in the development of China's trust industry. The promulgation of the Trust Law is of great significance to solving such problems. First of all, the trust business was not clear and mixed with the banking business. «Most trusts handled the «trust business» as «credit business». Trusts remained in name only.» [4, p. 5] What's more, «provision of financial management services for customers» became «wealth accumulation with high interest rates» or even «illegal fundraising» in a disguised form. [5, p. 34] The trust business was seriously divorced from the nature of trust. The Trust Law, after promulgated, clarified the definition and types of trusts, distinguishing the trust business from credit business, and further realized the separate operation of the trust business and the credit business. At the same time, the Trust Law stipulated that «a trust must be set up for a legitimate trust purpose», to crack down on the acts of «wealth accumulation with high interest rates» and «illegal fundraising» in the name of trust. Secondly, the legal relationship of trusts was not clear. The Trust Law, after promulgated, stipulated the rights and obligations of trust parties, making the legal relationship of trusts clearer. Finally, the advantages of trusts failed to be fully used. The market demand for trusts was large. People could hand over their surplus property to professionals to obtain the economic benefits brought thereby. However, trusts before the promulgation of the Trust Law had narrow business scope. The Trust Law, after promulgated, stipulated issues such as the scope and independence of the trust property, and the reasons for the termination of a trust, highlighting the flexibility of trusts, which was of great significance to demonstrating the advantages of trusts.

Second, it is of significant significance to improving China's trust-related legal system. After the Trust Law was promulgated, «Two New Regulations» (namely the Administrative Measures for Trust Companies and the Administrative Measures for the Assembled Funds Trust Schemes of Trust Companies) were promulgated in 2017; In 2010, the Administra-

tive Measures for the Net Capital of Trust Companies were promulgated, and China's trust industry entered a period of regulation by «one Law and three Regulations», which was a positive significance to transforming the phenomena of «laggard legislation, ambiguous classification, Put the cart before the horse, conceptual confusion and legislative tilt» [6, p. 100-101] in China's trust industry before the promulgation of the Trust Law. At the same time, the Trust Law is the basic law and the basis for formulating other relevant laws and regulations. The promulgation of the Trust Law provides guidance and basis for formulating relevant laws and regulations of the trust. [7, p. 65]

Third, it is of positive significance for China to following the development trend of the world and integrating into the global economic market. «The investment trust in the Common Law system is irreplaceable by any system in the Civil Law system. By perfecting trust legislation, the unique role of this system can be played to promote enterprises to enter domestic and international markets.» [8, p. 76] British scholars said, «The trust system is the greatest system created by the United Kingdom.» The concept of trust originated from the «trust will» system in the Roman Law. [9, p. 76] Around the 13th century, British religious organizations established the «USE» system. [10, p. 117] In the middle of the 19th century, with the completion of the Industrial Revolution, British trust institutions were established one after another, and the trust system was formally established in the United Kingdom. From the late 18th century to the early 19th century, the United States introduced civil trusts from the United Kingdom. The United States developed the trust system from civil trusts to commercial trusts, and constructed a series of legal trust systems, which enabled the American trust system to function further, and the United States also became the most developed country in the trust industry in the world. At the beginning of the 20th century, Japan introduced the trust system from the United States. The trust industry developed rapidly in Japan, and the legal trust system was gradually improved. Japan became a country with a good development in the trust industry in the Civil Law system and a relatively sound legal trust system. China promulgated the Trust Law to promote the standardized development of the trust industry, which was the need to give full play to the advantages of the trust system to promote the further development of China's finance and to integrate into the financial development trend of the world.

II. Highlights of China's Trust Law

«China's Trust Law is a high-level and unified trust system that covers and applies to all property management activities.» [14, p. 14] The promulgation of China's Trust Law has brought China's trust industry into a new era in which there is a basic law to be followed. The legislative model, structure, and specific content of China's Trust Law have been repeatedly scrutinized, and China's Trust Law has remarkable highlights.

(I) Coordination between China's Trust Law and China's Civil Law

What is the relationship between China's Trust Law and China's Civil Law? At that time, some opinions questioned

whether it was necessary to enact China's Trust Law separately and «whether it was possible to include the provisions on trusts in the scope of China's Civil Law when the General Principles of China's Civil Law would be revised or China's Civil Code would be formulated in the future», [3, p. 54] so the relationship between China's Trust Law and China's Civil Law was an issue that needed to be thoughtfully considered when China's Trust Law was formulated. First of all, what is the legal relationship of trust? Undoubtedly, the legal relationship of trust is essentially a «legal relationship of civil property», because the legal relationship between the trustor, the trustee, and the beneficiary in the legal relationship of trust is equal, so it is the legal relationship of property between equal subjects. Secondly, is the legal relationship of trust the same as the legal relationship stipulated in China's Civil Law? Can the legal relationship of trust be classified into the property law or the law of obligation? [11, p. 119] In this regard, the mainstream view is that the legal relationship of trust covers both the legal relationship of property and the legal relationship of obligation. [3, p. 55] It covers the legal relationship of property as the trustee can manage and dispose of the property in its own name, and enjoy the exclusive real rights of the entrusted property; it covers the legal relationship of obligation as the beneficiary has the right to request the trustee to deliver the trust benefits, which is a legal relationship for people with the nature of obligatory claims. Finally, is there any relationship between China's Trust Law and China's Civil Law? As mentioned earlier, the legal relationship of trust is essentially a legal relationship of civil property, so China's Trust Law is a special law of China's Civil Law. The promulgation of China's Trust Law has coordinated the relationship between China's Trust Law and China's Civil Law, and enriched the content of China's Civil Law System. This is one of the highlights of China's Trust Law.

(II) China's Trust Law follows the trust legislative model of Civil Law System

«Building a legal framework for trust relations is the legal support for promoting the healthy development of China's trust industry.» [12, p. 107] At the beginning of the revision of the Trust Law, choosing what legislative model was a key issue. At that time, there were mainly two legislative models that could be used for reference in the world. One was the British model and the other was the Japanese model. The British model is manifested as a country's Trust Law composed of multiple separate laws on trusts. For example, the Trust Law of the United Kingdom is composed of the Trustee Law, the Society of Charitable Trustees Act, the Judicial Trustees Act, the National Trust Act, the Public Trustee Act, the Recognition of Trust Act, the National Trust Agency Act, the Public Trustee Remuneration Act, the Trustee Investment Act, and the Charitable Trust Confirmation Act. Canada, New Zealand, Australia, Louisiana in the United States, and Hong Kong in China all adopted this legislative model. [13, p. 62] The Japanese model was manifested as a unified code that covers the basic legal norms of each part of trusts and has an overall meaning. For example, Japan formulated the Trust Law, sup-

plemented by some separate laws, such as the Trust Industry Law, the Loan Trust Law, the Corporate Tax Law, and the Securities Exchange Law. South Korea and New York, California and Minnesota in the United States all adopted this legislative model. China's Trust Law learns from the legislative model of Civil Law System. China formulates a trust code named after the Trust Law and with overall and coordinated significance. This code establishes the basic framework of the Trust Law and includes the basic legal norms of trusts. Other separate trust laws formulated later according to actual needs need to be based on the Trust Law. Specific circumstances include «making separate provisions for several major trust products that are required by the society and the trusts are eligible to develop» and «making separate provisions for the management of trusts in different categories». [12, p. 107] Formulating a unified Trust Law conforms to the legislative tradition of China as a Civil Law Country and the legislative style of the Chinese legal system.

(III) China's Trust Law absorbs the trust legal principles of Common Law System

Chinese trust system is derived from western countries. When transplanting the Western trust law system, China formulated the Trust Law in light of its actual situation. China's Trust Law has largely absorbed the basic legal principles of the British and American trust systems, making China's trust system conform to the needs of China's practice while maintaining the essence of the trust system. Specifically, the basic legal principles of British and American trusts absorbed by China's Trust Law include: First, the principle of a legitimate trust purpose. [14, p. 12] Article 6 of China's Trust Law stipulates: «A trust must be set up for a legitimate trust purpose». China's trust system not only affirms the autonomy of the parties» will, but also follows the British legal motto that «a person who does not comply with the law cannot request legal protection». Second, the principle of trust publicity. «The principle of trust publicity balances between the personality of the trust property and the protection of the interests of third parties.» [15, p. 103] The trust laws of the United States and the United Kingdom stipulate a publicity system for the trust property, and Article 10 of China's Trust Law stipulates that the establishment of a trust shall be registered, embodying the principle of trust publicity in the British and American trust principles. Third, the independence of the trust property. Article 17 of the Trust Law stipulates that the trust property shall not be enforced unless it is an obligation created for the trust property before the trust is set up, or a debt incurred from the trustee's handling of the trust affairs or the trust property's due taxes. In the British and American trust systems, the principle of independence of the trust property is an important principle in the trust systems. Fourth, the inheritance of the trust property. Article 48 of the Trust Law stipulates that, unless there are restrictive provisions in the trust document, the beneficial right of the trust of the beneficiary may be transferred and inherited in accordance with laws. This is also provided for in the British and American trust systems.

(IV) China's Trust Law contains China's original provisions

Zhang Chun, professor of Nanjing University Law School, points out that part of China's Trust Law is drawn from the trust laws of the four countries, namely the United Kingdom, the United States, Japan and South Korea, but some important rules are created by China, which are conspicuous by acting differently in the history of trust legislation in the world. [16, p. 111] He compared China's Trust Law with the Restatement of the United States' Trust Law and Japan's Trust Law, and summarized the original provisions of China's Trust Law. In summary: First, in terms of trust establishment, China's original provisions include «specifying a trust contract as a consensual contract» and «determining the registration as the condition for validating a trust». As far as «specifying a trust contract as a consensual contract», the United States and Japan have adopted the theory of real contracts. The traditional theory of western Civil Law is to specify a paid contract as a consensual contract and a free contract as a real contract, even though the trust system at the beginning of its rise was dominated by free civil trusts, but later paid commercial trusts gradually emerged. Therefore, China's stipulation of a trust contract as a consensual contract meets the needs of traditional Civil Law theory and practice. As far as «determining registration as the condition for validating a trust», the United States' Trust Law does not provide for this. Japan's Trust Law specifies registration as the condition for countering a trust. China's these provisions are intended to «implement national supervision of relevant trusts». Second, in terms of the trust property, China's Trust Law stipulates that the trust property for which the trustor is the only or joint beneficiary shall be deemed as the heritage or liquidation property of the trustor when the trustor loses his/her personality.

III. Judicial Application of China's Trust Law

China's Trust Law has many highlights, but there is no perfect law in the world. New problems and challenges in practice make the original legislative foundation change. Rethinking of judicial application is an important way to promote the continuous improvement of law. The 20th anniversary of China's Trust Law plays an important normative role in its implementation, but it has also exposed something to be improved. For example, the limitations of the scope of adjustment of China's Trust Law and the ambiguity of trustee's constraint rules in the commercial trust. These issues need to be improved in the future revision of China's Trust Law.

(I) Limitation of the adjustment scope of China's Trust Law

«A trust is a transaction about how trust assets are managed and distributed.» [17, p. 627] According to the relevant cases, there are many cases not in the name of trust in practice, but in fact there is the reality of trust. Of course, courts often do not apply the Trust Law to judge these cases, and more apply the Contract Law to judge these cases. But these so called «asset entrusted management contract» «entrusted financial contract» «entrusted contract» «entrusted investment contract»

«cooperative investment agreement», and even part of the cases are «loan contract», in fact, these are trust, but the trust rules are less applicable in the virtual trust legal relationship. There is a typical cases, «Wuyi Industrial Company v. Tianli Investment Company», which is a financial management contract dispute, which's the second instance judged by the Supreme People's Court of China. In this case, Wuyi Company and Fujian China Construction Engineering Company, as the entrusting party, have signed a series of contracts with Tianli Investment Consulting Company and Tianli Investment Company, including a series of Treasury Bond Entrusted Management Contract, Cooperative Investment Agreement and Asset Entrusted Management Contract, Each contract provides a minimum return of principal and annual return of 13% — 15%. The trustor entrusted a total of 160 million yuan of Treasury bonds to the trustee for asset management. Afterwards, the trustee cannot repay the principal and pay the guaranteed income within the period agreed in the contract. Therefore, the trustor and the trustee have signed the «160 million yuan Debt Payment Agreement» and the «Payment Agreement». However, the trustee is still unable to repay the principal and interest under the two repayment agreements. Then the trustor sued. [18, p. 3-5]

The focus discussion in this case is the nature of the nineteen underlying contracts, which the trustee asserted that the nature is loan contract, intended to negate the effect of the guaranteed income clauses in the 19 contracts. In this regard, Fujian Province High People's Court, as the court of the first instance, believes that lending relationship is the borrower transfers currency ownership to the other party in the contract, but the bond ownership in this case of the 19 contracts did not transfer, the trustee can freely manage the assets in the trustor's account, so the nature of the 19 contracts is entrusted financial contract. [18, p. 5] The author believes that the 19 contracts are typical trust legal relationships, which are essentially property management behavior adjusted by the Trust Law, since the trustee management assets to make income, and the trustee also actually occupy the underlying assets, operating assets, collecting the income of the underlying assets. There is a trust relationship between the two parties in the contract, and the trustee undertakes the trust obligation, so the 19 contract is trust contract. Besides, in the 19 trust legal relationship, the trustor is the beneficiary, therefore, this trust contract belongs to the self-beneficial trust.

With the rapid development of China's economy, people's property income increases, and the demand of entrusted financial management has also increased significantly, but there are many disputes about the legal nature of entrusted financial management contracts. Li Yongxiang, judge of the Supreme People's Court of People's Republic of China, proposed in the Trial Decree of Entrusted Financial Management Cases, «Entrusted financial management is an independent legal relationship, and it is a new property management system.» [19, p. 62] There are also views that entrusted financial management should be divided into two different legal norms, as «entrusted» and «trust». [20, p. 92] Others believe that «the es-

sence of entrusted financial management is a complex property management arrangement, there is an urgent need to unify the legal norms and standards to effectively protect the rights and interests of investors, which can only be interpreted under the rules of Trust Law.» [21, p. 77] Admittedly, entrust professionals or professional institutions to conduct property management, this is the adjustment object of the Trust Law. Trust Law is flexible enough to adjust all kinds of entrusted financial legal relations. Trust Law contains the trustee's investment obligations, standardizes the trustee's investment right as well as the trustee's clear and strict responsibility, which is more conducive to the protection of the rights and interests of the trustor and beneficiaries, so it is feasible and necessary to adjust by Trust Law. Trust has strong flexibility, since movable property, real estate, tangible assets and intangible assets can all be entrusted. In practice, there are a large number of real trust legal relationships without the name of trust. For these real trust, while the trustee violate the trust, the responsibility rules of trustee should also be applied.

(II) Ambiguity of trustee's constraint rules in China's Trust Law

From the perspective of the classification of trust, commercial trust is the main form of trust in China. Scholars have made different definitions regarding the commercial trust. Lai Yuanhe and Wang Zhicheng, Professors of Taiwan University Law School, believe that commercial trust refers to «the investor does not operate the business in the way of establishing a company, but in the way of trust. The trustee undertake the overall management, in order to operate specific undertakings. The investor, as the beneficiary, receives the distribution of the proceeds of the trust property.» [22, p. 41] Wang Wenyu, Professor of Taiwan University Law School, views that, «commercial trust is different from the traditional meaning of private trust or gift transfer behavior. A typical commercial trust usually does not involve that the trustor buy securities and transfer specific property to the trustee for the interests of his wife and children, but more for the trustors themselves» interests.» [23, p. 26] Liu Zhengfeng, professor of Yangzhou University, believes that, «the commercial trust is a private benefit trust organized by the trustee for business purposes, and the trust property is raised and operated by the trustee in commercial form.» [24, p. 17] Above are some typical definitions of Chinese scholars about commercial trust. From the above scholars» views about commercial trust, two basic characteristics of commercial trust can be roughly summarized: Self-beneficial and Commercial. Self-beneficial refers to the trustor sets up trust for their own interests. Commercial refers to the trustee is a commercial organization, specially engaged in trust investment. Therefore, pension trust, real estate trust, asset and securities trust can be classified as commercial trust, while trusts for the interests of spouses, children and other family members do not belong to the category of commercial trust. Trust are widely used in British and American countries, and family property management and transfer are the main types of trust. In China, asset trust is commonly used in practice, is the main kind of

trust, and the use of family trust is relatively low, real estate trust, pension trust and other commercial trust in practice is higher than the use of family trust, as commercial trust is the main kind of trust in China.

«The existence of trust default depends on the trust behavior, not the investment performance.» [25, p. 1181] It is behavior, not performance, as long as the investment decision is appropriate, the trustee is not responsible for the consequences. However, one significant feature of China's commercial trust that can be summarized from the relevant commercial trust cases is that, in the commercial trust, the trustor attaches great importance to the investment performance of the trustee and ignores the investment behavior of the trustee. Before the implementation of strong regulatory measures in China's securities market, it was a common practice to attach guaranteed income clauses or rigid payment clauses in commercial trusts. For trusts with additional guaranteed income clauses or rigid payment clauses, while the trustee cannot realize the minimum income clauses or rigid payment clauses, the beneficiary sued the trustee, and the litigation focus on whether the guaranteed income clauses or rigid payment clauses are effective. If these clauses are effective, then the issue focus on the trustee's investment performance whether meet the expectations and damaged the beneficiary's rights, but less evaluate the trustee's investment behavior whether is appropriate from the financial analysis, also less analyze the trustee's investment behavior whether violated the prudent investment obligations. In China's current commercial trust cases, heavy the trustee's investment performance and light trustee's investment behavior, this thinking mode reflects the fiduciary obligation, as the foundation of trust, did not totally penetrate into the the judicial judgment of commercial trust, which also reflects the value orientation in current commercial trust that the value of efficiency is higher than the value of security. The prudent investment obligation of trustee is an external manifestation of the trust fiduciary obligation, which contains the value of safety as well as the value of efficiency, and emphasizes that the value of safety is higher than the value of efficiency. Therefore, the phenomenon of emphasizing the trust-

ee's investment performance over the investment behavior also reflects that the trustee's prudent investment obligation, an important part of trust, has been marginalized in trust judicial practice. Trust legal relationship contains its own particularity as well as the generality of contract, trust judicial practice regarded the trust disputes as contract cases, accustomed to adapt the general rules of contract to trust legal relationship. But the abstract rules of trustee's obligations and responsibilities, that haven't form into the specific judgment rules, are difficult to be reflected in the trust judicial practice.

IV. Conclusion: Outlook of China's Trust Law

Derived from foreign countries, trusts started relatively late in China and experienced a period of inadaptability and chaos. Thanks to the efforts of Chinese Trust Law scholars, China promulgated the much-anticipated Trust Law in 2001. Although it is decades later than the United Kingdom, the United States and Japan, China's Trust Law pools the wisdom and painstaking effort of Chinese Trust Law legislators. China's Trust Law generally stipulates trust-related systems, with many highlights and some shortcomings. China's Trust Law has been implemented for 20 years. With the continuous development of society and the further development of China's trust industry, it is necessary to enact relevant laws and regulations for the legal vacuum in the field of trust, clarify the legal norms, and improve the legal norms that have caused many disputes and refutations. Revising China's Trust Law has become one of the hot topics discussed by Chinese Trust Law scholars.

Looking back on the past and looking forward to the future, this is the foundation for the continuation of all departmental laws. The legal basis is the root cause why the trust can become one of the four financial pillars that accommodate human wisdom and unlimited imagination, and a scientific legal system can promote the thriving development of the trust industry. In future revisions of China's Trust Law, it is necessary to broaden the scope of adjustment of the Trust Law, improve the rules on the trustee's obligations and responsibilities, improve the trust registration system, clarify the ownership of the trust property, and perfect the trust regulatory system.

References:

1. Jiang Ping, «The Application Prospect of Trust in China», Law, Issue 1, 2005.
2. Xiao Fu, «Some Thoughts on Trust Legislation», Forum on Political Science and Law (Journal of China University of Political Science and Law), Issue 4, 1998.
3. Jiang Ping, Zhou Xiaoming, «Trust Legislation in China», Chinese Law, Issue 6, 1994.
4. Zeng Hui, Huang Hui, «Enactment and Implementation of China's Trust Law and Development of China's Trust Market», Finance and Economy, Issue 11, 2001.
5. Lei Xiaoyang, «Trust Law: Bring good news to the stock market?», Finance, Issue 6, 2001.
6. Cai Qinghui, «Improvement of the Status and Legislation of China's Trust Legal System», Southeast Academic, Issue 6, 1998.
7. Guo Dexiang, «My Views on the Legislation of Trust Law of the People's Republic of China», Zhengzhou University Journal (Philosophy and Social Sciences Edition), Issue 5, 2003.
8. Liu Shiguo, «Several Issues in Improving China's Trust Law», Legal Science, Issue 4, 1993.
9. Hu Dazhan, «Origin and Development of Trust Law», Jurist, Issue 4, 2001.
10. Geng Yong, «Origin and Evolution of the Trust in Britain», Historic Monthly, Issue 4, 1999.
11. Li Qunxing, «Legal Nature and Basic Concepts of Trust Law», Research on Law, Issue 3, 2000.

12. Huang Laiji, «Research on Building Chinese Legal Framework of Trust Relations», Politics and Law, Issue 6, 2002.
13. Zhang Chun, «The Overall Thinking on the Formulation of Chinese Trust Law», Modern Law, Issue 3, 1995.
14. Xia Bin, «Trust Law, the Basic Law for regulating the Property Management System», the Comparison of Economic and Social Systems, Issue 4, 2001.
15. Geng Lihang, «Trust Property and China Trust Law», Forum on Political Science and Law (Journal of China University of Political Science and Law), Issue 1, 2004.
16. Zhang Chun, «Creative Provisions and Evaluation of Trust Law of the People's Republic of China», Law Science, Issue 2, 2002.
17. John H. Langbein, «The Contractarian Basis of the Law of Trusts», 105 Yale L. J. 625 (1995).
18. He Baoyu, «Case Evaluation of Trust Law», China Legal Publishing House, 2016.
19. Li Yongxiang, «Trial Decree of Entrusted Financial Management Cases», People's Court Press, 2005.
20. Yang Hong, «Analysis of the Legal Nature of Entrusted Financial Management», The Journal of Fuzhou University (Philosophy and Social Sciences Edition), Issue 6, 2008.
21. Chen Lin, «Analysis of the legal nature of entrusted financial management», People's Justice, Issue 19, 2009.
22. Lai Yuanhe, Wang Zhicheng, «Modern Trust Law (Additional Third Edition)», China University of Political Science and Law Press, 2002.
23. Wang Wenyu, «Principles of Trust Law and Legal System of Commercial Trust», Law Review of Taiwan University, Volume 29, No. 2, 2001.
24. Liu Zhengfeng, «Research on the American Business Trust Law», China University of Political Science and Law Press, 2009.
25. Edward C. Halbach, Jr. «Trust Investment Law in the Third Restatement», 77 Iowa L. Rev. 1151 (1992).

Меры правового принуждения и ответственности, применяемые к иностранцам на территории Германии

Шабурова Анастасия Николаевна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье автором рассматриваются особенности пребывания на территории Германии иностранных граждан и лиц без гражданства, анализируются меры правового принуждения и ответственности, применяемые к этой категории граждан на территории Германии.

Ключевые слова: иностранные граждане, лица без гражданства, порядок пребывания, ответственность.

Иностранцы, проживающие на территории Германии, обладают определенным правовым статусом. Иностранцем может быть любое лицо, которое не имеет немецкого гражданства. Правовой статус таких лиц определяется Законом о пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранцев в ФРГ (Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz — AufenthG).

Существует различие между гражданами Европейского союза и гражданами третьих стран. Так, к гражданам Европейского союза относят граждан других стран-членов ЕС. Граждане третьих стран — это граждане всех стран, которые не входят в состав ЕС. Следует также упомянуть особую группу — иностранцы, просящие у Германии политического убежища [4].

Институт правового статуса беженца в Германии начал существование после поражения Германии во Второй мировой войне. Для восстановления страны, необходимо

было привлечь рабочую силу из других стран. В частности, в 60-х годах XX века «правительство Германии заключило соглашение с Турцией о привлечении рабочей силы, в результате чего в страну стали приезжать десятки тысяч турецких гастарбайтеров» [5]. Приезжающие в страну граждане Турции, Польши и других стран, начиная работать в Германии, впоследствии оставались в стране, получая вид на жительство, а впоследствии и гражданство.

Начиная с 2015 года, в результате военных конфликтов, происходящих в странах Африки и Ближнего Востока, Германия открыла свои границы для беженцев.

Порядок въезда и выезда иностранных граждан на территорию Германии предусмотрен нормами Закона о пребывании иностранцев в Германии (Aufenthaltsgesetz).

1 августа 2015 года вступили в силу изменения в Закон о пребывании иностранцев ФРГ, и данные изменения вызвали много споров, как среди правозащитных органи-

заций, так и среди юристов. С одной стороны, законопроект нацелен на улучшение правового статуса людей без законного разрешения на пребывание, которые нуждаются в защите или интегрировались в немецкое общество. Новые правила также предусматривали быструю легализацию пребывания хорошо интегрированных несовершеннолетних иностранцев. Но с другой стороны поправки в закон также предусматривали облегченную процедуру принудительной депортации из страны иностранцев, которые не имеют законного статуса пребывания в стране.

В современной Германии преступность среди мигрантов имеет высокий уровень. Федеральное ведомство криминальной полиции Германии регулярно публикует отчет о преступлениях и их видах среди мигрантов. Так, за 2017-2018 годы «Преступность в контексте миграции/ВКА — Kriminalität im Kontext der Zuwanderung», можно условно разделить все неправомерные деяния на две базовые категории: преступления, совершаемые мигрантами, и преступления против них.

В первом квартале 2017 года было совершено 203900 преступлений, а за этот же период 2018 года — 202700, что говорит о снижении числа преступлений по сравнению с прошлым годом.

По статистике 27% от общего количества совершаемых мигрантами преступлений приходится на имущественные преступления и преступления в сфере контрафактной продукции. 24% составляют хулиганские действия и преступления против личной свободы. Преступления сексуального характера составляют не более 2% от общего числа преступлений. И лишь 0,15% всех преступлений — это преступления против жизни.

В 2017 году 112 граждан Германии подверглись покушению на убийство со стороны мигрантов, 13 из них были убиты. Каждый день германские СМИ сообщают о факте убийства, разбоя или изнасилования, в том числе группового [8].

Нарушителями физическими лицами могут быть не только мигранты, но и должностные лица, действия которых повлекли нарушение миграционного законодательства.

Среди санкций, применяемых к нарушившим право мигрантам, наиболее часто встречается материальное принуждение в виде штрафа. В Германии административный штраф преобладает и среди других мер ответственности. Наибольший интерес заслуживают такие санкции, как удаление с территории страны иностранцев.

Депортация (*Abschiebung*) иностранного гражданина с территории Германии является мерой ответственности за нарушение следующих норм миграционного законодательства:

- незаконно въехал на территорию страны;
- не подал заявку на вид на жительство, не подал заявку на продление вида на жительство; не получил разрешение на проживание [2, § 58];

— на основании решения о возвращении, принятого другим государством-членом Европейского Союза [1, ст. 3].

— Надзор за выездом требуется, если иностранный гражданин находится в следующих ситуациях:

- находится в заключении по судебному решению или в другом месте содержания;
- не уехал в течение разрешенного срока на выезд;
- должен быть выдворен на основании особо серьезного повода для высылки в соответствии с §54 абзац 1 в сочетании с §53 [2];
- не имеет средств к существованию;
- не имеет паспорта или заменителя паспорта;
- указал неправильные сведения или отказался предоставить информацию иммиграционным властям с целью обмана [6].

Решение по высылке принимаются ведомствами по иностранцам (*Ausländerbehörde*). Процедура высылки исполняется органами полиции. В зависимости от случая, это может быть федеральная (*Bundespolizei*) или земельная полиция (*Landespolizei*). Власти могут также подать заявку на судебное постановление о содержании под стражей до репатриации, если у них есть доказательства того, что депортируемый намерен скрываться, чтобы избежать депортации. Это «содержание» может продолжаться до 18 месяцев, и его обычно применяют к иностранным гражданам, которые были осуждены за тяжкое преступление.

Меры принуждения административно-правовые и уголовно-правовые, которые дают основания для выдворения иностранца:

- совершение тяжких преступлений;
- употребление наркотических средств;
- совершил одно или несколько правонарушений на территории Германии.

Депортация для иностранного гражданина с территории Германии, влечет за собой автоматический запрет на въезд (*Einreiseverbot*) в Германию и другие страны Европейского союза. Длительность запретного срока устанавливает компетентное ведомство, срок зависит от индивидуальных обстоятельств конкретного дела. Максимальный законный срок запрета на въезд составляет до 10 лет. Личные данные депортированных иностранцев заносят в национальный реестр по учёту иностранцев (*AZR*) и в шенгенскую информационную систему (*SIS*). Повторный въезд на территорию Германии, при наличии запрета на въезд, карается уголовным преследованием.

Если иностранец не имеет законных оснований для нахождения на территории Германии, то он не имеет права в законном порядке:

- арендовать жилье, т.к. арендатор обязан зарегистрироваться по месту жительства, что недоступно нелегальному мигранту. За аренду жилья с помощью третьего лица грозит ответственность за подделку документов от денежного штрафа до пяти лет лишения свободы [3, § 267];

— получить медицинскую помощь, т.к. не имеет возможности получить медицинскую страховку. При этом иностранный гражданин без страховки может получить медицинскую помощь с помощью ведомства Sozialamt, однако об отсутствии у него законных оснований находиться на территории ФРГ тут же сообщат в миграционную службу;

— получить образование, как взрослому, так и ребенку. Учеба в школе и детском саду для ребенка мигранта,

в основном, доступна только при наличии легального статуса;

— получить высшее образование в ВУЗе ФРГ.

Таким образом, меры правового принуждения и ответственности, применяемые к иностранцам на территории Германии, варьируются, как от наличия препятствий к ведению полноценной жизнедеятельности, так и вполне конкретных мер гражданской и уголовной ответственности, а также возможности депортации.

Литература:

1. Директива 2001/40/ЕС Совета от 28 мая 2001 г. О взаимном признании решений о возвращении граждан третьих стран (OJ EC No. L 149 p. 34).
2. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet § 58
3. Strafgesetzbuch, StGB. <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>
4. Гаврилова, Л. В. Административно-деликтное законодательство Федеральной Республики Германии: значение законодательного опыта ФРГ для Российской Федерации. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. с. 96
5. Кучеров, М. Ю. «Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее?» Власть, №. 4, 2020, с. 58-64.
6. «Эти люди чужды и опасны». Германия приняла миллионы мигрантов и беженцев. Как они меняют страну и немцев? https://lenta.ru/articles/2021/08/01/migrants_germany/ (дата обращения 10.11.2021)
7. Институт административного выдворения (депортации) иностранных граждан (подданных) и лиц без гражданства. Зарубежная практика конституционного контроля. Управление международных связей и обобщения практики конституционного контроля. КСРФ. 2017 г.
8. ВКА — crime in the context of immigration. National situation. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/KriminalitaetImKontextVonZuwanderung_2017.pdf

Прокурорская деятельность в условиях цифровизации

Юмакулова Найля Алиевна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

В статье автор проводит обзорный анализ действующего законодательства в сфере прокурорской деятельности в условиях цифровизации. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: Прокуратура, прокурорская деятельность, цифровизация.

Сегодня особую роль в общественной жизни занимают цифровые технологии, которые, в свою очередь, делают более эффективной любую деятельность ранее не представленной в цифровой среде. Процесс цифровизации коснулся уже многих сфер общественной жизни, не исключением является также прокуратура. Вместе с тем, цифровизация прокурорской деятельности сопряжена с рядом сложностей и проблем, что и предопределило тему исследования.

Цифровизация прокурорской деятельности позволила повысить эффективность обеспечения законности на территории Российской Федерации, повысило эффективность и скорость реагирования прокуратуры на современные вызовы и проблемы. Так, А. А. Арямов и Е. О. Руева в своем исследовании указывают, что «со второй половины 2018 г. прокуратура получила возможность на основе анализа информации, полученной из цифровых ре-

сурсов, осуществлять надзор за расходами и проводить соответствующие проверочные мероприятия в отношении бывших государственных служащих, уволенных в ходе ранее проведенных проверок» [1].

С. М. Зубарев, исследуя цифровизацию как правовой феномен, указывает, что «цифровизацию можно рассматривать как процесс применения цифровых технологий в различных сферах, тогда как цифровая трансформация предполагает наступление конкретных результатов от их применения. Именно в таком контексте дано определение указанного понятия в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года»: «Цифровая трансформация» — проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но и в принци-

пиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов». Процесс цифровизации и цифровая трансформация не могут не затронуть и сферу государственного управления. По нашему мнению, цифровизация государственного управления — это процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства. При этом цифровая трансформация предполагает наступление конкретных социально значимых результатов от применения цифровых технологий в государственном управлении» [2].

О.В. Танимов указывает, что «в настоящий момент не существует единого понятия цифровизации. В контексте права цифровизацию можно рассмотреть как естественный феномен, возникающий на пути развития правовой системы. Она, можно сказать, стирает грани между отраслями права, ведь информация и технологии присутствуют уже в каждой отрасли. Они постепенно становятся общим знаменателем и способны определять единую логику права. Термин «цифровизация» в последнее время стал часто появляться не только в материалах специализированных исследований, но и в официальных документах государственных органов. Он имеет различные значения. В техническом смысле цифровизация (digitization) — преобразование информации в цифровую форму. На технологическом языке это звучит так: цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы. Не будем вникать в тонкости данного процесса, т.к. его сущность не является целью нашего исследования. В контексте данной статьи предлагаем под цифровизацией понимать процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности (отрасли народного хозяйства) посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений» [3].

С.Д. Белов приходит к выводу о том, что «процесс цифровизации прокурорского надзора — это составная часть закономерного и неизбежного процесса реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации», направленной на форсированную цифровизацию государственного управления. Согласно этой программе, к 2024 г. планируется создание и функционирование цифровых платформ для различных областей экономики

(цифровое образование, цифровое здравоохранение, «Умный город» и т.д.). Для повышения эффективности надзора путем внедрения совместных и перспективных информационных технологий обработки первичной информации во всех видах надзорной деятельности необходима также цифровая трансформация органов МВД, Росгвардии, МЧС, ФССП, а также контрольно-надзорных органов. Как видится, итогом этой работы должно стать создание цифровой платформы прокуратуры, правоохранительных и контрольно-надзорных органов — «Цифровая правоохрана». Этот тезис становится наиболее очевидным на примере реализации межотраслевого принципа неотвратимости наказания» [4].

Ю.О. Карпышева приходит к выводу, что «внедрение в деятельность прокурора информационных систем, в том числе ГАС ПС, обусловлено развитием технологий, общества и государства. Вместе с тем сейчас этот процесс не так совершенен, как хотелось бы. Во-первых, не всегда обучение работе с ГАС ПС проходит в формате, который позволяет досконально разъяснить все ее особенности. Есть случаи возложения на прокурорских работников обязанности внесения сведений в ГАС ПС, однако при этом обучение они не проходят, что значительно сказывается на качестве такой работы. Во-вторых, по мнению подавляющего большинства прокурорских работников, ГАС ПС сложна и неудобна в использовании. В-третьих, прокуроры отмечают недостатки в ГАС ПС как программе, что усугубляется нестабильной, некачественной работой Интернета. Один из самых значимых недостатков — необходимость тратить большое количество времени на внесение в программу данных, тогда как на саму работу прокурор вынужден тратить времени гораздо меньше. И, в-четвертых, по мнению прокурорских работников, ГАС ПС и порядок ее использования нуждаются в оптимизации. Наиболее приемлемым способом решения многих проблем, связанных с работой в ГАС ПС, видится возложение обязанности по внесению в нее необходимых сведений на специального сотрудника, который должен быть в каждой прокуратуре. Это сократит количество лиц, подлежащих обучению, и значительно разгрузит и без того перегруженных работой прокуроров, позволив им больше времени тратить на осуществление своих непосредственных должностных обязанностей» [5].

Таким образом, прокурорская деятельность требует дальнейшего правового обеспечения, так как потенциал цифровизации еще не раскрыт в деятельности обеспечения законности в Российской Федерации.

Литература:

1. Арямов, А.А., Руева Е.О. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: отечественный опыт // Российский следователь. — 2021. — № 8. — с. 57-60.
2. Зубарев, С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 6. — с. 23-32.
3. Танимов, О.В. Трансформация правоотношений в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 2. — с. 11-18.

4. Белов, С. Д. Цифровизация прокурорского надзора и вопросы взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными и контрольно-надзорными органами // Законность. — 2018. — № 8. — с. 3-6.
5. Карпышева, Ю. О. Проблемы и перспективы использования государственной автоматизированной системы правовой статистики в работе прокурора // Законность. — 2021. — № 12. — с. 25-27.

ИСТОРИЯ

Специфика феодализма в государствах крестоносцев на Ближнем Востоке в XII веке

Бит-Савва Жаклин Эдуардовна, магистр
Московский педагогический государственный университет

Большая часть крестоносцев вышла из среды французского рыцарства, поэтому новые государства, сложившиеся на Ближнем Востоке в первом десятилетии XII в., на первый взгляд представляли из себя уменьшенную копию Французского королевства. Из четырёх крупнейших крестоносных государств — Иерусалимского королевства, графств Эдессы, Триполи только княжество Антиохийское было основано норманнами, но уже спустя два поколения и тут стала править династия французских феодалов.

Новые государи обосновывали свою власть либо правом меча (как в Эдесском графстве), либо путём избрания на трон из феодальной среды (как произошло в Иерусалиме).

Иерусалимское королевство представляет из себя превосходный пример крестоносного государства. Его устройство является наиболее изученным благодаря сборнику права, т. н. «Иерусалимским ассизам». Термин «ассиза» означает не только «законодательное решение, установленное королем и его людьми», но и судебное решение, прецедент. Сами ассизы являются в основном именно кодифицированными судебными решениями, а не продуманным актом законотворчества: «Обратив большое внимание и сильно стремясь к тому, чтобы поставить свое королевство на степень благосостояния и чтобы его вассалы, и его народ, и всякого рода люди, прибывающие и остающиеся в упомянутом королевстве, были охраняемы, управляемы, содержимы, руководимы и судимы по праву и по разуму, он избрал, по совету патриарха святого города и церкви Иерусалимской, и по совету князей, баронов и старейшин, мужей сведущих, каких он мог тогда иметь для распроса и разузнания у жителей различных земель, каковы были обычаи в их земле» [1].

Первый правитель королевства, герцог Нижней Лотарингии Готфрид Бульонский, был избран собранием великих сеньоров, осаждавших Иерусалим. Его зависимость от иерусалимских баронов была небольшой, ведь крупные феодалы по окончании похода предпочли вернуться на родину, в то время как мелкие получили свои феффы из рук

Готфрида и его наследников. Бароны не являлись королевскими выборщиками; наоборот, получая земли из рук короля, они приносили ему клятву верности [2, с. 84].

Система феодальных должностей также копировала французскую. Сенешаль, ведущее лицо в этой иерархии, занимался вопросами правосудия и казны, заменял короля во время его отсутствия, являлся церемониймейстером, назначал судей и чиновников (балы и писцы), инспектировал оборонительные сооружения.

Во Франции сенешали лишь укрепляли своё положение, но в силу пограничного характера Иерусалимского королевства и постоянную угрозу со стороны мусульман ведущую роль стал играть коннетабль. Именно ему, а не сенешалю, подчинялись кастеляны, коменданты крепостей. Т. к. именно коннетабль заменял короля по военным вопросам, он являлся фактическим вице-королем. В его руках находилось феодальное ополчение, назначение командующих, обеспечение порядка в вооруженных силах, установление границ доменов. Помощник коннетабля, маршал, занимался вопросами военного снабжения.

Канцлер, ведающий внешними сношениями королевства, традиционно избирался из числа высшего духовенства. Королевским доменом и личными финансами короля управляли камергеры.

Все эти должности представляли из себя т. н. «великие чины».

Существовали и более мелкие, но также значимые должности — виконты, мафезепы (полицейские), логофеты (секретари), балы цепи (портовые чиновники), существовавшие на Западе, так и уникальные, вроде туркопольера — начальника туркополов, туземной вспомогательной кавалерии, или драгомана — переводчика.

«Иерусалимским королям помогал править «Парламент», (одновременно высший суд и орган вотирования налогов), служивший им советом. Все эти институты вместе обеспечивали королевству довольно разветвленную администрацию, чья «эффективность» была на порядок выше, чем у администрации большинства западноевропейских государств в ту же эпоху» [3, с. 99].

Парламент состоял из двух палат, Верхней, где председательствовал лично король, и палаты Граждан, где король замещал назначаемый им из среды баронов виконт. Граждане судились сугубо в своей палате.

Однако такое устройство управления исключало из него туземное население, как мусульманское, так и христианское. В результате Готфрид учредил и Сирийскую палату, которая вела суд согласно местным обычаям, за исключением дел крови (убийств и членовредительств), а также дел, находящихся в юрисдикции палаты Граждан.

На уровне деревень местное население также сохраняло самоуправление. В каждой общине избирался староста — раис.

Палаты отражают сословное деление королевства и судебное самоуправление сословий. Вопреки французским традициям, в Верхней палате короля замещал коннетабль, а не сенешаль. Стоит отметить, что административный аппарат за XII в. почти не претерпел изменений, в отличие от государств Европы.

Существование палаты Граждан отдельно от Сирийской палаты очень важно. Этот факт демонстрирует, что в XII в. на Святую землю шёл поток как сельских переселенцев, так и горожан. Итальянские и французские колонисты не только заселяли уже существовавшие города или отдельные кварталы, но и основывали новые городские поселения. Важное торговое значение Леванта, обилие дорогих туземных товаров позволило им быстро обогатиться. Подписи городских парламентариев соседствуют на законодательных актах с подписями духовенства и баронов. Таким образом, только сельское население не было воспроизведено в точности по французской модели, а города и феодалы взаимно уравновешивали друг друга в королевстве, оставляя широкий простор для манёвра центральной власти.

При этом горожане также несли военную службу, и, в отличие от Европы, могли владеть и деревнями. Сержанты, как правило, набирались именно из городской, а не сельской среды, как это было во Франции.

Немногочисленные переселенцы, избравшие своей стезей сельское хозяйство, получали участки на условиях несения военной службы. При этом переселенцы становились лично свободными.

Фронтирное положение крестоносных государств привело на первых порах к повышению социальной мобильности — при должной сноровке и удаче бывший крестьянин мог стать рыцарем.

Более высокая централизация государства отразилась и на взаимодействии короля с вассалами. Все крупные феодалы были его прямыми вассалами, и он существенно ограничивал их право распоряжения землей.

Так, феодал не представлялось возможным продать без королевского разрешения. Право наследования женщинами также ограничено. Если фьеф переходил под управление вдовы, то по прошествии 1 года и 1 дня король предлагал ей для брака трёх кандидатов. Вдова не могла выйти замуж вновь без разрешения сюзерена,

если же она отказывалась выбирать из его кандидатов, то все доходы с феодала передавались кому-либо по решению короля до того момента, как старший из детей не становился совершеннолетним и не начинал нести полноценную военную службу. Отсюда широкое распространение в королевстве рыцарей-стипендиариев, не обладающих землей, но получающих стабильное денежное жалование либо владевшие т. н. рентными фьефами — доходами от лавок, ремесленных мастерских и т. д. [4, с. 252] Возросшая зависимость вассалов от короля подтверждалась принесением особого оммажа — лигии.

Готфрид и его наследники, зная уязвимость королевской позиции во Франции, в первую очередь стремились обеспечить свою власть созданием обширного домена, позволявшего диктовать свою власть любому влиятельному сеньору. Отдельные мелкие владетели или их группы, стихийно организовавшие собственные маленькие независимые фьефы, вынуждены признавать власть владык Иерусалима. При этом феодалы предпочитали жить не в крепостях, господствующих на туземной сельской округе, но в городах, что представлялось нетипично для большей части европейских государств данной эпохи. Жизнь туземных крестьян почти не менялась. Вместо барщины, в силу небольших размеров домена, предпочитали взимать оброк, подушную подать, а также обязывали их отбывать повинности.

В Антиохии и Эдессе, кроме сирийцев, большую роль играло греческое и армянское население. В других областях Леванта, подконтрольных крестоносцам, местные христиане были полностью подчинены католической иерархии; здесь же они пользовались относительным равноправием [5, с. 205] (обеспечиваемым в том числе и силой Византии).

Особняком стояли представители итальянских республик, получившие во многих городах отдельные кварталы (как это представлено и Восточной империи) и находящиеся под юрисдикцией назначаемых из метрополий чиновников.

Привилегии создаваемых итальянских коммун дарованы королями. Они не могли отменить их или взять под контроль итальянские кварталы, но старались ограничить влияние купцов. Жителям коммун запрещалось владеть феодалами, сдавать территорию коммун в аренду, но они добивались этого путём брака, наследования и коммерческих сделок, в результате которых коммуны приобретали землю или дома, принадлежавшие к вышеозначенной собственности, вне границ своего квартала. «Венецианцы, генуэзцы и пизанцы имели двойную выгоду. Они приобретали местную собственность и в то же время пользовались коммунальными льготами» [6, с. 111].

С середины XII в. возникают и кварталы каталонских и провансальских городов во главе с Барселоной и Марселем соответственно.

Торговые сношения королевства регулировались судом Гавани и судом Цепи (порт перекрывался массивной цепью).

Переселенческий поток, особенно активный в Иерусалимском королевстве, позволил завоевателям обоим себя от местных жителей на протяжении всего XII в. [7, с. 76] Местное население, будь это шииты или сунниты, монофизиты или православные, иудеи или караимы, представлялись базисом франкской власти, поэтому оно могло жить по своим правилам, но барьеры между завоевателями и завоеванными были сложно преодолимы. В основном латиняне брали в жены представителей местных христианских фамилий, но уже к концу столетия высшая аристократия королевства замыкается в себе. Возникает несколько влиятельных семейств, включающих перекрестные браки и не допускающих распыления своих владений. В качестве исключения они составляли брачные союзы с правящим в Византии кланом Комнинов и правителями армянского царства в Киликии.

Усиление отдельных феодалов совпало с усилением натиска со стороны мусульман. Оказавшись зажатой между внешними и внутренними соперниками, королевская власть предстала существенно ослабленной: с одной сто-

роны, сокращение земельного фонда и возрастание военной угрозы заставляло королей активно раздавать земли своего домена, но без крупных ресурсов они не могли диктовать свою волю крупнейшим сеньорам. Король Амори I (1163-1174 гг.) пытался укрепить позиции монарха, сделав арьер-вассалам (вассалов вассалов) своими прямыми вассалами, позволяя им подавать жалобы на своих сеньоров в суд равных. Однако крупные феодалы сами воспользовались данным разрешением против короля как своего сеньора, связывая ему руки судебными разбирательствами.

Иерусалимское королевство постепенно стало феодальной утопией, где король оказался лишь необходимым на вершине вассально-ленной системы, символом, но не реальной фигурой. Весь XIII в. отмечается феодальной анархией, превращением коммун в независимые кварталы-государства вне общей юрисдикции, упадок и последующим исчезновением государств крестоносцев в Леванте, начатое битвой при Хаттине в 1187 г. и законченное падением Акры, последнего оплота крестоносцев на континенте, в 1291 г.

Литература:

1. Жан Ибелин. Иерусалимские ассизы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Jean_Ibelin/text1.phtml?id=12422 (дата обращения: 01.12.2021).
2. Ришар, Ж. Латино-Иерусалимское королевство. /Пер. с франц. А. Ю. Карачинского. СПб.: Евразия, 2002. с. 84.
3. Ришар, Ж. Указ. Соч. с. 99.
4. Лучицкая, С. И. Крестовые походы. Идея и реальность. СПб.: Наука, 2019. с. 252.
5. Фролов, Д. Л. Светская власть и ортодоксы в государствах крестоносцев: между волей Рима и верой подданных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 1. с. 205.
6. Правер, Д. Королевство крестоносцев. Два века правления европейских рыцарей на древних библейских землях. От взятия Иерусалима до падения Акры. М.: Центрполиграф, 2019. с. 111.
7. Правер, Д. Указ. Соч. с. 76.

Реализация вероисповедной политики Министерством внутренних дел по отношению к раскольникам в XIX веке

Железова Людмила Юрьевна, курсант;

Сидоркин Юрий Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород)

Государственно-религиозные отношения в России были отчасти predetermined византийскими традициями, суть их состояла в том, что государство и Церковь воспринимались как некий единый организм. Разумеется, что это отразилось на степени религиозной свободы подданных Российской империи. Религия была идеологической опорой власти, поэтому вопрос об охране религии стоял довольно остро [1, с. 18].

Раскол, произошедший в XVII веке, имел очень серьезные последствия. Он разделил не только Церковь, но самое главное общество. В связи с этим обеспечить

охрану религии стало одной из первоочередных целей власти.

Между существующими воззрениями на церковный раскол выделяют два совершенно противоположных [2, с. 6]., первые видят в расколе явление чисто религиозное, другие же склоняются к тому, что данное явление носит религиозно-политический характер. Мы придерживаемся второй точки зрения, поскольку, на наш взгляд, раскол представляет собой не столько религиозное явление, сколько религиозно-политическое. Доказательством этому может послужить тот факт, что для контроля за деятельно-

стью раскольников привлекались специально созданные органы, а также МВД. Строгие меры против раскольников вызывали среди них громкий ропот на правительство и доводили их даже до восстаний против законной власти, а это в свою очередь создавало угрозу для императора, да и всего государства. На наш взгляд, именно поэтому к решению данной проблемы привлекли МВД.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, политику императоров по отношению к раскольникам и выяснить роль МВД по борьбе с проблемами, вызванными расколом.

17 столетие — это период, когда Российское государство превращается из монархии, основанной на представительстве сословий, в абсолютную монархию. Этот процесс превращения государств имел место по всей Европе. Непременным атрибутом этого превращения государства в новую государственную формацию был конфликт с Церковью. Во второй четверти 17 столетия при первых Романовых государство ставило задачи по ограничению церковной самостоятельности. Одним из первых актов было Соборное Уложение Алексея Михайловича. Именно Соборное Уложение стало поводом для конфликта патриаршей и царской власти. Для Петра I опыт конфликтных взаимоотношений отца с патриархом Никоном был очень актуален. После смерти последнего патриарха Андриана Петр I лишь в 1721 году создает новую форму взаимоотношений государства с церковью, которая выражалась в принятии Духовного регламента, согласно которому патриаршество упраздняется и учреждается коллегиальный орган по делам Церкви — Синод. Политика Петра I в отношении старообрядцев отличалась крайней нетерпимостью, историк Я.К. Грот отмечал: «Принцип свободы совести не мог быть распространён в равной степени на разногласия в лоне господствующей церкви» [3]. Долго Пётр относился снисходительно, говоря: «Если они честные, работающие люди, то пусть веруют, во что хотят: если их нельзя обратить рассудком, то, конечно, не пообидит ни огонь, ни меч; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни стране прибыли от того не будет» [4]. Но, с другой стороны, нельзя было допустить усиления раскола, а между тем последователи его оказались злейшими врагами преобразования, проповедовали появление в царе антихриста, толпами удалялись в леса и пустыни, уклонялись от службы и труда.

Особый интерес представляет XIX век, поскольку в этот период времени создается МВД, которое фактически берет на себя решение всех вопросов, касающихся раскольников, а также создаются специальные органы по надзору за раскольниками — Секретные комитеты.

Александр I (1801–1825) терпимо относился к староверам. В собрании постановлений по части раскола содержится следующее предписание императора: «Общее правило, принятое мною, состоит в том, чтобы, не делая насилия совести и не входя в разыскание внутреннего исповедания веры, не допускать однако же никаких внешних доказательств отступления от Церкви и строго

воспрещать в сем соблазны не в виде ересей, но как нарушение общественного благочиния и порядка» [5]. Данное мнение Комитета Министров было вынесено 17 октября 1824, однако официально утверждено оно было лишь 9 января 1826 года. То есть в период правления Александра I старообрядцем было разрешено жить по своим обрядам. Гонениям раскольники не подвергались, наказывались лишь распространители раскола. Однако, несмотря на терпимость к старообрядцу, Александр I 14 марта 1825 года в Санкт-Петербурге создал первый Секретный совещательный комитет по делам раскольников. На данном этапе основная задача данного комитета заключалась в рассмотрении дел о расколе, а также в координации деятельности различных ведомств по вопросам старообрядческих общин. Он не подчинялся МВД, но тесно взаимодействовал с ним. Именно МВД представляло в Петербургский комитет все секретные сведения о старообрядцах, а рассмотрением занимался непосредственно Комитет. Однако уже 11 августа 1825 года все приговоры по делам раскольников передаются в ведение Министерства внутренних дел.

Николай I, в делах Русской Православной Церкви был прагматичен. Его конфессиональная политика выражалась в стремлении утвердить религиозную монолитность страны. Более того император Николай I следил за численностью раскольников, осуществлялась эта деятельность через Министерство внутренних дел. Так, по повелению императора от 26 февраля 1826 года начальники губерний должны были постоянно доставлять министерству внутренних дел к 1 января ведомости о числе старообрядцев и раскольников. Более того совершался надзор за молитвенными зданиями. Так, 17 августа 1826 года Император собственноручно повелел собрать сведения обо всех церквях и часовнях.

Самый болезненный удар по старообрядцам был нанесен 10 мая 1827 года, когда управляющий Министерством внутренних дел внес записку в Комитет министров по которой, раскольническим священникам было запрещено переезжать из одного уезда в другой. Со временем роль МВД по надзору над раскольниками все более возрастает. Так, 30 мая 1827 года циркуляром было предложено: ведомости о старообрядцах и раскольниках разных согласий и сект к 1 января каждого года доставлять в Министерство Внутренних Дел, вне зависимости от того предоставлялись ли они в III отделение СЕИВК или нет.

Большое значение в организации деятельности по борьбе с расколом сыграл Секретный Совещательный Комитет по делам раскола. Цель Комитета заключалась в следующем: «дать решениям дел сего рода более взаимной одного с другим сообразности и точности чтобы при соблюдении безвредной терпимости к разномыслящим по возможности направлять их к сближению с церковью, и чтобы не давать способов распространяться вредным учениям». С момента возникновения данного органа роль МВД в борьбе с раскольниками стала восторженной. Теперь все основные решения принимал

комитет, однако уже 23 апреля 1832 года издается постановление «О принятии к постоянному руководству по Министерству Внутренних Дел Высочайшего повеления 31 января 1832 года». Указом от 8 октября 1835 года Начальникам Губерний было предписано постоянно к 1 января докладывать в Министерство Внутренних Дел информацию о числе старообрядцев и раскольников разных согласий и сект, а также о числе раскольнических церквей, часовен, монастырей и скитов, Министерство Внутренних дел, в соответствии с этим же указом, должно было представлять эти данные в Секретный Комитет в незамедлительном порядке. В феврале 1837 года полномочия МВД в делах по раскольникам расширяются.

Литература:

1. Ершова, О. П. Старообрядчество и власть: научная и учебная литература. — М., 1999. — с. 18.
2. Суботин, Н. И. Раскол как орудие враждебных России партий. — М., 1867. С. Грот, Я. К. Петр Великий как проповедник России. — URL: http://www.azlib.ru/g/grot_j_k/text_0020.shtml (дата обращения: 01.03.2021)
3. Иванов, И. М. Петр Великий. Его жизнь и государственная деятельность: биографии и мемуары, документальная литература. — URL: <https://www.litres.ru/i-m-ivanov/petr-velikiy-ego-zhizn-i-gosudarstvennaya-deyatelnost/chitat-onlayn/> (дата обращения: 03.03.2021)
4. Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Постановления министерства внутренних дел. — 1863. — URL: <https://www.prlib.ru/item/359216> (дата обращения: 03.03.2021)

Ремесленное и промышленное производство одежды и обуви в Симбирске во второй половине XIX — начале XX века

Щепеткова Екатерина Валентиновна, студент магистратуры
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

Источники второй половины XIX в. свидетельствуют о неравномерном распространении ремесел по уездам и городам Симбирской губернии, отмечая скудное положение ремесленного производства, поскольку большая часть городских жителей была занята земледелием [1, с. 3]. Все же ремесленное дело занимало важное место в экономике Симбирской губернии второй половины XIX в. в связи с промышленным переворотом и индустриализацией многих сторон жизнедеятельности горожан. На 1867 г. численность ремесленников в Симбирске составляла 1196 человек, а в 1892 г. уже достигла 3534 [4].

Экономическая жизнь Симбирска в основном была сосредоточена вокруг мелкого ремесленного производства товаров повседневного потребления, в том числе предметов одежды и обуви. Этому способствовали промышленные заводы и фабрики, поставляющие свое сырье ремесленникам. Популярными видами производства в губернии были кожевенные, овчинные и суконные (см. Таблица 1). Ромашин И. С. отмечал, что «развитое в губернии овцеводство, обилие рек и дешевая энергия,

Так, в соответствии с Величайшим повелением от 13 февраля 1837 года было постановлено чтобы наиболее вредные члены сект не имели права на общественные отличия, наблюдать за соблюдением данного повеления приказывалось: Министерству Внутренних Дел, Министерству Юстиций и Министерству Финансов.

В завершении хотелось бы отметить, что политика императоров по отношению к раскольникам постоянно менялась и вызвано это было не стабильностью в стране. Однако, что касается МВД, то на основании собрания постановлений МВД по части раскола можно утверждать, что именно на Министерство внутренних дел возлагались основные задачи, связанные с расколом.

протекционистская политика правительства, нуждавшегося в сукнах для армии, — вот те благоприятные условия, что помогли краю стать крупнейшим изготовителем сукна в России» [7, с. 28-29]. На фабриках выпускали дешевую, грубую материю — армейское и темно-зеленое сукно, а также драп и верблюжье сукно — и продавали ее государству. Каждый третий солдат Российской империи маршировал в шинели из симбирского сукна [3, с. 12].

Производство предметов быта, в том числе одежды и обуви, существовало в виде домашнего производства и мелких крестьянских промыслов, когда товар производился на заказ. В производстве существовало разделение труда. Женские производства включали в себя такие виды производства, как прядение, ткачество и вышивание. К мужским можно отнести изготовление предметов из кожи. Изготовление товара могло выполняться в мастерских, но часто велось на дому. Женщины, имевшие детей, пытались найти дополнительный заработок, который мог бы легко сочетаться с делами по дому, поэтому профессии швей и вышивальщиц были наиболее распространены среди замужних женщин и вдов.

Таблица 1. Заводы и фабрики Симбирской губернии во второй половине XIX в. (по данным на 1889 г.) *

Виды заводов и фабрик по характеру производимой продукции	Кол-во предприятий	Оборот (руб.)	Число рабочих (чел.)
Кожевенные	109	93265	194
Овчинные	254	56943	404
Суконные	18	2253606	5607
Шерсточесальные	93	26490	137
Сукновальные	37	9590	62
Кошмовальные	14	3050	18

* Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 год. Симбирск, 1889. с. 150-151.

Однако изготовление готового платья находилось на невысоком уровне развития и лишь удовлетворяло местные потребности. Наибольшей численностью отличались такие группы ремесленников, как портные и сапожники. К концу XIX в. их численность достигла 900 и 564 ремесленника соответственно [5]. По данным на 1903 г., всего в Симбирской губернии насчитывалось 3821 человек, занимающихся валянием теплой обуви, 1504 человека были заняты шитьем сапог и рукавиц, 3089 — портняжеством, что составляло примерно 44,8% от общего количества рабочих (всего в губернии значилось 18769 кустарей) [8, с. 15]. Частный пошив одежды начинает постепенно складываться к середине XIX в. и продолжает развиваться в последующее время, когда стали открываться модные мастерские по пошиву готового платья. На 1915 г. в Симбирске числилось 162 мастера по пошиву мужского платья и 101 — женского [2, с. 58].

Как уже было отмечено, промышленного фабричного производства готового платья в Среднем Поволжье практически не было. В Симбирской губернии в 1896 г. было зарегистрировано 8 промышленных предприятий по изготовлению готового платья и предметов одеяния с годовым оборотом в 28,2 тыс. руб. и прибылью в 2,42 тыс. рублей. Уже в 1898 г. в губернии числятся 11 таких предприятий с годовым оборотом в 31 тыс. рублей. Прибыль с изготовления готовой обуви тоже была небольшой: на 7 предприятий в 1896 г. с годовым оборотом в 12 тыс. руб. прибыль составила 9,8% [13, с. 112-113]. Фабричное производство одежды и обуви в Симбирской губернии так и не смогло получить должного развития. Мелкие ремесленники изготавливали товар по заказу местного населения и не стремились создать какое-то большое промышленное заведение. К тому же, кустарные изделия местного производителя не были способны конкурировать с изделиями фабричного производства, привозимыми из Европейской части России.

После строительства железной дороги ввоз готового платья в губернию увеличился. Большинство торговых заведений по его продаже находилось в Симбирске. В 1890 г. в губернии было зафиксировано 5 торговых предприятий по продаже готового платья, белья, шляп и 1 по продаже меховых вещей с годовым оборотом в 94 тыс. руб. и прибылью 7,17 тыс. рублей. В 1896 г. их число выросло до 23 [12, с. 80-81; 174-175]. Так, фабричное готовое платье

постепенно становится популярным в провинциальном городе.

В начале XX в. социокультурная среда города претерпевает серьезные изменения. В производстве готовой одежды стали принимать участие не только фабрики, но и городские мастерские. Вскоре они стали открываться при магазинах, торговавших готовым платьем. Так, магазин Калякиной Е. Т. на Большой Саратовской улице предоставлял покупателям возможность не только приобрести товар, но и сшить на заказ головной убор. Магазин Буравика и его мастерская, обслуживающие местное население, принимали заказы по пошиву готового платья, по изготовлению шляп, шапок и фуражек [6, с. 10]. При магазине Голомбека А. А. действовала мастерская по пошиву мужского и дамского верхнего платья по последним парижским модам [9]. С 1 января 1901 г. стала действовать сапожная мастерская Андреева О. А. в г. Буинск, заказы принимались также и в Симбирске. Кроме того, в бакалейном магазине владельца предлагался большой выбор резиновых галош по вполне доступным ценам [6, с. 7]. Магазин Юсиной Е. А. предлагал жителям города и уезда шарфы, платки, косынки собственного производства ручной работы, при магазине действовала чулочная мастерская [11]. Рекламные заметки начала XX в. так и изобилуют красочными заявлениями местных магазинов о приеме заказов и добросовестном, аккуратном исполнении за умеренную цену.

Также в Российской империи стали открываться частные школы кройки и шитья дамских и детских нарядов, где проходила профессиональная подготовка швей, вышивальниц и модисток. В начале XX в. на Покровской улице действовала школа кройки и шитья, попечительницей школы выступала Лидия Ник [10, с. 39]. Она содержалась на средства местного Городского Общественного Управления. Лица, желающие там обучаться, должны были предоставить свидетельство об окончании курса начальной школы и метрическую выписку. Принимались девочки от 12 до 16 лет. На 1908 г. в ней обучалось 176 девочек, а на 1913 г. — 236 [10, с. 246]. При Симбирском учебно-трудовом пункте значились преподаватели кройки, шитья и ремесленного рисования [10, с. 143]. В ходе обучения желающие учились выметывать петли, изучали швы и строчки, учились выкройке и шитью белья, а также различным видам вышивки и кружевоплетению. Знания, по-

лученные при обучении в данных учреждениях, могли быть использованы в дальнейшей профессиональной деятельности. К началу XX в. создается целая сеть ремесленных училищ, в которых готовились рабочие кадры, соответствующие развитию общества. Так, в 1895 г. в Симбирске было открыто ремесленное училище имени М. В. Лебедева. Там ученики осваивали различные специальности, в том числе сапожное дело и портновское искусство. На 1903 г. в училище обучалось 24 ученика [9, с. 28].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в Симбирске во второй половине XIX — начале XX в. производ-

ство одежды и обуви по большей части было представлено в форме домашнего изготовления, а также в виде ремесленного и мелкотоварного производств, которые были связаны с местными производителями сырья. В начале XX в. быстрое развитие промышленности и торговли привело к росту города, оформлению его инфраструктуры. Городское пространство постепенно преобразовывалось, центральные улицы застраивались магазинами с широким ассортиментом товаров, мастерскими по кройке и шитью одежды, которые удовлетворяли потребности местного населения.

Литература:

1. Воскресенский, С. Г. Наш город Симбирск на Волге. Самара, 1897. 15 с.
2. Историко-статистический сборник. Симбирску-Ульяновску — 365 лет/Ульяновск, 2013. 216 с.
3. История Симбирского предпринимательства. Симбирск купеческий: в 2 ч./Р. Ш. Гайнетдинов. Ульяновск: РГ «Пеликан», 2016. 44 с.
4. ОГБУ ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 17. Л. 58.; Д. 78. Л. 57.
5. ОГБУ ГАУО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 78. Л. 58.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1901 год. Симбирск: Тип. Губ. Правления, 1901. 263 с.
7. Ромашин, И. С. Очерки экономики Симбирской губернии XVII-XIX вв. Ульяновск, 1961. 52 с.
8. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1903 год. Симбирск: Симбир. губ. тип., 1903. 344 с.
9. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1904 год. Симбирск: Симбир. губ. тип., 1904. 409 с.
10. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1910 год. Симбирск: Симбир. губ. тип., 1910. 243 с.
11. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1912 год. Симбирск: Тип. лит. губерн. правления, 1912. 251 с.
12. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 год по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1892. 501 с.
13. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1893, 1894 и 1895 годы по исчислению, классификации и определению оборотов и прибылей торговых и промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1898. 219 с.

ФИЛОСОФИЯ

Философские основания страха войны в феноменологическом мире человека

Бендюков Артём Петрович, студент
Омский государственный педагогический университет

В статье анализируется сущность войны с её исторических и философских оснований, её последствия на человека и его мира феноменов в дальнейшем. Ценность и новизна в использовании как стандартных источников по данной теме, так и источников современной философии. Делаются выводы о возможной необходимости войны для каждого человека для поиска его мотивов.

Ключевые слова: война, страх, страсть реального, мир феноменов.

В истории человечества существует множество феноменов, которые так или иначе способны заставить человека испытывать страх и даже ужас. Многие из них упрощаются и опосредуются при приближении к человеку, к его собственному миру вещей, понятному и ясному, но при этом упрощение возможно не всегда. Приближение к человеку, а точнее даже человека к явлению, делает данное явление феноменальным, то есть, понятным и логичным, названным. Однако, если приближение выявляет существование в явлении других таких же субъектов, то наряду с включением в мир феноменов их бытия, образуется отдалённость и отчуждение от объекта внимания. Война является таким объектом. Её невозможно в полной мере понять и познать одному человеку, поскольку невозможно вместить в своё существование других, равнозначных собственному, субъектов. По этой же причине война, как и неисчислимый ряд других объектов, всегда будет поводом для дискуссий и обменом представлениями. Такой индивидуальный подход ориентирует исследователя скорее на попытку рассмотрения сущности феномена, нежели его тонкостей и представлений, но стремление к общему присутствует у всех, так что именно исследователя скорее отличает потенция к нивелированию устрашающего воздействия непознанного. Ужас перед лежащим за гранью и трансформация его в страх при анализе и наименовании. Актуальность исследования войны сейчас может быть обусловлена глобализацией и инкультурацией, что ведёт к смешению культурных и национальных интересов, а также обостряет политическую ситуацию.

Словарь Ушакова даёт такое определение войны — «Вооруженная борьба между государствами или общественными классами» [1]. Конфликтологические наблюдения больше сосредотачиваются на самом факте наличия

противоречий и методах их разрешения. Психологи же выделяют в качестве едва ли не основного фактора тревожность и то сам страх. Известный Клаузевиц писал о том, что в войне главной её «стихией» является опасность и связанные с этим прочие чувства. В историческом же дискурсе война, как это ни парадоксально, не повторяет путь термина «конфликт». Если последний только недавно начал включать в себя пользу как атрибутивное свойство, а до этого рассматривался как вредоносное явление и всячески искоренялся, то война ещё с античной традиции несёт в себе онтологический смысл, который даже выходит за рамки ценности. Так Гераклит писал, что «Война есть отец всего, царь всего». Позже Августин писал о морально-верном убийстве на войне, если это, конечно, было сделано во имя Бога и/или по приказу [2]. Августиновское учение прошло красной нитью сквозь все Средние века, а уже в Новом времени об основаниях войны и её пользе писал Гоббс в «Левиафане», затрагивая при этом и онтологические основания посредством «войны всех против всех» [3, с. 86]. В дальнейшем либо прорабатывались эти идеи, либо в них вносились незначительные изменения. И только в XX веке, когда мир пережил две антропогенные катастрофы в виде мировых войн, экзистенциализм описал войну как способ постижения истинного бытия, место, где приоткрывается подлинное и где человек находится в предельном состоянии. Там страх преобразуется в ужас и расширяются границы сознания, чтобы смочь охватить и своё состояние в его полноте, и участие в этом явлении других, тождественных и равных по аналогии, субъектов. Подобное же состояние в похожей атмосфере описывал Сартр в «Стене» [4]. Это начало взгляда не с политических, экономических и психологических аспектов, но скорее даже с чисто философских, антропологических и феноменологических.

Война начинает осмысляться с позиций погружения в неё человека и человека в неё. Подобное дуальное осмысления может и не кардинально отличается от воззрения на проблему предшественниками, но при этом и содержит в себе частичку новизны ввиду именно двух мировых войн и анализа их последствий. Осмысляясь феноменологически страх начинает включать в себя, а вернее в своё понимание, элементы переживания. Война же идёт как непосредственное погружение себя в процесс боевых действий, либо связанных с этим процессом элементов, как, например, фуражиры или журналисты. И воздействие страха осуществляется как прямое влияние или как различные посттравматические синдромы. Страх при этом может распространяться от одного человека другому крайне быстро, стоит только поддерживать подходящую обстановку. Обстановка эта стала одним из важных элементов ведения сражения, по причине итогового сокрушения армии противника без физического устранения. Поэтому уже в двух мировых войнах пропаганда и идеологические столкновения, газеты, радио и прочие средства распространения информации были подконтрольны специальным министерствам и управлялись ими с целью подавления соперника. Сейчас военная психология направлена на познание, принятие и рационализацию страха. Сделано это из-за воздействия на базовые смысложизненные ценности — жизнь, свобода и место в социуме, будь то семья или община, партия либо всё государство. Но при этом отмечается и невозможность, вкупе с непрактичностью, полного удаления страха, так как в бою он не трусость, а нормальная, неизбежная и в меру полезная реакция на опасность, как сигнал, производящийся человеческим организмом при обнаружении признаков угрозы в окружающем мире. В связи со подобной ситуацией поднимает голову проблему поведения не в противовес страху, а в сопряжении с ним. Как Аристотель говорил, что добродетель кроется в мере страстей, то есть, не полное избегание страха, что он на-

зывал безрассудной отвагой, и не полное ему подчинение, трусость, а именно мера. Здесь эта добродетель является мужеством. Другой подход был дан Августином, который призывал скорее к фанатичному следованию к крайности, где и находится то самое избавление от негативного влияния и приход к положительному воздействию. В наше же время можно привести Славой Жижека. В своей работе «Добро пожаловать в пустыню реального» он исследует сущность термина «страсть реального» [5, с. 4-14], отмечая его иллюзорное воздействие на человека. В основе своей, это можно назвать экзистенциальным стремление человека к подлинному. Страсть же тут играет роль близости к агональному бытию. Так это выявляет своё отношение к погружению в игровую реальность, так как агональность является ещё и одним из признаков игры по Йохану Хейзинга, где человек в игровой же форме стремится к познанию реального. В войне это стремление победить, чтобы понять смысл самого процесса, смысл изменений и лишений. Такая реальность может находиться как в пределах самой игры, когда происходит условная замена смыслов и человек ищет ценность именно в самом факте победы, так и за её пределами. Для последнего необходимо осознать иллюзорность игровой реальности и стремиться скорее к выходу за её пределы, а значит разрушению текущих смысложизненных ценностей и мотивов. Тут каждый человек обычно видит, либо считает, что видит, что-то своё, находя в этом утешение и покой. Будь то семья, наука, религия, политика и так далее.

Тема войны и её последствий для человека всё же слишком широка, однако итоги данного исследования говорят нам о двояком воздействии феномена войны на человека. Это и польза с расширением сознания, вкупе с приближением к подлинному, и ломка личностей тех, которые этого приближения выдержать не могут ввиду невозможности полного её включения в субъективный мир феноменов. Этическая сторона вопроса войны требует отдельного рассмотрения и здесь фигурирует в малой степени.

Литература:

1. Толковый словарь Ушакова. — URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6248> (22.12.21)
2. Православная энциклопедия «Азбука веры». — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/1_2 (дата обращения: 20.12.2021)
3. Электронная библиотека «гражданское общество России» // Т. Гоббс, «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского». — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (22.12.21)
4. Электронная библиотека «Lib.ru» // Ж.-П. Сартр, «Стена». — URL: <http://lib.ru/SARTR/wall.txt> (20.12.2021)
5. Электронная библиотека «Fort/Da» // С. Жижек, «Добро пожаловать в пустыню реального». — URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/zizek-welcome-8l.pdf> (20.12.2021)

Литературоведческие опыты Эдварда Саида и их влияние на формирование концепции ориентализма

Мухамедова Рукияхон Собировна, студент магистратуры
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан)

В данной статье осуществляется анализ влияния литературоведческих опытов Эдварда Саида на формирование его концепции ориентализма. Эдвард Саид начал свой академический путь именно с исследований в области литературы, откуда и исходят ключевые мотивы его философии.

Ключевые слова: ориентализм, литературоведение, колониализм, постколониализм, антиколониализм, идентичность.

Истории философии и культуры XX века присутствуют самые разнообразные и по-своему оригинальные личности мыслителей, предпринявших попытку деконструкции устоявшихся категорий, понятий и идей в философской науке, среди которых отдельно выделяется фигура американского философа, теоретика культуры арабского происхождения Эдварда Вади Саида, чей фундаментальный труд «Ориентализм» перевернул западные представления и понимание феномена Востока, его культуры и самобытности.

Эдвард Саид родился 1 ноября 1935 года в Иерусалиме. Получил престижное образование в элитных англоязычных школах. Сам Эдвард о периоде своей школьной учебы писал, что, имея чисто арабскую фамилию «Саид» и британское имя «Эдвард», будучи палестинцем в английский именем и американским паспортом, он испытывал постоянные неудобства, особенно в плане определения собственной идентичности. Дополнялось это тем, что он одинаково мыслил как на родном арабском языке, так и на языке обучения — английском; Саид отмечал: «Каждый раз, когда я говорю английское предложение, я повторяю его на арабском, и наоборот» [1, с. 556-557].

По окончании школы Э. Саид уже свободно владел английским, французским и арабским языками и поступил в Принстонский университет, который окончил в 1957 году со степенью бакалавра английского языка, защитив диссертацию на тему «Концепции морали: Андре Жид и Грэм Грин» [2]. В 1960 году Саид получает степень магистра искусств, а в 1964 году степень доктора философии (PhD) в Гарвардском университете [3, с. 82].

Академическая карьера Эдварда Саида начинается в 1963 году в Колумбийском университете на факультете английского языка и сравнительной литературы, где он преподавал до 2003 года. Творческий путь Эдварда Саида начался с литературоведения. Его первая работа «Джозеф Конрад и автобиографический вымысел», вышедшая в 1966 году, является его докторской диссертацией. Однако почему именно фигура Джозефа Конрада притянула внимание Эдварда Саида? Ответ обнаруживается в том, что Конрад, будучи представителем неоромантизма [4, с. 358], противоречиво относился к колониализму, который нередко идеализировался другими представителями этого

литературного течения. Будучи английским гражданином, Конрад уважал порядки своей страны, но также он отрицательно относился к действиям колонизаторов в отношении коренного населения, что сам писатель наблюдал в ходе своих путешествий, среди которых можно сказать о его путешествии в Бельгийское Конго. Несмотря на то, что туземцы были чужды Конраду, тем не менее он относился к ним с сочувствием и в результате своих переживаний он написал повесть «Сердце тьмы» (1902), в которой отмечал следующее:

«То был Восток древних мореплавателей — такой старый, такой таинственный, ослепительный и мрачный, живой и неизменный, исполненный обещаний и опасности» [5, с. 349].

Приведенное выше есть те самые мотивы, которые Саид будет критиковать во многих своих работах. Но при этом исследователи творчества Конрада отмечают в действиях героев повести следующее:

«Страдания туземцев под игом чиновничьей бюрократии достаточно тяжелы, но Марлоу удаётся убедить себя, что он (как и его читатель) не такой, как эти чиновники. Но убедить себя в том, что он не такой, как образованный, обезумевший и беспощадный Куртц, он не может» [6, с. 175].

В этом проявляется двойственность самого Конрада, который испытывает диссонанс от того, что он предан Англии, но не приветствует жестокость колонизаторов. Подобную двойственность испытывать мог и сам Э. Саид. Следует заметить, что возможно мыслитель пришел к изучению литературного творчества Дж. Конрада через свою работу «Концепции морали: Андре Жид и Грэм Грин» (1957), написанную для получения степени бакалавра. И Жид, и Грин, их личность и творчество сходятся в своем отношении к колониализму. Так, А. Жид после длительного путешествия по Экваториальной Африке опубликовал две книги — «Путешествие в Конго» (1927) и «Возвращение из Чада» (1928), причем в обеих писатель осуждал колониальные порядки, что впоследствии вызвало скандалы и спровоцировало обсуждение в парламенте вопроса о проводимой в колониях политике [7, с. 21-22]. Также А. Жид вспоминал: «Пока я путешествовал по французской Экваториальной Африке, сопровожда-

емый местными чиновниками, всё вокруг казалось мне почти изумительным. Я начинал видеть окружающее более ясно, лишь когда покидал машину губернатора» [8]. Г. Грин также неоднократно бывал в колониальных странах, после посещения которых написал ряд произведений. Так, в конце 1950-х годов он побывал в колониях, находившихся на территории бассейна реки Конго [9, с. 7-8]. Грин был непримирим в отношении насилия во всех его проявлениях, одним из которых он считал колониализм.

Исходя из изложенного относительно исследований Э. Саида в области литературоведения видно, что его интерес к тому, что впоследствии будет названо им «ориентализмом», присутствовало уже в молодые годы, еще до начала его академической карьеры. Мотивы антиколониализма, требование к уважению идентичности других народов отчетливо наблюдаются в его трудах. Отметим также, что проблема самоидентификации была актуальна для самого Саида и в этом контексте значима его работа «Начала: идея и метод» (1975). Эта работа Саида считается тем отправным пунктом, когда мыслитель преодолел кризис индивидуальной идентичности. «Начала...» представляют собой более литературоведческий, не-

жели чисто философский труд. Посвятив его современному рому, Саид концентрируется на проблеме преодоления сложившихся повествовательных форм, связанной с освобождением от власти традиций, с ниспровержением авторитетов, нарушением канонов, преодолением условностей [10, с. 27].

Философия Эдварда Саида, ее становление и эволюция непосредственно связаны различными этапами жизни мыслителя, его академической и политической деятельностью. Ключевое влияние на мировоззренческие принципы Саида оказали в первую очередь его изыскания в области литературоведения. Будучи специалистом по английскому языку и литературе, Саид испытывает интерес к произведениям тех писателей, которые критически относились к колониализму в результате непосредственного ознакомления с ним. Не меньшее влияние оказало на мировоззрение философа дискурс о проблеме идентичности, которая имела для него также и личное значение, поскольку он сам испытывал колебания в самоидентификации. С позиции же философской мысли большое влияние на Саида также оказал дискурс о Другом, генезис которого восходит к антропологическим проблемам, но в его ориентализме находит новую, межкультурную трансформацию.

Литература:

1. Said, E. *Between Worlds*. — London, 2002.
2. Said, E. *The Moral Vision: Andre Gide and Graham Greene*. — New Jersey: Princeton University, 1957. — Онлайн-доступ: <http://dataspace.princeton.edu/jspui/handle/88435/dsp01r781wh54t>.
3. Said, E. *Out of Place*. — New York: Vintage Books, 1999.
4. Урнов, М. В. *Английская проза 70-90-х годов XIX в.* — Москва: Наука, 1991 г.
5. Конрад Дж. *Сердце тьмы*. — Москва: Госиздат, 1926 г.
6. Хьюитт, К. Джозеф Конрад и проблема двойственности // *Иностранная литература*. 2000 г. № 7.
7. Никитин, В. А. *Андре Жид: вехи творческого пути* // Жид А. *Фальшивомонетки*. Тесные врата. — Москва: Прогресс, 1991 г.
8. Жид, А. *Путешествие в Конго. Возвращение с озера Чад. Критические статьи*. — Ленинград, 1936 г.
9. Graham, G. *A Burnt-Out Case*. — New York: The Viking Press, 1961.
10. Ашкерев, А. Ю. Неориенталистские мотивы в жизни и творчестве Эдварда Саида // *Социологическое обозрение*. 2002 г. Том 2. № 4. — с. 27.

Анализ основных положений учения Уильяма Оккама

Шигорева Наталья Станиславовна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Уильям Оккам (1285–1347) — английский философ, член францисканского ордена католической церкви, осуществлял преподавательскую деятельность в Оксфорде.

Философские идеи Оккама открыли путь такому течению, как индивидуалистический либерализм.

Кроме того, Уильям Оккам приводил доказательства в пользу радикального эмпиризма — мгновенного вос-

приятия и мгновенного наблюдения некоего факта. Он считал, что все познание сводится к внешнему и внутреннему опыту. Любое истинное знание можно получить только эмпирическим путем, то есть с помощью органов чувств. Безусловно, это не означает, что мы можем знать достоверно только то, что доступно чувствам. Однако процесс познания всегда начинается именно с чувственного познания и завершается интеллектуальным по-

знанием. По мнению Оккама, познание может опираться лишь на непосредственное, интуитивное усмотрение, а философские спекуляции о природе носят только веро-
ятностный характер.

В учении Уильяма Оккама выделяются три следующих важнейших принципа.

Первый принцип учения Оккама — индивидуальность всего реального. Не существует универсальных реалий. Оккам — представитель такого философского течения как номинализм. Именно поэтому он рассматривал существование универсалий (общих идей) исключительно в уме человека. По Оккаму, знание чего-то общего, что можно абстрагировать от множества вещей — абстрагированное знание; оно фиксируется в общих понятиях [1, с. 33]. Оккам считал, что сформулировать разумную логическую концепцию существования универсалий — невозможно. Оккам утверждает, что наши утверждения — это всего лишь концепты нашего ума. Общие понятие — «не более чем знаки... единичных вещей в человеческом уме» [3, с. 161]. Рода и виды, люди и животные — все это существует лишь в душе человека. Мы сами придаем то или иное значение единичному знанию, полученному при познании конкретных и индивидуальных предметов, и затем трансформируем его в знание общее. Рассматривая универсалии в качестве актов мышления, Оккам приводит следующий пример: тот, кто слышит, к примеру, такое сочетание слов, как «Сократ бежит», заключает на его основании, что бежит не само слово «Сократ», которое он слышит, а вещь, обозначаемая указанным словом [11, с. 133].

Универсалия — это некое свойство, объединяющее вместе группу объектов. Объясню, как я понимаю смысл этого суждения. В качестве наглядного примера можно взять курицу. Всех куриц объединяет нечто общее, что отличает их от прочих классов животных. Назовем это нечто таким условным признаком как «куриность». Абсолютно каждой курице присуща «куриность». Когда мы видим перед собой курицу, наш разум воспринимает ее как общее понятие, мы не рассматриваем ее как индивидуальность. То же самое можно сказать и о других предметах. Дереву свойственна «деревость», столу — «столовость» и т. д.

Оккам настаивал на исключении универсалий из метафизики, так как они являются источниками многочисленных проблем. Вернемся к примеру с «куриностью». «Куриность» — это универсалия, единая сущность, но тем не менее эта сущность должна присутствовать в каждой курице. Причем тогда универсалии нужно находиться одновременно и в самом предмете, и вне его. Ведь после ухода из жизни какого-либо человека человечность в целом никуда не исчезает. Значит, человечность пребывает не только в человеке.

Разум человека типизирует характерные черты, получаемые при помощи органов чувств (индивидуальная курица) и воссоздает концепцию абстрактной курицы. Без-

условно, абстрактной курицы в метафизическом смысле не существует. Следуя положениям теории Оккама универсальность достигается только в концепциях разума, в аспекте метафизики же существует только индивидуальное.

Единственная реальная вещь — это конкретные индивидуумы.

По мнению Уильяма Оккама, отрицание существования индивидуума — это отрицание очевидного.

Оккам хотел разработать науку, в основе которой лежали бы различные точки зрения об индивидуумах. Эта наука создана как защита для всемогущества Бога.

Вторым принципиальным утверждением теории Уильяма Оккама было положение о всемогуществе Бога. Философ считал, что Бог — это высшее существо, обладающее безграничным и бесконечным могуществом. «Оккам предлагает радикализировать божественные качества, отказываясь от существовавших полумер и оговорок» [4, с. 26], — указывает в своей работе А. О. Гончарова. Порядок природы находится в зависимости от абсолютного всемогущества Творца [6, с. 132]. Бог может создать в реальности все вещи, которые не будут вступать в противоречие друг с другом. Это значит, что мир является ровно таким, каким его хочет Бог. Но не Божественный разум, а Божья воля. Создание мира не продиктовано никакой рациональной необходимостью. Логически возможно представить, что мир есть, вместе с тем можно вообразить и то, что мира нет. То есть, поскольку Бог хочет видеть мир именно таким, то он мог бы захотеть увидеть его и другим, поэтому в действительности мир — это большая группа индивидуумов, структурно связанных между собой определенными отношениями, хотя по мгновенному изменению божественной воли они могли бы быть и в других отношениях. Однако Творец не может регулировать направление времени (не в силах отменить прошлое) [9, с. 99].

Любой миропорядок зависит от абсолютной власти Бога. Все физические проявления Вселенной происходят из всемогущества Бога: в природе не бывает такого закона, который бы превысил рамки того, что хочет Бог. По мнению Оккама, единственное основание морали — это воля Бога [10, с. 76].

Следуя этой теории, Бог может создавать у нас впечатление об объектах, которые на самом деле не существуют, то есть вводить нас в заблуждение. Однако это вовсе не означает, что Всевышний точно так и делает.

Третий принцип учения английского философа получил впоследствии название «бритва Оккама». По-другому его можно назвать законом экономии. Его суть состоит в следующем: не нужно умножать сущности без необходимости. Это означает, что делать посредством большего то, что может быть достигнуто посредством меньшего — как минимум, нецелесообразно. Не надо усложнять то, что можно объяснить просто; не надо использовать дополнительные понятия и категории, если для доказательства какой-либо истины можно обойтись без них.

Чтобы объяснить реальность, нужно прибегнуть к минимальному количеству принципов.

П. В. Жуйков настаивает на возможности успешного применения «бритвы Оккама» в образовательной практике. Автор аргументирует это тем, что основной задачей учителя является понимание учеником сути темы, поэтому объяснение должно концентрироваться на ядре темы, а не на абстрактных высказываниях вокруг нее [7, с. 11].

В качестве одного из примеров проявления «бритвы Оккама» можно привести способы решения квадратных уравнений. Все мы во времена обучения в школе знакомы с нахождением корней квадратного уравнения с помощью вычисления дискриминанта. Для этого нужно было проделать 4 математические операции. Но и на этом решение не заканчивалось. Если дискриминант оказывался равным нулю, то для обнаружения единственного корня следовало совершить еще 3 математические действия. Если же дискриминант являлся положительным числом, то нужно было провести 5 математических операций для нахождения каждого из двух корней уравнения. Итого — 10 вычислительных действий. То есть, чтобы решить квадратное уравнение, в целом необходимо совершить 14 шагов. Как мы видим, пользуясь изложенным способом решения, мы прибегаем к большому числу действий. Но учителя предлагали нам и иной метод нахождения корней квадратного уравнения — с применением теоремы Виета. В этом случае мы прибегали лишь к трем математическим операциям, но получали тот же самый результат.

Естественно, не нужно забывать, что не все виды квадратных уравнений получится решить по теореме Виета. Но когда это возможно, лучше выбирать более короткий путь, приводящий нас к истине, чем «множить сущности», используя дискриминант.

Проявление «бритвы Оккама» можно обнаружить не только на школьных уроках алгебры, но и во взрослой повседневной жизни.

Каждый из нас хоть раз сталкивался с ситуацией, когда находишься один в квартире, но слышишь внезапный шорох. Самое простое объяснение неожиданному звуку — сквозняк, порыв ветра. И чаще всего, оно оказывается верным. Но вместо того, чтобы удовлетвориться простым и понятным истолкованием, мы начинаем нагромождать сущности. К примеру, представляем, что виновник нашего беспокойства — это потусторонние силы. Взяв за основу указанное предположение, нужно задумываться и над рядом других вопросов: как осуществляется переход из мира усопших в мир живых, каким образом бестелесные создания перемещают предметы, какую инфор-

мацию пытаются духи донести до нас своим поведением и т. д.

Можно найти массу примеров, когда мы сами усложняем себе жизнь вместо того, чтобы отсекал все лишнее с помощью «бритвы Оккама», выбирая наиболее простой, но вместе с тем исчерпывающий алгоритм действий.

В завершение нельзя не упомянуть и о двойственности истины, на которой настаивал Уильям Оккам. Он полагал, что религии свойственна одна истина, а философия — другая. То есть, эти две области не следует смешивать и пытаться совместить, так как в вопросах веры не стоит рассчитывать на разум, а проблемы науки и познания нельзя решить при помощи веры. По мнению Оккама, «чем уже сфера компетенции человека относительно Бога, тем шире пространство веры» [8, с. 87].

Именно поэтому Оккам опровергал доказательства существования Бога. Английский философ не допускал и возможности рационального доказательства догматов религии [5, с. 349]. Логически рассуждая, не представляется возможным вывести какие-либо положения о Боге. Все доказательства бытия Бога, приводимые философией, неубедительны и несостоятельны [2, с. 181].

Оккам немало времени посвятил разрешению проблемы существования Бога единого в трёх лицах. Однако философ был уверен в том, что догма о Святой Троице превосходит любой разум, ее невозможно совместить с рациональными представлениями людей, не стоит даже пытаться проникнуть в сферу божественных замыслов, используя при этом логические построения.

Поддерживая рассуждения Оккама, добавлю, что, если Бог есть, он не может быть никак описан человеком. Еще Тертуллиан говорил: «Верую, ибо абсурдно». Существование Всевышнего, представления о возможности загробной жизни — все это не подчинено человеческой логике. «Единственный путь познания — опыт, все остальное — дело веры» [12, с. 65], — так объясняет позицию Оккама Е. А. Фролова.

Бог, находясь выше человека по иерархии, раскрывает себя и свою волю верующим в Него. То, что люди могут постичь посредством разума, не может являться Божественным откровением. «Неисповедимы пути Господни» — как гласит известное библейское выражение. Бог — это обязательно нечто настолько невероятное, непостижимое, что рациональный подход к нему неприемлем.

Таким образом, деятельность Уильяма Оккама была направлена в большей степени на решение проблем теологической направленности. Вместе с тем, разработанные им положения применяются и в научных исследованиях по настоящее время.

Литература:

1. Артемов, А. А. Философия Средних веков и эпохи Возрождения / А. А. Артемов // История философии: Курс лекций. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. — с. 33.

2. Бойко, О. А. Проблема соотношения веры и разума в средневековой философии/О. А. Бойко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 12-1 (51). — с. 181.
3. Гайдено, П. П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания/П. П. Гайдено // Вопросы философии. — 2014. — № 2. — с. 161.
4. Гончарова, А. О. Человек, Бог и свобода в философии Уильяма Оккама/А. О. Гончарова // Гуманитарный акцент. — 2020. — № 2. — с. 26.
5. Горфункель, А. Х. Оккам/А. Х. Горфункель // Атеистический словарь. — Москва: Политиздат, 1983. — с. 349.
6. Душин, О. Э. Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII-XVI вв./О. Э. Душин; О. Э. Душин; С.-Петербург. гос. ун-т. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-т, 2005. с. 132
7. Жуйков, П. В. Применение методологического принципа Уильяма Оккама «Бритва Оккама» в образовательной практике/П. В. Жуйков // Восточно-Европейский научный вестник. — 2018. — № 1 (13). — с. 11.
8. Исаев, А. А. Бытие и существование человеческого и божественного в средневековой философии/А. А. Исаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 8 (70). — с. 87.
9. Курантов, А. П., Стяжкин Н. И. Оккам. М., «Мысль», 1978. с. 99.
10. Степанова, Е. А. Теория божественного повеления: логическое опровержение и теологическое оправдание/Е. А. Степанова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2020. — № 87. — с. 76.
11. Уильям Оккам: Избранное: Пер. с лат. А. В. Апполонова и М. А. Гарнцева под общ. ред. А. В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2002. — с. 133
12. Фролова, Е. А. Политическая и правовая теория У. Оккама/Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 3 (159). — с. 65.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 1 (396) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 19.01.2022. Дата выхода в свет: 26.01.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.